

**Петербургский
читательский форум:
КНИГА И ЖИЗНЬ**

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

Петербургский читательский форум: книга и жизнь. — Санкт-Петербург, Свое издательство, 2017. — 322 с.

ISBN 978-5-4386-1345-9

В сборнике представлены материалы Четвертого Петербургского читательского Форума — 2017. В книгу вошли творческие работы школьников России и Республики Казахстан — победителей заочного конкурса «Книга и жизнь».

СОДЕРЖАНИЕ

Петербургский читательский форум:	
читатель — писатель — исследователь	6
Алексеева Елизавета. Книги, хранящие души	11
Андрейчук Дмитрий. «Дом, в котором» — книга-дом, книга-вселенная	13
Бакланова Елена. Ох уж этот брат!	17
Батырбаева Аида. Книга, изменившая жизнь	18
Бородина Дарья. Подумаем об этом завтра	25
Боярских Евгений. Сила книги	27
Бритвина Анна. Люди как книги	29
Бурина Ксения. Однажды в сказке	30
Вараксина Дарья. Наконец-то я нашел тебя!	43
Вдовин Даниил. Неизданные произведения	47
Гремякина Дарья. Чему же учит эта книга?	49
Дедова Елизавета. Тайна заброшенного дома	61
Досмурзаев Абылай. Вечная жизнь	66
Есимова Аида. О чем мне рассказала старая книга	77
Ескараева Дара. Лето посреди зимы.	82
Жарова Ольга. Судьба книги	88
Жунисова Анель. Тайна, изменившая мою жизнь	90
Заблоцкая Ольга. О чем мне рассказала старая книга	94
Захаренков Денис. Чтобы не было мусора	96
Кабдуллина Данагуль. И журавли ко взлету готовятся...	101
Каирмагамбетова Сангиза. Пример для подражания	112
Каськова Ксения. Прости	127
Кобаидзе Тамара. Книга, изменившая мою жизнь	130
Копылова Ева. История домашней библиотеки	133
Космина Мария. Потерянная книга	136
Красильникова Злата. Книга в сером переплете	140
Кряквин Виктор. Исповедь книги	144

Лесничин Алексей. История моей семьи — наши книги	153
Лискина Ирина. Хранилище тайн	155
Мастыкина Екатерина. Подарок от бабушки	159
Медведева Елена. Книга жизни	161
Морозова Виктория. Книга, изменившая мою жизнь	163
Наливкина Александра. В городе неоновых взглядов	165
Немеренова Асель. Книга — спаситель заблудших душ	169
Никифоров Артем. Поле июньских цветов	175
Овчинников Олег. Домовая книга семейного счастья	186
Орлова Ольга. Реликвия	188
Плотникова Римма. История одной книги	192
Поспелов Капитон. Плацебо	197
Пошехнова Татьяна. Теперь со мной рядом Мэри и Роберт	208
Прямикова Елена. Я, Маринка плюс повесть «Динка»	211
Пушневая Юлия. Не суди книгу по обложке.	215
Пятин Артем. Демон книги	216
Рыбалко Анастасия. Моим будущим детям вместо завещания	225
Савелкова Полина. Я из мало читающей семьи?!	229
Сакенкызы Нурдана. Век Мехатроников, или Секрет Великого Техно	231
Салахиева Екатерина. История о мальчике Мише, который считал, что в жизни все легко и просто	242
Сердюков Илья. Давайте читать всей семьей	244
Сидорова Полина. Судьба	246
Соловьева Ксения. История одной книги	252
Строганова Екатерина. Читай!	257
Сутковая Мария. Жизнь и книга — понятия неразделимые	260
Тохтарова Малика. Ночной разговор	264
Третьякова Мария. Другой мир	268
Фатихов Вадим. Уроки мудрости старой книги	272
Федирко Дмитрий. Дневниковые записи Петра Николаевича Иванова, участника международной космической экспедиции	274

Федоров Григорий. Книга, изменившая мою жизнь	276
Федотова Людмила. Книга в жизни моей семьи	278
Хвостанцев Кирилл. Случайность	280
Чайкин Илья. Самая интересная книга	282
Чудных Жасмин. Зоя — значит «жизнь»	284
Шабунина Виктория. Урок от Кирилла Орловского (Из историй моей бабушки)	290
Шадрин Лев. Мудрая книга. Учебник для настоящих мужчин	294
Шатровский Константин. Книга о Настоящем Человеке	298
Шульгина Елизавета. Книга, пробудившая желание жить	300
Яковлева Вера. Лучшая помощница.	310
Якубовски Ксения. Таинственная комната	312
Ячнева Виталина. Открываю себя!	318

Петербургский читательский форум: читатель — писатель — исследователь

*Черняк М. А., доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
РГПУ им. А. И. Герцена*

*Ядровская Е. Р., доктор педагогических наук,
профессор кафедры образовательных технологий
в филологии РГПУ им. А. И. Герцена*

Дорогие читатели! Вы открываете книгу творческих работ участников IV Всероссийского культурно-познавательного проекта «Петербургский читательский форум».

Вот уже четвертый год на берегах Невы проходит это замечательное событие для детей и взрослых — праздник чтения, детского творчества, радостного общения. На протяжении всех лет его неизменными организаторами являются Центр дополнительного образования «Альфа-Диалог», Творческая лаборатория «Ювента», РГПУ им. А. И. Герцена, Центр чтения Российской национальной библиотеки и Фонд поддержки образования. Партнерами Форума в 2017 году выступили Центральная городская детская библиотека им. А. С. Пушкина и Школа театра, телевидения и шоу-бизнеса.

В Форуме приняли участие школьники и педагоги Санкт-Петербурга, а также делегации учащихся из Алдана (Республика Саха (Якутия)), Владивостока (Приморский край), Горнозаводская (Пермский край), Махачкалы (Республика Дагестан). Впервые в этом году, благодаря содействию Фонда поддержки образования, Форум принимал и зарубежных участников — делегацию школьников из разных городов Республики Казахстан, победителей заочного этапа Форума. Так Форум постепенно расширяет свою географию, ведь чтение и общение людей не имеет границ.

Каждый день Форума был насыщен яркими событиями: это и мастер-классы «Зачем читать современную литературу?» (Черняк М. А., д. филол. наук, проф. кафедры русской литературы РГПУ им. Герцена), «Сценическое воплощение текста» (Николаев В. И., художественный руководитель Творческой лаборатории «Ювента»), «Игра в слова» (Дунев А. И., канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка РГПУ им. Герцена); и учебная конференция «Читатель — Исследователь» (Ядровская Е. Р., д. пед. наук, проф. кафедры образовательных технологий в филологии РГПУ им. Герцена); и литературная экскурсия по Санкт-Петербургу, и посещения Мариинского дворца, Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, Центральной городской детской библиотеки им. А. С. Пушкина, Фундаментальной библиотеки им. императрицы Марии Федоровны; Театра юных зрителей им. А. А. Брянцева. Ярким событием стала встреча с замечательным петербургским писателем Николаем Прокудиным, который рассказал ребятам о своем необычном творческом пути (от автора новой военной прозы до автора детских приключенческих романов) и с удовольствием ответил на многочисленные вопросы участников.

В течение всей программы Форума ребятам помогали тьюторы Форума — студенты филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена Александра Мартыненко и Павел Володин.

«Книга и жизнь» — так называлось направление тематики конкурса творческих работ, проходившего на заочном этапе Форума. Предлагая школьникам такое направление размышлений, нам хотелось узнать и понять, как сопрягается прочитанное с реальной жизнью современных подростков, как движется и развивается диалог читателя-школьника с книгой и тем, о чем думают, что переживают и проживают сегодня юные читатели. Тематика могла быть самой разнообразной («Необыкновенные приключения книги», «Книга, изменившая жизнь», «О чем мне рассказала старая книга», «Книги в жизни нашей семьи»), ведь

«если задуматься, наша жизнь очень похожа на книги»
(Бакланова Елена (6 класс), Санкт-Петербург)

Творческие работы ребят порадовали нас многообразием жанров (рассказы, сказки, фантастические истории и др.), увлекательными сюжетами, глубокими размышлениями и яркими образами. В созданных текстах мир прочитанных книг открывался как индивидуальное архитектурное пространство: *«Не раз ловил себя на мысли, что в книгу ты проникаешь, как в некое жилое пространство. Сгибаясь,ходишь в пространство кафкианских узких дверей и низких потолков, влетаешь в мир Экзюпери, врываешься в Зону братьев Стругацких, вторгаешься на территорию героев Джека Лондона...»* (Андрийчук Дмитрий (2 курс), Москва) .

«Пожалуй, у каждого читающего ребенка в голове есть свое собственное Хранилище книг. <...> Время шло, и мое Хранилище менялось. Прямо на глазах вытягивались прямоугольные потолки, удлинялись коридоры; будто бы в забавном мультфильме жемчужинки паутины сменились воздушными Ловцами снов и льняной парусиной, томно покачивающейся на ветру. И вот уже пространство занимают несколько представительных дубовых стеллажей, настолько важных и добродушных, что, глядя на них, можно было ясно понять: это фантазийное пространство находится под серьезной неусыпной защитой. Современная зарубежная антиутопия и некоторые хулиганские подростковые романы занимали еще и журнальный столик с изящными стеклянными ножками, пара детективов с целой россытью закладок по главам покоилась на подоконнике, который возник недавно, но уже полюбился круглому окну с широкими деревянными рамами, целая стопка документальных произведений вальсяжно раскинулась на подвесном кресле. Пестрели разные обложки, заманчиво подмигивали странички с содержанием.

От каждой из них, независимо от возраста, пахло восхитительной свежей бумагой с едва древесным оттенком,

прохладной кожаной корочкой обложки и едкой типографской краской. В воздухе витало еще несколько ароматов, привычных для жизни Хранилища: кофейные зерна, будто по субботам здесь собирались давно забытые поэты и поэтессы и устраивали музыкально-поэтические вечера со свежим кофе, запах воска и пряностей, будто по ночам какой-нибудь одинокий писатель перечитывал свои рукописи, небрежно держа в руках свечу и проливая на страницы капли воска одну за другой, одну за другой...» (Лискина Ирина (10 класс), Бобров) .

Ряд творческих работ были посвящены семейным историям, в которых книга сыграла главную, нередко спасительную роль. Так, например, в рассказе Алексеевой Елизаветы (6 класс, Можайск) «Книги, хранящие души», книга «Алые паруса» Александра Грина стала настоящей семейной реликвией: в суровые годы войны помогла выжить и *«научила верить в чудеса, верить в жизнь и побеждать трудности»*.

Среди книг, которые изменили взгляды на жизнь наших юных читателей, — столь разные «Евгений Онегин», «Дубровский» А. С. Пушкина, «Прощание с Матерой» В. Распутина, «Дом, в котором» М. Петросян, «Белое на черном» Р. Д. Гонсалеса Гальего, «Динка» В. Осеевой, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «Унесенные ветром» М. Митчелл, «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса, «Зеленая миля» С. Кинга, «Пасха» А. Борзенко, «Дети Капитана Гранта» Ж. Верна, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Три твоих имени» Д. Сабитовой и многие другие.

Традиционно весь Петербургский читательский форум пронизывает игровая линия, объединяющая все дни системной интеллектуально-творческих заданий. В этом году фразой-кодом, которую должны были отгадать участники, стали слова Рене Декарта: *«Люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы договорились о значении слов»*. Участники форума получили письмо от Странника, в котором говорилось: «Вы, конечно, слышали об «Эффекте ба-

бочки», описанном Р. Брэдбери в рассказе «И грянул гром». Любое изменение в прошлом повлечет мощное изменение в будущем. Следовательно, необходимо изменить ситуацию с чтением в вашем, XXI веке, чтобы не изменилось значение слова «Читать» в будущем». Выполняя сложные творческие и интеллектуальные задания Странника, посещая библиотеки и мастер-классы, все время возвращаясь к разговорам о Книге, участники Форума раскрывали разные значения слова «читать». Победители получили почетное звание «Прогрессор-2017», то есть человек, добившийся больших успехов в 2017 году в процессах, влияющих на судьбу книги в будущем. На закрытии форума в финальном письме Странника говорилось: «На всех участниках Читательского форума, а особенно на «Прогрессорах», лежит большая ответственность. Ведь потеря интереса к книге у ваших современников может снова сделать ситуацию непредсказуемой и привести к исчезновению книги как таковой в будущем. Я уверен, что вы будете всегда помнить об этом и не допустите катастрофы». Таким образом, прошедший в Год экологии Петербургский читательский Форум — 2017 вернулся и к проблеме экологии культуры и экологии языка.

Книги, хранящие души

На красивой и гостеприимной земле, где круглый год светило солнце и пели птицы, жили такие же жизнерадостные люди. Они выращивали виноград, хлеб, ухаживали за своими садами и воспитывали детей. После работы вечерами молодежь пела веселые и душевные песни, а бабушки своим внукам рассказывали волшебные сказки.

Но пришла беда на эту землю. Тяжелые солдатские сапоги вытоптали желтые хлеба, танки разорили сады и виноградники, а бабушки попрятали своих внуков в домах. Молодежь уже не пела песни: одни ушли в партизаны, других угнали в плен. В тишину и темноту с приходом ночи погружалось местечко. Собаки — и те перестали лаять. Жизнь замерла. Люди с опаской и днем-то боялись ходить.

В одном из домов допоздна горел чуть заметный огонек. Здесь жила маленькая девочка, которая осталась совсем одна: отец ушел на фронт в первые дни войны, вскоре умерла мама. Приходилось этой девочке еще труднее, чем ее подругам: у тех были мамы и бабушки. Днем девочка хозяйничала в доме, а вот когда наступал вечер и жизнь в селе затихала, ей становилось очень страшно. Однажды ночью, когда совсем было жутко, она вспомнила, что, уходя на войну, папа на память подарил ей книгу А. Грина «Алые паруса» и сказал при этом: «Надо, дочка, очень верить, и тогда все получится».

Маленькую девочку звали Тамарой. Всю войну, до самого освобождения родной земли Советской Армией, девочка при свечах по ночам читала эту книгу. Теперь она уже не только не боялась оставаться одна в темном холодном доме, но даже ждала вечера, чтобы опять окунуться в сказочный и чистый мир Ассоль. Открывая книгу, Тама-

ра попадала в совершенно новую вселенную, которая была так далека от взрывов снарядов, автоматных очередей, лающей речи вражеских солдат. Главная героиня стала для нее даже подругой, Тамара часто советовалась с ней, представляла себя на месте Ассоль. Наверное, это было самое дорогое, что помогло пережить страшное время немецкой оккупации.

После войны Тамара закончила институт, стала учительницей. Это была моя прабабушка. Она учила своих учеников любить книги и очень часто рассказывала, как помогла в трудные времена ей юная Ассоль. Стали учителями ее дочь и внучка. Три поколения, для которых книги — необходимость. В нашем доме огромные шкафы, заполненные различными изданиями. На любой вкус можно найти детективы и фантастику, детскую и классическую литературу. Но на самом почетном месте — старенькая в потертой обложке прабабушкина книга. Это она научила ее верить в чудеса, верить в жизнь и побеждать трудности. Она учит сегодня и меня, четвертое поколение. Для меня Ассоль — образец девушки, а ее история — сказка о жизни, которая зарождает веру в прекрасное. Пусть у этой книги потертые странички с капельками воска, но как дорога она нам всем. Именно с книги «Алые паруса» родилась наша семейная библиотека, которую мы так бережно собираем, с нее началась любовь к прекрасному — литературе.

Давно нет прабабушки, а помнят ее многие. Как своих детей и внуков, так и своих учеников, научила она любить книги, находить в них ответы, верить в чудеса и ценить Родину. Этому меня учила моя бабушка, а теперь учит и мама. И я твердо знаю, что выжить в трудной ситуации книга поможет всегда. Она может быть и другом, и судьей, и путеводителем по жизни.

«Дом, в котором» — книга-дом, книга-вселенная

Удивительные вещи происходят с человеком, когда перед ним лежит раскрытая книга, например, книга, которую ты только собираешься прочитать. Открываешь ее, перелистываешь страницы — и перед тобой распахиваются двери в секретные лаборатории, с тобой говорят известнейшие ученые, ты узнаешь о самых сокровенных думах и желаниях людей, которыми восхищаешься или которых ненавидишь... Хочешь получить богатый жизненный опыт, не имея физической возможности перенестись в другую эпоху, — читай классическую литературу. Давно не отправлялся в путешествия — книги о приключениях отважных рыцарей, галантных кавалеров и прекрасных дам, о судьбах мореплавателей и первооткрывателей ждут твоего внимания. «В жизни... всегда есть место подвигу», главное — быть к нему готовым. Никогда не поздно прочесть лучшие книги о Великой Отечественной войне, о детстве прославленных полководцев, их воспоминания, письма. Осталось только научиться лавировать в море информации и с детства воспитывать в себе вкус к хорошей литературе. И тогда увидишь в книгах то, что тебе близко, полезно, важно.

А что делать, если захотелось снова оказаться в детстве? Помните, как все дети вашего дома в ближайшем сквере строили крепости из старых подушек и одеял, устраивали в них чаепития? Делали домики на деревьях и мастерили шалаша в кустах... Это сейчас соседские дети общаются с помощью гаджетов, а я еще застал время прятков, догонялок, игр в «Краски» и «Резиночку». А если объединить фантазию сотен детей вместе? Поселить всех в одном доме, который находится неподалеку от города? Об этом и написана книга «Дом, в котором» Мариам Петросян.

Когда я начал читать книгу, то еще не знал, что речь пойдет о доме-интернате, где живут дети-инвалиды. Согла-

ситесь, не самая лучшая новость перед прочтением книги. Мы привыкли считать чужими людей, которые чем-то отличаются от нас. Говорим о толерантности и необходимости постройки пандусов для колясочников, а сами часто ли под руку переводим через дорогу людей с белой тростью? Спешим, торопимся, читаем в метро переписку в соцсети, не поднимая глаз на окружающих людей...

Казалось бы, что можно написать о детях-инвалидах? Да, к их жизни обращались, но зачастую лишь если они совершили подвиг. Алексей Маресьев — настоящий человек, не сдавшийся судьбе. Но вспомним о судьбах советских солдат с ампутированными конечностями, просивших милостыню, а затем сосланных в Соловецкий монастырь и на Валаам, чтобы не омрачать картину счастливого будущего народа-победителя... А что можно написать о детях-инвалидах, особенно если они такими родились? Судьбу одного из них прекрасно передал Р.Д. Гонсалес Гальего в «Белом на черном». Вспоминаю также, как герой В.П. Крапивина, умевший мастерить чудесных голубков из бумаги, не хотел ехать в интернат для инвалидов.

В наши дни принято считать, что немногие готовы ради других пожертвовать временем, а тем более жизнью, но в действительности таких людей больше, чем кажется... В рассказе О. Генри «Последний лист» ради больной девочки герой попытался изменить реальность. Писателями создавались и целые детские государства, например, «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева. Но все же это очень отличается от увиденного в произведении армянской писательницы.

Автор показывает жизнь детей таким образом, что их ограничения и недостатки, наоборот, оказываются способностями и умениями. В одной из групп парень по прозвищу Лорд умел передвигаться по кроватям и полу на руках быстрее всех. Вожак Слепой чувствовал и слышал то, что другим оказалось не под силу. Его интуиции позавидовали бы самые опытные экстрасенсы современных шоу. У каж-

дого из детей Дома была своя особенность, свой «достаток». Вы спросите, что это за странные имена такие: Лорд, Слепой... Это вовсе не имена, а клички. Дают их детям, когда они только поселяются в Доме. Постепенно настоящие имена забываются, сбрасываются, как шелуха. В Доме дети создают свою вселенную, где окружающий мир просто не существует. Даже окна в коридорах закрашены черными красками, а слово «наружность» боятся и не произносят всуе. Их дом — это их крепость.

Но света и тепла не становится меньше. Жители Дома создают особенную атмосферу: делают из комнат «стаи», назначают вожаков, украшают комнаты и коридоры, устраивают «ночь сказок». В Доме есть свои законы, у каждой «стаи» существуют свои правила, но я не буду на них останавливаться, о них нужно узнать самому читателю, чтобы почувствовать атмосферу книги и Дома. Для меня это было самое интересное.

Эта книга изменила мое восприятие людей, которые чем-то отличаются от меня, она сблизила нас! Когда я закрыл последнюю страницу, почувствовал пустоту. Дом забрал и меня, поселил в группу, дал кличку. Я завел новых друзей и пережил вместе с ними яркие моменты, незабываемые встречи. Дом дал мне новые знакомства, подарил открытия, нагрузил проблемами, которые требуют обдуманного, взрослого решения. Книга «Дом, в котором» подарила незабываемые эмоции и изменила мою жизнь.

Наш колледж сотрудничает с реабилитационным центром «Преодоление». Педагоги и студенты по воскресеньям приезжают к «колясочникам» и проводят мастер-классы по карвингу, складыванию салфеток, устраивают концерты. Наши старшекурсники недавно приезжали в центр с блинами и чучелом Масленицы, которое вместе с пациентами торжественно сожгли. И с момента погружения в книгу Мариам Петросян я по-другому стал относиться к труду тех, кто свое свободное время отдает этим людям (каким является в книге воспитатель Лось). И я теперь по-иному

отношусь к волонтерской работе, ведь люди, для которых ты стараешься, тоже заслуживают права быть счастливыми. И книга помогла мне увидеть нашу реальность в других красках. Более того, после моего отзыва о книге это произведение прочитали все мои друзья, которых поначалу смущал объем (все-таки найти время читать для души при большой учебной нагрузке непросто), а недавно — и несколько однокурсников.

Прочитав этот роман, я погрузился в совершенно особое состояние, ощутил себя прожившим несколько дней (а то и лет) в Доме, где время может ускоряться и замедляться.

Хочется провести несколько параллелей с другими домами, в которых я также оказывался благодаря силе слова, мастерству автора, сценариста или режиссера. «Прощание с Матерой» В. Г. Распутина показало, насколько близким, родным, живым может быть родовой дом, с которым связаны знаковые для людей события. А сколько могучих домов-кораблей оказывается брошенными своими флагманами в населенных пунктах, которых на уроках географии теперь просто называют «деревни-призраки»...

Вспоминается и старый советский фильм о Великой Отечественной войне «Дом, в котором я живу». В нем дом был свидетелем и участником многих событий.

Не раз ловил себя на мысли, что в книгу ты проникаешь, как в некое жилое пространство. Сгибаясь,ходишь в пространство кафкианских узких дверей и низких потолков, влетаешь в мир Экзюпери, врываешься в Зону братьев Стругацких, вторгаешься на территорию героев Джека Лондона...

В книгу Мариам Петросян «Дом, в котором»ходишь, как в уютный (да-да, несмотря ни на что) Дом, где царящие порядки поначалу кажутся жестокими и не всегда справедливыми, но к которым привыкаешь и которые отчасти принимаешь. Поначалу казалось: еще одно мгновение, и Дом, как жилище Ашеров из рассказа Э. По, сгинет, исчезнет. Но

Дом оказывается прочнее, чем кажется на первый взгляд. А все потому, что у него есть своя история, свои легенды, он перешел из физического в текстовое измерение. Даже если Дом исчезнет, как исчезнет физически после сноса знаменитая Ховринская больница — источник городских легенд, страшилок и баек, он не канет в Лету, а останется в воспоминаниях своих воспитанников и возродится их усилиями.

Для меня «Дом, в котором» — это книга, открывающая некую Вселенную со своей альтернативной историей мира...

Бакланова Елена (6 класс), Санкт-Петербург

Ох уж этот брат!

Если задуматься, наша жизнь очень похожа на книги. Я не замечала этого до его рождения... 2 января 2015 года на свет появился он... мой брат. Вот тут все и началось!

С этого момента жизнь нашей семьи поменялась во всех направлениях, во-первых, появился новый человек, а во-вторых, именно с этого момента наша жизнь стала похожа на книгу. Трудно сразу сказать, на какую, но авторов предположить можно. Скорее всего, это будут писатели-юмористы, например, Чехов, Драгунский, Зощенко, Носов... А может, авторы детективов?

Был один такой случай. Мой брат Арсений играл в комнате с бабушкой, а я делала домашнюю работу у себя. Но до того как сесть за домашнее задание, я читала «Собаку Баскервилей», и мне было страшновато. И вот я продолжаю тихо сидеть за столом, а тут... в комнату бесшумно открывается дверь... заходит Арсик, но я, вся в своих мыслях, этого не замечаю. И вдруг я поворачиваюсь. Такого моего крика, который вырвался, давно не слышал никто! Только Арсений и бабушка. Этот случай напомнил мне рассказ М. Зощенко «Недоразумение».

К слову о Шерлоке Холмсе. На мотив рассказов Артура Конан Дойля тоже есть подходящий случай в нашей

семье. Арсений очень любит брать отовсюду вещи. Один раз он стащил у мамы со стола важный документ, который был в одном экземпляре. Вся семья вооружилась методом дедукции, лупой, очками и силой ума, чтобы понять, куда этот шкодливый пацан засунул нужную бумагу. Разгадывали этот ребус целую неделю! В первый день (воскресенье) все ушли, а я осталась дома и от нечего делать начала искать пропавший документ. Мне попадались все: ручки, игрушки, скрепки, резинки, старый пенал, линейка. Это были предметы, пропавшие в последние дни. Обо всем найденном были написаны «отчеты» для мамы в стиле тех, что писал Ватсон для Холмса. В итоге пропажа нашлась — в самой дальней коробке на балконе. Ох уж этот брат!

У нас достаточно большая библиотека. Наша семья очень ценит и любит книги, а они отвечают нам взаимностью. Но с появлением в семье Арсика даже книги могут таинственно исчезать!

*Батырбаева Аида (11 класс),
Тараз, Республика Казахстан*

Книга, изменившая жизнь

Я знаю эту пожилую женщину с детства. Мы живем по соседству и часто встречаемся. Я всегда обращала внимание на ее элегантную одежду, аккуратно уложенные волосы, легкий макияж и приветливую улыбку. Но более всего меня поражали глаза женщины: они светились каким-то особенным светом. Когда я была маленькой, то считала, что из глаз Марии Ефимовны (так звали мою соседку) струится доброта. И только став чуточку старше, я смогла дать точное определение этому необыкновенному свету, льющемуся из-под иссиня-черных ресниц: это был свет любви, надежды и веры. Любви ко всему живому на земле, надежды на счастье, веры в завтрашний день и людей, окружающих тебя.

Странно, но после очередной встречи с Марией Ефимовой я долго не могла заснуть. Перед моими глазами стояла ее улыбка и неземной силы завораживающий взгляд.

Как-то вечером за чаем я спросила маму:

— Ты хорошо знаешь нашу соседку Марию Ефимовну? Почему она всегда одна? Есть ли у нее близкие, дети?

— Как много вопросов сразу. С какого начать? — с легкой улыбкой ответила мама, разрезая пирог и раскладывая по тарелкам.

— Пожалуй, с первого. А дальше — по цепочке.

— Что ж, — задумчиво сказала мама, — слушай. Но сначала скажи, чем тебя заинтересовала Мария Ефимовна?

— Взглядом. Он такой необыкновенный. Мне с детства казалось, что она из всех соседских детей любит больше всего меня. А потом я заметила, что так же Мария Ефимовна смотрит на Айгерим, Катю, Марата... на всех. Она всегда так внимательна к нам, расспросит про школьные дела, пожелает удачи.

Мама, слушая меня, становилась все серьезней и серьезней, а потом глубоко вздохнула и сказала, помешивая в чашечке чай:

— Нелегкая судьба у этой женщины. Другая бы сломалась, отчаялась, а Мария Ефимовна находит в себе силы не просто жить, а дарить людям тепло, свою доброту, любовь. Знаешь, Аидочка, о таких как она стихи нужно слагать. И пример с нее брать. Особенно тем, кто пасует перед малейшими трудностями, кто вечно жалуется на свою жизнь.

— Мама, — прервала я рассказ, — ты так говоришь, о Марии Ефимовне, будто она и впрямь героиня. А что же особенного она сделала?

— Да просто любила и верила в чудо. Правда, я лично в чудеса не верю, а вот она до сих пор ждет чего-то. Кстати, — продолжала мама, — как ты думаешь, сколько Марии Ефимовне лет?

— Думаю, лет семьдесят, не больше. Хотя... Я бы дала ей лет на десять меньше. Что, угадала?

— Немного ошиблась, дочка. Нашей соседке уже больше восьмидесяти. Помню, как несколько лет назад из военкомата приезжали поздравлять ее с юбилеем. Тогда еще какую-то награду привезли: орден или медаль. Не знаю точно, Мария Ефимовна не рассказывала, не хвасталась перед соседями. Просто сказала, что нашла награда адресата.

— Вот интересно! Значит, она воевала?

— Нет, она ждала. И не только четыре года, а всю жизнь. И сейчас ждет своего любимого.

— Так его уже нет в живых. Кого же ждать? Она что, не получила похоронку?

— Получить-то получила, да не поверила. Как-то она разоткровенничалась и сказала: «Я, милая, не верю бумаге, штампам. Вот если бы кто-то видел, как Витеньку убили... И то бы не поверила».

Я все больше удивлялась услышанному. Мне хотелось побежать к Марии Ефимовне и лично узнать все подробности ее жизни. Но было уже поздно, да и мама предложила перенести разговор на утро, тем более что завтра воскресный день и можно спокойно продолжить беседу.

Я погасила свет в спальне, попыталась уснуть. Но огромный диск луны врывается в комнату сквозь шторы, как будто звал меня. И, поддавшись магическому свету, я выглянула в окно. Небо было усеяно звездами, Млечный путь ярко выделялся на бархате ночного неба. Неожиданно вспомнились строки стихотворения, которое мы читали на уроке литературы:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Да это же о Марии Ефимовне! Это далекий голос ее любимого слышится из-за завесы времени: «Жди меня...» И она ждала. Она и сегодня продолжает ждать. «Вот это настоящая любовь. Мне обязательно нужно поговорить с Марией Ефимовной. Я должна понять истоки этой великой силы, которая делает человека счастливым», — думала я, засыпая.

Утро выдалось теплое, солнечное. На душе было светло и радостно. Наскоро позавтракав и полив свои любимые фиалки, я спустилась на первый этаж и позвонила в квартиру номер четыре. Никогда еще я не была здесь, но когда отворилась дверь и я увидела на пороге Марию Ефимовну в простом домашнем халате, то вдруг почувствовала, что и она, и ее комната, и легкие занавески на окнах, и даже рыжий пушистый кот — все мне близко и знакомо.

— Аидочка, детка! — воскликнула хозяйка, сразу пропуская меня в прихожую. — Как хорошо, что ты пришла именно сегодня. Моему Витеньке исполняется девяносто лет.

Я, признаться, была несколько смущена: как можно о мертвом человеке говорить как о живом?

Вероятно, заметив мое смущение, Мария Ефимовна продолжала:

— Не стесняйся, заходи. Вот уже и любимые Витенькины пирожки с брусникой поспели, и лимончик я нарезала тоненькими дольками, как он любил.

— Да я на минутку, — волнуясь и удивляясь такому приему еще больше, пролепетала я. — Хотела с вами просто поговорить...

— Что ж, вот и поговорим, — мягко взяв меня за руку, сказала соседка и повела в комнату.

Теперь, разглядев ее ближе, я увидела морщинки у глаз, у рта, над бровями. Но глаза... Глаза по-прежнему лучились. Их мягкий свет наполнял душу, и мне так хотелось прикоснуться к седым волосам, по обыкновению тщательно уложенным в незатейливую прическу.

До самого обеда мы пили чай с пирожками и разговаривали, сидя в мягких креслах. Со стены на нас смотрел красивый чернобровый военный. И создавалось впечатление, что нас в комнате трое. Мария Ефимовна сама заговорила о муже, о тяготах тыловой жизни. Но не жалобы, не желание высказаться и облегчить свою душу чувствовались в словах, а любовь.

Наконец, я спросила, что же помогло Марии Ефимовне сохранить эту любовь, что дало ей силы пронести через десятилетия верность любимому и надежду на то, что он жив.

— Все очень просто, — улыбаясь, ответила Мария Ефимовна, — книги. Да, да, книги... Знаешь, Аидочка, я ведь чуть не умерла от горя. Несколько месяцев после получения похоронки не спала, не ела. В больницу меня привезли в очень тяжелом состоянии. Я тогда думала: «Зачем жить? Любимого нет, детей тоже нет... Я одинокая былинка в пустыне...» Это сейчас я вижу окружающих людей. А тогда... тогда я никого не замечала или не хотела замечать. И вот тогда-то нянечка принесла мне в палату газету, в которой было напечатано стихотворение «Открытое письмо женщине из г. Вичуга» К. Симонова, где он дает совет женщине, не дождавшейся мужа с фронта.

«Да где ж вы душу потеряли?» — были там такие строки. И они меня задели. Нет, я не изменяла мужу, я была верна ему. Но ведь я усомнилась в своей любви. Я поверила, что он погиб. А это, мне казалось тогда, сродни предательству. Я стала читать стихи Симонова и будто крылья обрела. Знаешь, самым любимым стало стихотворение «Жди меня».

Я с улыбкой посмотрела на Марию Ефимовну и сказала:

— А ведь именно это стихотворение вспомнилось мне вчера вечером. Я смотрела на Млечный путь и шептала строки...

— ... Наполненные любовью и верностью, — продолжала Мария Ефимовна. — И столько в них силы, веры, Аидочка:

Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Читая стихотворение, вернувшее ее к жизни в далеком сорок пятом, Мария Ефимовна смотрела в окно таким проникновенным и теплым взглядом, как будто хотела увидеть за розовой пеленой майского сада своего любимого.

Я боялась спугнуть эту минуту ожидания и сидела тихо, не нарушая торжественности момента. Но вдруг Мария Ефимовна сказала:

— А знаешь, ведь Симонов вернул мне надежду, веру на встречу с Витенькой. А вот судьбу мою, всю мою жизнь изменила другая книга.

Я удивленно посмотрела на соседку.

— Неужели есть произведение, которое было бы мощнее по силе воздействия на душу человека?

— Представь себе, есть.

Мария Ефимовна молчала долго.

— Кем я была после войны? Бухгалтером... Работа, прямо скажем, скучная, бумажная, неинтересная. Но я привыкла: дом, работа и книги — вот все, что у меня было. И читала я исключительно о войне. Впрочем, давай отложим наш разговор на вечер. Ты устала от моих воспоминаний.

— Что вы! Нет. Я не устала.

Но все же я должна была с ней согласиться. И не потому, что устала, просто мне необходимо было разобраться в том, что я услышала.

Когда вечером я вошла в комнату Марии Ефимовны, то увидела на столе множество фотографий.

— А это кто? Не может же быть у вас столько племянников, — улыбаясь, спросила я.

— Нет, конечно. Это те дети, ради которых я изменила профессию и жизнь свою. А вот и книга, которая мне помогла в этом.

Мария Ефимовна протянула мне тоненькую книжку.

— Виталий Закруткин, «Матерь Человеческая»,— прочитала я и вопросительно посмотрела на соседку.

— Когда я прочитала эту книгу и познакомилась с главной героиней Марией, я поняла, что превыше всего должно быть для женщины.

— Конечно, любовь,— не смогла я промолчать.

— Да... Но какая? Вот главная героиня повести могла любить по-настоящему: жизнь, еще не рожденное ею дитя, немецкого солдата, который шептал по-немецки священное слово «мама» перед смертью, семерых детей, которых нашла она в поле. Понимаешь, сколько было в этой женщине любви и силы! У нее на глазах казнили мужа и сынишку, на ее руках умерла сельская девочка... А она не сломалась, все вынесла, работала на колхозном поле за всю бригаду, стала матерью для чужих детей, которых война осиротила, сама родила сына.

Я не могла без слез слушать рассказ Марии Ефимовны. Я не стыдилась своих слез.

А Мария Федоровна всплеснула руками:

— Господи, до чего довела девочку своими рассказами, старая.

— Нет, нет! Продолжайте, попросила я.

— Да что продолжать? Бросила я свою бумажную работу и пошла нянечкой работать в детский дом. Вот там-то и началась моя новая жизнь, там-то я и нашла себя, рядом с детьми, в заботах о них. Более тридцати лет я была няней Машей. Педагогическое образование, как понимаешь, я не получила. Но ведь не это главное. Важнее, что всем сердцем полюбила я детей, они стали для меня самыми родными. Думаю, и Витенька полюбил бы их.

— Интересная у вас жизнь. Полная, насыщенная событиями. Но вы почему-то всегда одна...

— Что ты, Аида! А горы писем? Посмотри,— она показала на ящики, в которых доверху были сложены письма. Из Тюмени, с дальнего востока, из Швейцарии... И начина-

лись они все одинаково просто и тепло: «Здравствуй, няня Маша». Я перебирала конверт за конвертом.

— Не ищи, там нет того письма, которое я жду столько лет. Я поняла: его не будет. Да уж ладно... Скоро встречу со своим Витей. Немного уж осталось. Уже скоро...

Дома я пересказала маме наш разговор, а утром в школьной библиотеке взяла книжечку в тонком переплете, на обложке которой было написано: В. Закруткин, «Матерь Человеческая». Как знать, может именно эта книга изменит и мою судьбу?

А Марии Ефимовны не стало поздней осенью. Она, наверное, уже рядом с тем, кого ждала всю жизнь. И счастлива...

Бородина Дарья, (8 класс), Пермь

Подумаем об этом завтра

Вечер пятницы, многие отдыхают и веселятся, а Вера быстро возвращается домой, прячась под зонтом от непрекращающегося ливня. В голове ее роилось множество мыслей, но больше всего она хотела лечь в кровать и не думать ни о чем. Все в ее жизни шло не по плану. Все, к чему она стремилась много времени, рушилось на глазах. Все, что ей нужно было, вмиг оказалось недостижимым. И она не знала, что сделать, чтобы все это вновь встало на свои места.

Придя домой, Вера хлопнула дверь, сбросила с себя промокшее пальто и легла на кровать. Она смотрела уставшим взглядом на потолок и пыталась успокоиться. Вера была рассудительным человеком и чаще слушала разум, чем сердце. Сейчас разум говорил ей отвлечься, а сердце просило продолжать злиться и бунтовать. Она как всегда послушала свой здравый рассудок.

Вскочив с кровати, Вера подошла к комоду, где лежали книги, доставшиеся ей от бабушки. Обычно она редко открывала его. Книги терялись и забывались в постоянной рутине, окружавшей Веру.

Девушка открыла комод, и взгляд ее упал на книгу, с обложки которой на нее смотрели яркие черные глаза, притягательные и завораживающие. Она прочитала: Маргарет Митчелл. «Унесенные ветром». Вера слышала об этой книге когда-то и теперь решила прочитать ее, погрузиться в другой, еще неизведанный ею мир.

Вера быстро потеряла счет времени, часы превратились в минуты. Забыв про свои неудачи, про сон, она жила уже совсем другой жизнью, жизнью Скарлетт О'Хара. Вера пропустила через себя все, что пережила Скарлетт: ее неразделенную любовь, войну Севера и Юга, ее внутренние разногласия, одиночество. Вера поддерживала ее, иногда жалела и очень часто осуждала за необдуманные поступки. Но внутренняя сила, уверенность и харизма Скарлетт окончательно подкупили Веру, и эта героиня ожила у нее голове.

Закрывает книгу Вера лишь на следующий день вечером, прочитав все не отрываясь. Слезы подступали к ее глазам, но она не могла объяснить причину их появления. Она переживала, что пришел момент расставания с этой сильной, энергичной женщиной. Однако Вера надеялась, она была уверена, что Скарлетт будет бороться и справиться с тем, что преподносит ей судьба. Даже если что-то не будет получаться, Скарлетт будет верить и продолжать свою битву.

Вера оторвалась от размышлений и вернулась к реальности. У нее много проблем, но сейчас они кажутся не такими уж и неразрешимыми. Надо лишь сделать первый шаг. В голове стояли вопросы: «Послушать холодный рассудок или горячее сердце? Покориться ли ударам судьбы и плыть по течению или продолжать неустанную борьбу с превратностями жизни?». Ей поможет книга, как помогла уже не одному поколению людей. Боевая Скарлетт станет для Веры или той, чьи ошибки совершать нельзя, или примером для подражания — девушка решит это уже сама. Но книга подтолкнула ее действовать, дала поводы для размышления и возможность увидеть другую жизнь. Это бесценно.

Вера остановила свой нескончаемый бушующий поток

мыслей и сказала сама себе: «Я смогу, я найду способ решить свои проблемы, а пока надо поспать. Я подумаю обо всем этом завтра».

А завтра Вера сделает свой выбор, и все у нее будет хорошо.

Боярских Евгений (10 класс), Асбест

Сила книги

Однажды со мной приключилась необыкновенная история. Недавно нам задали прочитать роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». И вот сроки уже поджимали, а у меня оставалась непрочитанная глава «Фаталист». Решил я не ложиться спать, пока не осилю ее. Это и сыграло со мной шутку, после которой я переосмыслил свою жизнь.

Я дочитывал последние страницы романа, вникая в смысл каждой из них, как вдруг услышал стук в окно. В моей голове промелькнула мысль: «Но ведь я живу на восьмом этаже». Я подбежал к окну и увидел пару бравых мужиков, кричавших мне: «Одевайся, выходи!» Спустившись к ним, я осмотрелся вокруг. Над головой нависало голубоватое небо. Солнце всходило, и небо постепенно окрашивалась в желто-оранжевые тона. Поникие растения будто оживали после спячки, дул легкий ветерок, приносящий с собой собачий лай. Туман стелился по земле. Моему удивлению не было предела. Раздались голоса двух мужиков: «Вулич убит. Пойдем скорее с нами». Делать было нечего.

Мы пошли. Они мне рассказали все: якобы казак, сошедший с ума, зарубил Вулича прямо на дороге, а сейчас сам заперся в пустой хате. Узнав ситуацию, я понял, что напролом идти нельзя, ведь преступник вооружен. Тогда-то и пришла в голову отчаянная мысль. Я велел трем казакам стучать в дверь, отвлекать внимание, а сам обустроился у окна и наблюдал за ними через небольшую щель между ставнями, ожидая подходящего момента. Мое сердце но-

ровило вырваться из груди. Вот разбойник отвернулся, и я влетел в окно головой вниз. Прозвучал выстрел. «Промазал!» — промелькнуло в моей голове. Комната наполнилась дымом. Я подбежал к казаку и схватил его за руки, ворвались другие казаки, и очень скоро преступник был связан. Все начали пожимать мне руки и хлопать по плечу. Но я не обращал на это внимания.

Прорвавшись через толпу зевак, я сел на траву и закрыл глаза. Ветер будто унес меня к моим мыслям. Я размышлял о судьбе. Знаете, есть люди, считающие, что судьба есть, что вся их жизнь идет по предначертанному пути, а от них требуется только ждать. Они думают, что, лежа на диване и жалуясь на тяжести рока, судьбы, удела, добьются всего, что настанет их время, их ожидание будет вознаграждено. Что однажды придет человек, который изменит их жизнь, для этого нужно только подождать. А есть другая сторона медали. Люди второго типа, считающие, что судьба — это чушь. Они идут напролом к своей цели, сметая все на своем пути. В один момент душа загорелась на открытия и свершения, так они и живут — в постоянном поиске себя. Их не остановить. Я принадлежу к третьему типу людей. И могу с уверенностью вам сказать о том, что судьба есть. Но и мы не должны просиживать штаны. Нужно поступать как люди второго типа. Иди вперед несмотря ни на что, и удача улыбнется тебе, но не забывай, что всегда может произойти нечто «выбивающее тебя из колеи». Это и будет предначертано судьбой, даже не сомневайся. Стоит лишь принять это как дар и продолжать свой путь.

Вдруг я услышал какой-то шум. Открыв глаза, я очутился в своей комнате. «Неужели это был просто сон?» — сказал мой внутренний голос. Я сел на край кровати и сперва все обдумал. Перед моими глазами пронеслось все мое путешествие, все размышления. В этот момент я осознал силу русской классики и всей душой полюбил роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Люди как книги

Я провожу каждое свое лето на даче у бабушки. Она живет в старом доме. Мама с папой давно предлагают переехать в другой, более новый и красивый дом, но она все время твердит о какой-то истории и событиях. И когда начинаешь спрашивать, что это за события, бабушка аккуратно уходит от разговора.

Это лето не отличалось от остальных, который день я жила на даче у бабушки и ничего не делала. В сотый раз я пошла обследовать дом, шаталась по чердаку и рассматривала старые вещи. Среди всего этого хлама, который бабушка почему-то называла «нужным» и говорила, что память не выбрасывают, я нашла старую-престарую книгу с пожелтевшими от времени страницами. Странно, но почему-то у нее не было названия, а когда я ее открыла, то увидела, что книга написана от руки, тогда это меня очень удивило. Я со скоростью света спустилась по ступенькам и выбежала в огород, чтобы не сгореть от любопытства и спросить у бабули, что это за книга.

Выбежав в огород, я увидела привычную для себя картину: бабушка поливала грядки. Подбежав к ней, нетерпеливо спросила: «Бабушка, что это за книга?». Она повернулась, увидев у меня в руках эту неприметную книгу, чуть не присела на землю. Бабушка выхватила вещь у меня из рук, и лицо ее стало очень сердитым, будто я сделала что-то плохое, но через пару секунд лицо осветила улыбка, и слеза покатилась по ее щеке. Это была странная картина. Не проронив ни слова, она повела меня к скамейке, мы сели, и бабушка начала свой рассказ. «В этой книге, Анечка, вся моя жизнь», — сказала она. В моей голове проносились куча догадок, что эти слова могли значить. Она долго рассматривала книгу, а затем рассказала, что это ее дневник, который бабушка вела на протяжении сорока лет. В этой «летописи

жизни» обычной русской женщины есть и боль, и радость, разочарование, и счастье. Каждый раз, когда она начинала новую главу, меня переполняли эмоции, а когда бабушка закончила читать, мне хотелось громко крикнуть, но я почему-то молчала. Мы еще долго сидели молча, и вдруг, неожиданно даже для себя, я сказала: «Я хочу быть как ты, прожить жизнь как ты, чтобы у меня было, чем гордиться, как у тебя!» Бабуля долго на меня смотрела, а потом ответила: «Не надо. У каждого своя судьба, свой путь, свои ошибки, своя старая книга. Понимаешь?» — спросила она. «Понимаю».

Больше мы эту старую книгу не трогали, и об этом почти не говорили. После того, как бабушка рассказала о своей старой книге, мой мир перевернулся вверх тормашками. Я поняла, что нет абсолютно злых или добрых людей. Кого-то не понимают, у кого-то приказ, кто-то только единожды совершил добрый поступок, кого-то запомнили хорошим, кого-то плохим, ведь память не выбрасывают. Но нет «плоских» людей, ведь люди как книги. У каждого своя история, своя обложка. И со временем, когда мы все превратимся в «старую книгу», мы не будем хуже, а станем дороже.

Бурина Ксения (11 класс), Йошкар-Ола

Однажды в сказке

1. Дедушкина тайна

В светлой комнате на полу расположилась девушка. Ее белые длинные волосы облаком рассыпались вокруг нее. Перед ней — исписанные листочки. Поверх — письмо, написанное ровным, слегка наклонным почерком:

Дорогая Алиса!

Я так давно не писала тебе, а сказать надо так много... Я скучаю по нашему необыкновенному детству, полному приключений. Тебе ведь тоже этого не хватает, правда?

В последнее время много разного произошло. О, Алиса, ты ни за что не поверишь, в каких переделках мы побывали! Тебе бы это точно понравилось, не сомневаюсь. Мы нашли старое подземелье под нашей школой, а там обнаружили кое-что очень интересное. Там были настоящие сокровища и ценные документы, которые я взялась изучать. Ты знаешь, я страшно люблю загадки. В катакомбах мы едва не потеряли друг друга. Мальчики (Гена и наш новый друг Дима) ушли в сторону, оставив меня одну. Никогда прежде не испытывала такого страха. Теперь, пожалуй, меня мало что может напугать.

Кстати, о друге Диме. Кажется, я нашла родственную душу. Он понимает меня и для него неважно, насколько я отличаюсь от других.

Мне хорошо с Димой Костиковым.

С любовью, Алена Лебедева.

P.S. Одиннадцатый класс закончился, и я уезжаю в Москву. Удачи тебе в будущем году. Не теряй зря времени, оно уже больше не вернется.

Алиса Александрова, а это была именно она, снова и снова перечитывала письмо своей подруги детства. Девушек связывала крепкая дружба, но жизнь развела их: семья Алисы переехала на юг, и теперь их разделяли несколько тысяч километров.

С кресла-качалки в углу комнаты спрыгнул большой белый кот с рыжим хвостом. Он замурлыкал и потерял о плечо Алисы. Она рассеянно погладила его:

— Привет, Чарли!

Мурлыча, котище улегся на листы бумаги перед девушкой и перевернулся на спину. Алиса вздохнула и с улыбкой стала играть его лапами:

— Хитрое же ты создание, Чарли.

Неожиданно за ее спиной с открытого балкона послышался шум. За занавеской промелькнула высокая тень.

— Дверь открыта, — сказала девушка, переворачиваясь. В комнату ввалился взволнованный юноша с горящими карими глазами.

— Привет, Алиса, — улыбнулся он, присев рядом с ней.

— Здравствуй, Сильвестров. Входные двери ты не знаешь, да? — она села и скрестила ноги.

— Мы легких путей не ищем, — парень чмокнул Алису в щеку. — Скучаешь?

— Пытаюсь придумать письмо Алене.

— Это ты еще успеешь. Вставай!

— Куда? — вскинулась девушка.

— Дед ушел, у нас появился шанс пробраться на чердак. Давай, Алиска, не заставляй себя уговаривать. Все равно сидишь и не знаешь, чем заняться.

Алиса встала на ноги, опуская кота на пол. Потом выглянула за дверь и спросила:

— Есть кто-нибудь дома?

Ей ответила тишина. Девушка поманила юношу за собой, и ребята выбежали через дверь на улицу. Оказавшись снаружи, оба радостно улыбнулись, наслаждаясь погожим летним днем. Каникулы — они такие...

Они были соседями, их дома разделялись дорогой. Через пару минут ребята уже стояли перед внушительным богатым особняком.

— Алексея Игоревича точно нет? — осторожно спросила Алиса, косясь на друга. Он отрицательно помотал головой и пригласил девушку войти.

— Ладно, Никита, ты сможешь открыть дверь, когда мы поднимемся? — юноша кивнул, доставая отмычку.

С чердаком его дедушки была связана необычная история. С самого детства Сильвестрова преследовало любопытство: мальчику очень хотелось узнать, почему дедушка Леша все время проводит на чердаке и почему никогда не оставляет дверь открытой. На вопросы внука Алексей Игоревич туманно отвечал что-нибудь в таком духе: «Меньше знаешь — крепче спишь» или «Любопытной Варваре...» и тому подобное.

Очень давно Никита решил во что бы то ни стало выведать дедушкин секрет. Тайной чердака юноша заразил и свою подругу Алису — известную любительницу приключений.

Поднявшись по лестнице, ребята подошли к заветной двери. Алиса положила руку на теплое дерево — и оно неожиданно сдвинулось!

— Дедушка забыл запереть замок? — удивился Никита.

— Выходит, что да, — Алиса пожала плечами. — Давай зайдем.

Он толкнул дверь и пропустил девушку вперед.

Раздался громкий удивленный вздох, а Никита пробормотал:

— Неожиданно...

Все пространство чердака занимали книжные стеллажи. В центре стоял круглый стол, на котором тоже лежали книги. Алиса потянула веревку, висевшую перед дверью, и комнату осветило солнце — открылись окна, прежде прятавшиеся за шторами. Солнечные лучи осветили все: полки, книги, покрытые пылью, засушенные цветы в фарфоровых вазах по углам.

Никита подошел к противоположной стене. На ней висели рамки с фотографиями.

— Кто это? — спросила Алиса, подойдя к нему.

— Моя бабушка, — улыбнулся парень, касаясь старого изображения.

— Такая красивая, — прошептала девушка.

— Была...

Они пошли вдоль стеллажей, рассматривая корешки книг, прочитывая названия.

— Зачем закрывать комнату с книгами? — спросила Алиса.

— Он никогда не говорил, что собирает библиотеку, — пробормотал Никита, хмуря брови.

Алиса пробежалась по книгам, стоящим на самой последней полке. Потом вытащила одну, с большим львом на обложке. Ее руки слегка дрожали.

— Смотри Никита,— позвала она, протягивая юноше фолиант.

— «Хроники Нарнии», Клайв С. Льюис,— прочитал он вслух.— Она словно преследует тебя.

Несколько раз Алиса бралась за эту книгу, но ни разу не смогла дочитать. Странное совпадение не нравилось ей.

Никита раскрыл книгу и прочитал:

— Жили были на свете четверо ребят, их звали Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. В этой книжке рассказывается о том, что приключилось с ними...

— Подожди,— прервала его Алиса, положив руку поверх книги.— Что-то не так.

Она ощутила дуновение ветра, в воздухе запахло цветущей сиренью, а в животе появилось ощущение падения.

— Никита?..— успела позвать девушка, а в следующее мгновение мир вокруг преобразился, а сама она рухнула куда-то в пустоту...

2. Страна Аслана

Протерев ладонью глаза, Алиса с любопытством осмотрелась. Чердачная комната исчезла, вокруг больше не было стеллажей и книг.

Девушка стояла на большой зеленой поляне. Со всех сторон ее освещало солнце. Под ногами распускались и увядали красивые цветы. Окружающая красота радовала ее, но странным показался туман, кольцом окружавший всю поляну.

— Никита? — снова позвала она.

— Алиса? — девушка услышала взволнованный голос друга. Никита появился из ниоткуда и стоял в нескольких шагах от нее.

— Что случилось? — спросила Алиса.— Где мы?

— Кажется, мы перенеслись в...— юноша многозначительно замолчал.

— Нарнию? — Алиса улыбнулась.— Ты смеешься надо мной?

— А как еще ты можешь объяснить такое? — Никита обвел рукой поляну.

Девушка не нашлась, что ответить. Потом он толкнул ее в бок:

— Смотри, Алиса.

Из тумана под лучи солнца вышел большой лев. Девушка вскрикнула, а Никита вышел вперед, закрывая ее собой. Зверь в несколько широких шагов преодолел расстояние, разделяющее их.

— Здравствуйте, дети, — произнес он человеческим голосом. Алиса забыла, как говорить, а Никита спросил:

— Вы Аслан, правда?

— Вижу, вы знаете, кто я такой. Вы — Алиса и Никита, пришедшие из далекой России с южных берегов.

Алиса вздрогнула: большой Лев не просто верно назвал их имена, но и безошибочно определил, что родной город ребят находится на побережье Черного моря. Они с Никитой тревожно переглянулись.

— Не стоит бояться меня, я не причиню вам зла. Напротив, хотел бы показать вам кое-что. Следуйте за мной.

Алиса и Никита разглядывали Аслана со смесью страха и восхищения. Лев произвел на детей огромное впечатление, хотя они и понимали, что все, окружающее их, — нереально. Они собрались с духом и пошли вслед за Львом.

Аслан бесшумно прошел по траве к кольцу тумана.

— Аслан, мы в Нарнии? — спросил Никита, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь туман.

— Эта поляна — пространство меж мирами, — ответил Лев. — Отсюда можно попасть в любое место. И в ваш мир, и в волшебный. А это, — он подышал на туманную пелену, — Нарния!

Облака рассеялись, и перед ребятами открылась удивительная картина: большой роскошный замок, стоящий на скалистом берегу моря, весь окруженный пышными садами. Во дворе была разбита огромная богато украшенная беседка. Здесь король давал бал.

— Невероятно, — пробормотал Никита.

— Это бал короля Каспиана Десятого, — сказал Аслан. — Приглашены все достойнейшие. Держитесь за мою гриву.

Алиса и Никита схватились за Льва и прошли следом за ним сквозь пелену тумана. Девушка зажмурилась, но, вопреки своим ожиданиям, почувствовала лишь слабое дуновение ветра. Открыв глаза, она обнаружила вокруг пестро разодетых людей.

— Алиса! — позвал Никита. — Посмотри на себя!

Девушка опустила глаза на свою одежду и ахнула от удивления. На ней было бархатное темно-синее бальное платье, украшенное на груди и поясе серебристой вышивкой; ее волосы крупными локонами падали на обнаженные плечи, голову покрывал цветочный венок.

— Ты великолепно выглядишь, — сказал ей Никита.

— Благодарю, — Алиса улыбнулась и слегка присела в реверансе. — Ты тоже.

Юноша был одет в темно-голубой камзол, белую сорочку, черные брюки и лакированные сапоги до колен.

Налюбовавшись своими нарядами, они огляделись вокруг. Позади остались ворота замка, увитые зеленым плющом, впереди — беседка, откуда доносились звуки классической музыки.

— Позвольте пригласить вас, — сказал Никита, протягивая руку девушке. Она взялась за руку друга и поспешила вместе с ним на бал.

— Только я не умею танцевать, — смущенно сказала Алиса.

— Ничего страшного, — юноша улыбнулся, приобняв девушку. — Я поведу.

Они танцевали, все больше приобщаясь к царящему вокруг веселью, и забыли обо всем. Заметив Аслана в тени, Алиса прошептала:

— Думаю, он ждет нас.

Взявшись за руки, они подошли к нему. Лев действительно ждал их, присев на задние лапы. Ребята встали по бокам от него.

Неожиданно музыка стихла, в зал вошли король с королевой, а с ними еще четверо аристократически выглядящих людей.

— Это Каспиан Десятый, Король Нарнии,— произнес Аслан.— Рядом с ним Питер, Эдмунд и Люси.

— А четвертый это Юстас? — спросил Никита.

— Да, брат короля и королевы.

Оба гостя были невероятно удивлены увидеть персонажей, о которых читали, во плоти и совсем рядом.

— Это удивительно! — воскликнула Алиса.— Именно такими я их и представляла... Как такое вообще возможно? Разве это не сказка? Плод воображения автора?

— Возможно,— задумчиво ответил Аслан.— Но разве искренняя вера не может сокрушить любые преграды? В том числе и преграды из обывательских предрассудков.

— Я не понимаю.

— Как вы изучаете историю?

— По учебникам,— удивленно ответил Никита.

— А сказки? — Лев словно бы улыбнулся.

— По книгам. Аслан, я все еще не понимаю,— Алиса расстроилась и повесила голову.

— Ваши сказки — это написанные истории других миров, отличных от вашего. Планета, какой мы ее знаем, немного больше, чем кажется на первый взгляд.

Алиса задумалась над словами Аслана и не ответила. Спустя некоторое время Никита спросил:

— Это Кэр-Паравэл?

— Нет, Кэр-Паравэла больше нет. Мы на моей земле.

— Страна Аслана? — воскликнул юноша.

— Вы видите людей, что не утратили веру.

— Аслан, для нас большая честь — быть здесь.

Лев кивнул. Алиса смотрела на королевских особ и не могла не заметить, как они учтивы и вежливы. Для них это было так же просто и естественно, как дышать. Она не видела такого отношения в своем мире.

— Никита, разве это не удивительно? Все так милы друг с другом, не грубят, не кричат.

— Незнакомое чувство, правда? Поэтому здесь так хорошо.

Королева Люси заметила Аслана, и широкая улыбка озарила ее лицо, она помахала всей троице рукой.

— Они все такие юные,— зачарованно прошептала Алиса.

— Да, юные, но невероятно сильные духом. Помни, дорогая Алиса, очень важно хранить веру, а в будущем, когда вы повзрослеете, все это,— ребята оглядели двор замка,— будет казаться лишь сном и детскими фантазиями, но нельзя переставать верить.

— Во что верить, Аслан? — затаив дыхание, спросила Алиса.

— В волшебство, в возможность всегда жить в мире и гармонии с окружающими. Для нашей души необходима вера в лучшее в человеке.

Дав детям время на раздумья, Лев развернулся и пошел к воротам. Алиса еще раз обернулась посмотреть на Королеву Люси. Она улыбалась ей. Никита коснулся плеча подруги:

— Пойдем, Алиса, нам пора.

— Да, конечно,— вздохнула девушка, они пошли следом за Асланом. Пройдя через ворота, они снова оказались на поляне.

3. Битва за Нарнию

И Алиса, и Никита были под большим впечатлением от увиденного. Они тихо перешептывались, делясь своими впечатлениями.

Аслан пересек поляну, приблизился к туману и снова легко подул на него. Когда ребята подошли ко Льву, они увидели сцены сражений. Страшные чудовища стеной надвигались на нарнийцев.

Не сразу Алиса заметила, что они снова оказались в «картинке». Никита был одет в кольчугу и доспехи, как и она сама. Они стояли на высокой скале, глядя на битву сверху.

— Почему мы так далеко?

— Это потому, что мы видим то, что давно уже стало историей.

— Мы путешествуем во времени? — удивилась Алиса, известная любительница фантастики.

— Нет, дитя, мы не можем изменить время, не можем вернуться в прошлое. В наших силах лишь вспоминать.

Некоторое время они молчали, глядя на гибнущих нарнийцев и их врагов. Оба испытывали сильное волнение.

— Они проигрывают!

Действительно, войску приходилось туго. Врагов возглавляла высокая сереброволосая женщина на колеснице, запряженной двумя белыми медведями. Ее грудь украшала накидка из львиной гривы. Она разила всех волшебной палочкой, отчего они падали каменными статуями.

— Это Джадис! — произнес Никита. — Снежная Королева!

— Да, это она, — ответил Аслан.

— Но где же ты, Аслан? — пробормотала Алиса. Ты же не допустишь, чтобы Нарния пала?

— Конечно, нет! — крикнул Никита. — Смотри!

Она обернулась туда, куда указал ее друг... а оттуда из-за горизонта показалась подмога. Впереди бежал большой лев с двумя девочками на спине, Сьюзен и Люси. За ними следовали кентавры и фавны, звери и птицы, дриады и другие духи — все пошло на врага единой силой.

Войско Аслана преломило ход битвы, которая в будущем войдет в историю как Битва за Нарнию. Армия Снежной королевы бежала, сама она была побеждена Асланом. Тем, другим Львом, что оживлял сейчас нарнийцев в долине.

Никита смотрел на победителей и не мог подобрать слов. Его покорила смелость, с которой они шли в бой, готовность умереть, защищая родину. Как и любой мальчишка, он много читал о войне и сражениях, «проглатывал» книги о генералах и полководцах, но в тот день он впервые увидел войну воочию. Столкнулся со смертью. Он не пони-

мал, каково это — поднять оружие и выйти на врага, зная, что в любой момент ты можешь умереть.

— О чем задумался, сын Адама? — спросил его Аслан.

— Мне не представить, что они чувствуют. Я не могу понять, как им не страшно.

— Это не так, — мягко возразил Лев. — И они испытывают страх. Но для них важно отстоять свою родину, чтобы жить вольно. Все они сражаются за мир в Нарнии.

— Значит, в этом секрет храбрости? — спросил Никита. — В том, чтобы любить родину?

— Иногда этого бывает достаточно, — произнес Лев. — Храбрость — это не полное отсутствие страхов, а лишь умение противостоять им, быть сильным, чтобы продолжать бороться.

Юноша опустил голову, принимая ценный урок. Алиса положила руку на его плечо, он посмотрел на нее и увидел в ее глазах то же самое чувство, что испытывал сам: их коснулось нечто большее, то, что может возвеличить, наполнить жизнь смыслом.

— Пойдемте, дети, нам пора, — сказал Аслан и скрылся в пелене тумана.

Ребята в последний раз посмотрели вниз и ушли следом за Львом.

4. Двери всегда открыты

Когда они вернулись на поляну, она изменилась. Солнце почти скрылось, его слабые лучи уже не рассеивали тумана. В небе зажглись первые звезды.

— День заканчивается, — негромко сказал Аслан. — Как и походит к концу наше время здесь.

— Уже? — расстроилась Алиса. — Слишком рано...

— Дочь Евы, не ты в Нарнии, — обернулся к ней Лев, — а Нарния в тебе. Волшебство всегда будет с вами, если вы научитесь хранить веру.

Лев повернулся к закатному солнцу и грозно зарычал, отчего туман развеялся, а перед глазами изумленных детей

предстали огромные кованые ворота. На их створках были изображены фавны, кентавры, грифоны, дриады, гномы и многие другие волшебные существа.

— За этими воротами — Страна Аслана, — сказал Лев. — И здесь ваши приключения закончатся, чтобы однажды начаться вновь.

Алиса и Никита переглянулись.

— Ты отправишь нас обратно в Россию, Аслан? — спросила девушка.

— Сейчас — да. В Нарнии каждый должен научиться тому, чего он не умел. Вы сделали это. Возможно, когда вы станете взрослыми, вы снова вспомните, что видели здесь.

Лев замолчал и повернулся в сторону закрытых ворот. Дети загрустили. Алиса понимала, что все это вот-вот закончится, что Аслан перенесет их домой. Но она не могла представить, что же будет дальше?..

— Аслан? — позвала она.

— Да, дитя мое?

— Этим все и закончится? Здесь, перед воротами в твою страну? И больше не будет ничего удивительного и волшебного?

— Нет, Алиса, сейчас все только начнется. У вас будет своя дорога в жизни, вас ждет еще много невероятного. Вот увидите. А войдя однажды в эти ворота, вы никогда не вернетесь обратно.

— Он прав, Алиса, мы нужны нашим семьям дома.

— Вам пора!

Лев зарычал, и ворота распахнулись.

— Что это... — начала Алиса, но Лев не дал ей закончить:

— Ваш путь домой!

Никита прошел первым сквозь туман. Алиса же обернулась в последний раз.

— До свидания, Аслан. Я никогда не забуду.

Лев кивнул большой головой:

— До свидания, Алиса. Помни, пока ты остаешься ребенком в душе, двери Нарнии всегда открыты для тебя.

Помахав ему рукой, Алиса Александрова прошла через дымку тумана вслед за своим другом.

5. Снова дома

Все вокруг было затянуто плотным туманом, но мгновением позже морок развеялся, а Алиса и Никита оказались сидящими на полу дедушкиного чердака. Юноша все еще держал книгу в руках.

Никому из них не хотелось ничего говорить, ведь все было понятно и без слов. Алиса поднялась на ноги и выглянула в окно — солнце все еще сияло послеполуденным светом.

— Время ни на минуту не изменилось, хотя нас не было целый день, — сказала она, повернувшись к другу.

— Знаю, — ответил он, вставая. — Но мне кажется, так и должно быть.

— Да, думаю, ты прав. Можно, я возьму? — девушка протянула руку к книге.

— Конечно, — Никита отдал ей «Хроники Нарнии».

Реальность ворвалась громкими шагами на лестнице.

— Дедушка вернулся, — произнес юноша. Он не был напуган, но в нем снова проснулась жажда приключений.

— Давай за мной! — Алиса взяла его за руку, и ребята вместе вышли за дверь библиотеки, чтобы с другой стороны встретиться с настоящим миром, в котором их ждут новые испытания. Первое из них явилось неожиданно вернувшимся Алексеем Игоревичем Сильвестровым — дедушкой Никиты.

Время шло своим ходом, но юная Алиса хранила веру в чудо. Книгу с чердака она прочитала на одном дыхании тем же летом. Закрывая глаза перед сном, она каждый раз видела Нарнию, ее обширные поля, бескрайний океан, замок на скале. Все это было реальным для нее.

Во сне она танцевала с Королевой Люси на балу в компании веселых дриад, вела бесконечные разговоры с Великим Львом. Просыпаясь, она каждый раз ощущала грусть от того, что сон закончился.

Алиса, наконец, собралась написать письмо старой подруге.

Дорогая Алена!

Прошли годы, и я изменилась. Теперь я уже не та девочка, которую ты знала, но девушка, которая обрела себя. Сейчас я, кажется, знаю, что могу стать лучше и готова к этому. Удивительно, как сильно человека может изменить книга. Думаю, ты понимаешь меня как никто другой. Прости, что не могу сказать больше, но это и не нужно. Ты всегда понимала меня с полуслова.

Скучаю, твоя Алиса Александрова

Книги способны изменить нас. Побывав однажды в сказке, человек уже не станет прежним. Это случилось с Алисой, разбудило в ней ребенка, который будет искать добро и не успокоится, пока не найдет.

Из философских дум ее выдернул шум на балконе. Алиса точно знала, кто сейчас выйдет из-за занавески.

— Дверь открыта, — сказала она.

— Привет, Алиса, — ответил вошедший темно-русый парень с веселой улыбкой на загоревшем лице.

— Никита Сильвестров, за столько лет ты все еще не признаешь дверей, да?

Никита широко улыбнулся и крепко обнял подругу.

— Готова? Дедушка уже ждет нас.

— Да, идем, Никита.

Она взяла со стола толстую потрепанную книгу с большим львом на обложке и вышла из комнаты, следом за другом. В новую жизнь...

Вараксина Дарья (5 класс), Асбест

Наконец-то я нашел тебя!

Кто не читал сказок? Сказки знают все. Волшебные книги сопровождают нас всю жизнь. В детстве нам их читают родители, бабушки и дедушки. Эти книжки яркие, кра-

сочные, с добрыми и злыми героями. Взрослея, мы не расстаемся с ними, а находим поддержку и продолжаем верить в добро. Книги со сказками учат нас быть мудрыми, превращают в светлых волшебников, поэтому мы не сможем расстаться с ними никогда.

А кто пробовал сочинить сказку? Вспомните, вы наверняка рассказывали их своим младшим братьям и сестрам, куклам, игрушкам, когда оставались в детстве дома одни. Вот и я решила сочинить сказку о предмете, который ежедневно необходим в наше время. Надеюсь, что строго судить не будете. Усаживайтесь поудобнее и слушайте...

«Жила-была маленькая Светодиодная Лампочка. Бабушка, старинная Керосиновая Лампа, ласково называла ее Лампулечка. Жила эта лампочка не в Тридевятом царстве, а в обычной городской квартире, в небольшой уютной картонной коробке. Коробка стояла в кладовке на верхней полке. Жильцы квартиры заходили сюда нечасто. Но каждый раз, когда кто-то открывал коробку, сердце Лампочки замирало: «А вдруг сейчас, наконец, возьмут и меня? Я пригожусь кому-то и буду служить верой и правдой своему хозяину!» Ей так хотелось приносить кому-то пользу, а еще было безумно интересно, в чем же ее предназначение.

Нет-нет, скучно Лампочке не было, ведь вместе с ней в коробке жили ее сородичи лампы, служившие людям на протяжении многих веков в качестве источника света. Вечерами маленькая Лампочка любила слушать рассказы бабушки лампы о своих дальних и близких родственниках. О тетках Восковых Свечах. Да-да, когда-то и они выполняли роль ламп, только очень-очень давно. Они были источником света в домах и уличных фонарях. О дядюшках — Газовых Фонарях, которые работали на фабриках и заводах. О прабабушках — Лучине и Масляной Лампе, — которые жили когда-то во дворце. О «доэлектрической» эпохе и приборах, использующих горение. Вместе с Лампочкой исто-

рии прошлого слушали ее братья и сестры — электрические лампы накаливания и энергосберегающие лампы. Бабушка Керосиновая Лампа в конце каждой истории о развитии световых технологий всегда обращалась к маленькой Лампочке, повторяя с улыбкой и гордостью: «За тобой, моя милая Лампулечка, будущее».

А еще маленькая Лампочка любила слушать беседы своих дядюшек. Они горячо спорили между собой. Их разговоры малышка плохо понимала. Они обсуждали какие-то вопросы экономичного использования ресурсов. А потом вдруг указывали на маленькую Светодиодную Лампочку со словами: «Вот кто позволит человечеству сберечь большую часть энергии!» или «Перспективный продукт, который должен заменить остальные аналоги!» «Экологичная ты наша, пожаробезопасная, надежная», — приговаривали, поддерживая дядюшек, тетки Восковые Свечи.

Засыпая, маленькая Лампочка думала, вздыхая: «Почему же тогда меня до сих пор никто не достал из коробки, раз я такая замечательная?»

Коробка постепенно пустела. Люди, жившие в квартире, разбирали лампы. В конце концов, когда коробка практически опустела, маленькая светодиодная Лампочка окончательно расстроилась. Она стала думать, что совсем бесполезна и никому не нужна. Чем просторнее становилось в коробке, тем грустнее было Лампочке. Но бабушка всегда утешала внучку и говорила, что когда-нибудь она точно кому-нибудь пригодится. По-другому и быть не может!

Шли дни, Лампочка продолжала печалиться, никому она была не нужна. Но однажды явился хозяйский мальчик и забрал ее. Не ученый, не важный какой-то инженер, а обычный маленький мальчик. Лампулечка была счастлива! Всю дорогу паренек шел и говорил, какая она хорошая и как замечательно теперь будет светить его любимый фонарик! И все благодаря ей, Маленькой Лампочке! «На-

конец-то я нашел тебя! Именно ту, которая подходит для моего фонарика!» — подпрыгивая на ходу, восклицал мальчик. Он прибежал из кладовки в свою комнату, положил Лампочку на подоконник и убежал. «Наверное, за фонариком», — подумала Лампочка.

Не успел мальчишка скрыться с глаз, как на подоконник запрыгнул огромный рыжий кот! Бац! И одним движением лапы смахнул беззащитную Лампочку на ковер. Он катал ее по полу, вертел, дважды она оказалась под кроватью в кромешной темноте. Лампулечка так испугалась, что ее бедное сердечко чуть не выскочило наружу: «Ну все, сейчас меня этот кот растерзает, и тогда я точно никому не пригожусь!» А мальчик тем временем уже искал свою пропажу. Когда он застал кота на «месте преступления», кот-хитрюга, запрыгнул на подоконник, оставив Маленькую Лампочку на ковре. Будто бы ничего и не было! Мальчик бережно поднял Лампочку, обтер ее рукавом, подул на нее, погладил. А коту пригрозил кулаком. Потом вставил Маленькую Лампочку в свой фонарик. Это был торжественный момент для нее. Радостный, как День рождения. Вот и она пригодилась. Светодиодная, экономная, надежная! После этого мальчик никогда с фонариком не расставался, брал его с собой повсюду.

Прошли годы. Мальчик стал взрослым. Теперь он работает в полиции. Вы, наверное, удивитесь, но фонарик с лампочкой у него сохранился. Он и сейчас носит его с собой, ночью выслеживает преступников. А ведь когда-то Лампочка думала, что никогда никому не понадобится. Теперь она освещает путь молодого полицейского».

Вот и сказке конец. А сочинила ее для вас я, ученица 5 класса Вараксина Дарья, которая очень любит читать книги. А сегодня я решила сама попробовать себя в роли писателя. Что получилось, судить вам, уважаемый читатель.

Неизданные произведения

История эта случилась в один дождливый летний день. Восьмиклассник Филипп ехал в гости к своей любимой тетушке. Жила она в это время на своей даче, где наш герой любил проводить время. Ему нравилось наблюдать за красотой природы, заниматься спортом по утрам, но больше его увлекала богатая библиотека тети Любы.

По приезде на дачу, Филипп сразу же забежал в дом, бросил вещи у входа, и поздоровался с тетей.

— Как отдыхаешь, дорогой? — спросила она.

— Отлично! — ответил Филипп.

— Я как раз перебрала все свои самые старые книжки, может, найдется что-нибудь интересное для тебя. Вот, например, романы Жюль Верна, сонеты Шекспира, вот тебе все труды Достоевского, Вольтера, Лермонтова, Сервантеса и еще много чего, — предложила тетя.

Но вдруг среди множества пыльных книг показалась тетрадь. Бордовая обложка, желтые страницы с рукописным текстом. Также в тетради имелось несколько рисунков, набросков.

— А что это за тетрадь? — спросил Филипп.

Посмотрим, посмотрим..., — сказала тетя, надевая очки.

И тут тетя Люба словно обезумела

— Это же рассказы, стихи, повести моей бабушки! Я знаю наизусть все, что там написано! Она читала мне в детстве свои стихи и рассказы о красоте местной природы. Она путешествовала по родному краю и записывала все, что видела. А эти великолепные стихи раскрывают красоту природы, тайны человеческой души...

— Как же эта тетрадь пролежала тут столько времени? Никто о ней не вспоминал? — изумленно спросил Филипп.

Опустив взгляд на тетрадь, тетя Люба замолчала, но потом с грустью сказала племяннику:

— Бабушка, когда я еще ходила в восьмой класс, как и ты, оставила тетрадь на даче, после чего уехала в другой город, но обратно уже не вернулась...

— Можно, я возьму ее в город, почитаю и, может быть, дорисую иллюстрации? Я хорошо рисую! Можно? — в голосе Филиппа слышались восторженные нотки.

— Конечно же, бери! Ты сможешь насладиться этим шедевром! — сказала тетя, радостно листая страницы старинной тетради. — Как же жалко, что бабушка не смогла издать эти произведения.

Приехав домой, наш герой принялся читать тетрадь произведений бабушки тети Любы.

Он читал очень внимательно, вдумчиво. За лето он выучил все стихи, прочитал все рассказы. А как же там красиво описана природа! Он нарисовал иллюстрацию к каждому произведению.

Наступила осень, Филипп пошел в школу. К первому уроку литературы учительница дала задание выучить красивое стихотворение о русской природе. На следующий день он рассказал самое красивое стихотворение из старинной тетради. Учительница была удивлена красотой и мудростью прочитанного стихотворения: «А кто же автор стихотворения, Филипп?»

— Имя я не знаю, Татьяна Андреевна. Это стихотворение написала бабушка моей тети в своем сборнике, — пояснил Филипп.

— Можешь ли ты дать мне этот сборник, или я могу взять его в библиотеке, — спросила Татьяна Андреевна.

— К сожалению, в библиотеке этого сборника не найти, я могу дать вам тетрадь.

Татьяна Андреевна прочитала содержимое старинной тетради. Ее удивило то, что такие красивые произведения не были напечатаны. Наша учительница очень любила рассказы, стихи и живопись — все касающееся природы. Она сама когда-то хотела стать писательницей. Она поговорила со знакомым человеком из книжного издательства, и они сказали, что смогут выпустить эти произведения.

Учительница рассказала Филиппу, что хочет, чтобы рассказы из тетради были напечатаны и радовали юных читателей. Ему очень понравилось эта идея, он позвонил тете Любе и рассказал ей обо всем. Ей тоже понравилась эта идея, и она дала согласие на то, чтобы рассказы и стихи ее бабушки были выпущены.

Средства на издательство тетради собирала вся школа. Был выпущен сборник «Рассказы и стихи о природе и людях нашего края». Больше всего был рад Филипп. Ведь он не только не дал пропасть замечательным произведениям, благодаря ему они обрели новую жизнь. Теперь школьники его города писали диктанты по русскому языку из этого сборника.

Гремякина Дарья (10 класс), Пермь

Чему же учит эта книга?

Глава 1. Гости

Шли мои третьи сутки без сна. На столе стояли скопившиеся за время работы кружки. Одни пахли вчерашним компотом, другие различными сортами чая, а третьи перебивали предыдущих ароматом свежего кофе, который я недавно выпила, а теперь с грустью поглядывала в недра кружки. Осталась последняя строка. Я размышляла, чем же закончить эту историю, она, конечно, детская, но нельзя просто сказать: «И жили они долго и счастливо...», — нет, такой конец продемонстрирует мое неуважительное отношение к детям, они же не глупые. Конец должен быть концом истории, а не концом всего. Я не хочу, чтобы дети верили в наступление утопии после победы над главным врагом, поэтому и злодея не делала просто злым, у него есть причины являться таковым и, разумеется, он по-своему прав.

Я отодвинула ноутбук вглубь стола, откинулась на спинку стула и потерла переносицу (дурацкая привычка, ведь уже столько лет не ношу очки). Я встала и размялась. Удовлетворившись тем, что мои суставы не хрустят при ка-

ждом движении, я отправилась на кухню перекусить. В холодильнике обнаружилась космическая пустота, то есть там что-то было, но для размеров холодильника все это было слишком незначительно. Я вздохнула и поставила вариться кофе.

Надо как-то закончить книгу, у меня еще неделя до сдачи, надо придумать что-то необычное, удивительное, интригующее... Динь-динь-динь! Мои мысли прервал звонок в дверь, на часах было три часа дня. Редко ко мне кто-то днем навевается, редактор приходит утром, друзья вечером, странно. Глазка у меня на двери не было, поэтому я распахнула дверь перед неожиданным гостем:

— Тетя Оля!

На меня накинулся Олежка и повис на моей шее. Мальчишка весело дрыгал ногами до того момента, как я не выдержала и не встала на колени в проходе. Племянник отпустил меня, я спросила:

— Привет, Маша, Петя. Какими судьбами?

Сестра посмотрела на меня так, как будто я что-то забыла, похоже так и было, она начала ворчать, как только я встала с колен:

— Оля, от тебя я никак не могла подобного ожидать! Я же тебе месяц назад говорила, что мы с мужем полетим отдыхать, а тебя попросим посидеть с Олегом. Неужели ты забыла?

Она смотрела на меня выжидающе, а я почуяла запах горелого кофе, похоже придется мыть плиту.

— Конечно же, я не могла забыть о подобном, просто перепутала даты, вот и удивилась.

Старшая сестра никогда не различала мою ложь. И она тут же начала смеяться и рассказывать мужу о моей рассеянности, да, не спорю, я всегда плохо сплю, именно поэтому часто рассеяна. А вот Олег посмотрел на меня лукаво и пригрозил пальцем, как взрослый, который заметил, что ребенок что-то скрывает. Вот постреленок, в каждой бочке затычка.

— Ольга, вот вещички Олеженьки, присматривай за ним хорошенько, и пусть одевается по погоде, а то август в этом году бросает то в жар, то в холод.

— Да, да, Маш. Можешь быть спокойна за свое чадо. Идите, а то на рейс опоздаете.

Дверь шумно захлопнулась. Мы остались одни в коридоре моей квартиры, я вновь вспомнила про кофе. Отправив мальчишку разбирать вещи, я оправилась воевать с пригоревшим к плите кофе. Олежка быстро закончил и прискакал на кухню, он сидел на подоконнике и смотрел на бегущие внизу машины, наверное, здорово смотреть на мир с такой высоты, двадцать седьмой этаж все-таки! Но я слишком привыкла к этому, слишком.

— Эй, Олежка, на сколько дней ты ко мне?

Мальчик сощурился и улыбнулся.

— На недельку, тетя Оль... Вы все же забыли! А врать нехорошо!

— Иногда можно и соврать, чтобы не травмировать нервы твоей матери.

Парень задумался и начал покачиваться из стороны в сторону, совсем как я.

День прошел без приключений, мы сходили за продуктами, прибрались, а когда я готовила, Олежка норовил мне помочь, позже мы взяли с собой всякой еды и пошли смотреть кино в гостиную. Под конец первого фильма мы оба захотели спать, но, когда начался второй, у племянника открылось второе дыхание, я хотела оставить мальчишку и пойти спать, но он окликнул меня:

— Тетя Оля, а можно мне прочесть книгу, которую вы написали?

Я широко зевнула, посмотрела на мальчонку и ответила категорическим отказом, сославшись на незавершенность работы. Племяш слегка надулся, но быстро отвлекся на фильм, и я незаметно скрылась в своей комнате. Наконец-то спокойной мне ночи.

Глава 2. Злодей и мальчишка

Бух-бум-бух! Треск-треск! ... что такое?! Я проснулась от ужасного шума на кухне. Вскочив с кровати, я помчалась в соседнюю комнату за Олежкой, а то мало ли, вдруг грабители забрались? В коридоре я прихватила колотушку для ковров, но в комнате племянника никого не оказалось. Я бросилась на помощь Олегу, но, подбегая к кухне, услышала его смех. Я аккуратно приоткрыла дверь и заглянула в образовавшуюся щель. Увиденного не описать словами: на столе стоял молодой человек лет двадцати и запускал посуду, целясь в мои коллекционные кружки, которые я собирала годами, а мой племянник услужливо подавал ему новую порцию снарядов. Я не выдержала, заскочив в кухню и грозно замахнувшись колотушкой, закричала:

— Что вы делаете? Прекратите это безобразие! Олег отойди от этого... этого... преступника!

Олег с испугу подскочил ко мне, а неизвестный повернулся в мою сторону, широко улыбнулся и с ходу выдал:

— Позвольте вам объяснить, я всего лишь превращаю все окружающее в хаос, дабы побороть всепоглощающую систему.

Он уже готовился уничтожить очередную кружку, но получил колотушкой вдоль хребта и с грохотом рухнул на пол. Я вновь замахнулась, он, кряхтя и что-то бубня, поднялся. Я вгляделась в его раздраженное лицо, начала потихоньку оседать на пол:

— С... Са... Сальвадор?!

Он удивленно уставился на меня, а я на него. Немую сцену прервал Олежка:

— Теть Оль, а разве не так зовут злодея из твоей книги?

Я кивнула, Сальвадор медленно приблизился ко мне и присел на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне:

— Женщина, откуда ты меня знаешь и зачем бить сразу?

Сознание вернулось ко мне, сейчас разберусь со всем этим, но сначала...

— А ты какого черта мою посуду бьешь?! Я знаю, что ты должен нести за собой разрушения, но сейчас ты занимаешься мелким хулиганством! Хотя, если считать и проникновение...

Молодой человек уставился на меня так, словно я сказала что-то обидное, и отвернулся к окну с фразой: «Больно мне нужны твои кружки!»

— Так, сейчас все мы идем спать. Я не буду выяснять подробности посреди ночи. Все, Олег, топай к себе в комнату, Сальвадор — в гостиную, я — к себе. Отбой!

Я ушла к себе в комнату, хлопнув дверью. С утра со всем разберусь. А теперь спать!

Утром я наблюдала на кухне забавную картину: молодой человек под руководством моего племянника, вооруженного колотушкой, прибирал вчерашний погром. Сальвадор ныл и говорил, что нельзя так делать, поддерживать порядок — это все равно что согласиться с существующей в мире системой, стать послушным рабом. Я засмеялась, и они обратили на меня внимание.

— Тетя Оля, что с ним не так?

— Ты про что, Олежек?

— Этот твой злодей начинает творить беспредел при каждом возможном случае, и, когда ему говоришь делать одно, он делает совсем другое. ... А ну прекрати рассыпать осколки по полу!

Олежка хлопнул своим оружием по стенке, Сальвадор вздрогнул и собрал осколки в пакет.

— Олег, если ты прочитал мою книгу... да, не удивляйся, я еще вчера тебя раскусила, то должен понимать, что в том мире, где он живет, система зашла слишком далеко. Когда Сальвадор учился в школе, он начал замечать, что все его товарищи становятся похожими друг на друга: стандартные ответы на вопросы, стандартные мечты, стандартное мышление. Тогда он начал бояться системы, которая превращает людей в клонов, и восстал против нее.

— Но тетя, тогда по сути он хороший или нет?

— Он начал учинять массовые беспорядки и собирать вокруг себя сторонников, из-за него погибло много невинных людей. И в итоге с ним на сражение вышли те, кто был против того, что делает Сальвадор, — наши главные герои.

— Постой, тетя, но тогда получается, что они хотят защитить систему, а разве она не вредит им же?

— Ну...

— И еще, разве не любые изменения ведут за собой жертвы?

Я стояла и не могла подобрать слов: на меня смотрел ребенок, который сказал фразу, как казалось ему, очевидную, но она ввела меня в глубокие раздумья: как мы взрослые бываем слепы...

— Теть Оль, я все-таки думаю, что он не злодей, но характер у этого парня ужасный, и ведет он себя слишком по-детски для того, кто решил спасти целую страну.

Глава 3. Идея и последствия

Я сидела в своей комнате за ноутбуком, передо мной был открыт документ с той злосчастной книгой, к которой я так и не придумала концовку.

Прошло три дня с того момента, как это великовозрастное дитя, точнее, двадцатидвухлетнее, по имени Сальвадор, находится в нашем мире. Я до сих пор не могу понять причину, по которой злодей из моей книжки оказался в моей квартире, но за эти дни я поняла, что никто так не справится с моим дорогим лиходеем, как Олежка. Да-да! Именно маленький девятилетний мальчик смог приструнить разрушителя порядков — Сальвадора! Но все это почему-то казалось мне незначительным. Больше всего меня волновали слова, сказанные моим племянником.

Может, я действительно сделала что-то не так? Олег, несомненно, прав в том, что для борца за свободу этот индивид ведет себя слишком по-детски.

Я хрустнула пальцами, как профессиональный пианист, и внесла некоторые изменения в текст. Прочитав свою работу, я осталась полностью удовлетворенной.

Я оставила Сальвадору черты ребенка, так как они при-
сущи персонажу, который не смог до конца повзрослеть из-
за боязни подчиниться системе, также я добавила качества
лидера, которых, по-моему, ему не хватало: внушить идею
он может без проблем — ему легко верить, но вот длится
это недолго, ведь быстро понимаешь, что он слегка некомпетентен. На это как раз попался Олежек.

Я открыла дверь, чтобы выйти из комнаты, но на пороге
в меня врезался Олег, он был в смятении и смотрел на меня
широко распахнутыми глазами:

— Тетя Оля! Сальвадор сошел с ума!

— Олег, господи, не пугай меня так! Что там у вас случилось?

— Злюка рассказывал о том, как, учиняя мелкие по-
громы во многих точках города, можно заставить власть
города сдать позиции и самому захватить власть. А потом
он замолк и как будто переосмыслил собственный план, на-
шел в нем кучу недостатков и сказал, что мы так даже крыс
в подвалах шевелиться не заставим! Потом он начертил
схему и составил несколько планов с подробным описанием
действий. Еще удивительно, что Сальвадор больше не
пытается что-нибудь сломать...

Племянник поднял на меня взгляд.

— Теть Оля, я опять хочу ему помочь...

Я выслушала его, но не поверила. Развернувшись, я
быстрым шагом направилась на кухню, из которой Сальва-
дор сделал себе кабинет. На холодильнике вместо каракуль
с угрозами и безумными планами появились какие-то схе-
мы и чертежи. На столе лежали в беспорядке листы бума-
ги с мелко написанным текстом, разделенным на пункты.
Сальвадор с некоторой грустью складывал из карт домик
(строил уже пятый этаж). Я подошла к столу и посмотрела
на план, он был действительно великолепен, в нем не оста-
лось той детской наивности, безрассудства или безумия.
Холодный расчет — вот что я увидела в плане под номе-
ром 2.3.13 Б. На плане были обозначены пути отступления

и возможные жертвы, которые, увы, невозможно было приравнять к нулю. Все было сделано толково, так думала даже я, хотя ничего не понимаю в стратегии.

— Ну? Что смотришь?

Я вздрогнула от внезапного обращения Сальвадора, и его карточный домик рухнул. Злодей с негодованием хлопнул по столу и сверкнул в мою сторону глазами, но через секунду выдохнул и начал строить новый замок.

— Прости...

— Уже неважно. Что хотела?

— Да вот удивляюсь тому, как изменились твои планы и... характер? Почему ты до сих пор не ноешь и не разрушаешь мою кухню?

— Да чтоб тебя! Не считай меня стихийным бедствием! Просто ко мне пришло озарение: так я не смогу освободить свою страну от несправедливости и «зомбирования». Решил действовать по-другому, правда, все произошло как по велению волшебной палочки!

Я на секунду задумалась и тут же нашла связь между последними событиями.

— Сальвадор, ты осознаешь себя как персонажа книги?

— Что? Персонажа книги? С чего бы?

— Ну...

Я схватила молодого человека за руку и потащила на свое рабочее место. Я долго копалась в столе, а он терпеливо ждал, видно любопытство пересилило негодование. Я достала свою тетрадь с черновыми набросками книги и вручила в руки моему злодею. Сальвадор посмотрел на меня, я указала подбородком на записи, он плюхнулся на пол и начал читать.

Я видела, как изменяется его лицо, как расширяются глаза, как брови лезут на лоб от удивления. Он еще раз пролистал важные моменты и передал рукопись мне, я убрала ее и ждала реакции.

— Это я? Я описан в этой книге? В этой книге описан я, которым я себя ощущал утром, но что-то изменилось, я стал лучше.

Я открыла ноутбук и показала ему места изменения и первоначальный вариант. Он долго сидел с отсутствующим взглядом, а потом сказал:

— Знаешь, я бы никогда не пошел сражаться под предводительством себя старого, мы бы все погибли.

— Ты понял, что ты из себя представляешь?

— Да, я человек, правда, не из этой реальности, если можно так сказать. Я самый продуманный персонаж книги. А еще, ты как писатель, честно говоря, не очень.

— Ты жесток...

— Сама виновата, какой автор — такие и персонажи.

Мы сидели в тишине, лишь мерно и очень тихо шуршал процессор ноутбука.

— Как ты думаешь, зачем ты здесь, а, Сальвадор?

— Чтобы что-то исправить, но хотелось бы знать, что, судя по всему, дело заключается именно во мне. Стоп. Раз дело во мне, то исправлять тебе.

— Это еще почему?

Он выразительно посмотрел на меня.

— Ладно, поняла. Я же автор сия творения.

— Именно.

*Глава 4. То, что можно изменить,
и то, что нужно изменить*

Я яростно ругалась с Сальвадором на кухне, все-таки выяснилось, что не все его повадки пропали, жажда разрушения осталась. Когда он выходит из себя, он не кричит, не оскорбляет оппонента, лиходей берет что-то бьющееся или рвущееся и уничтожает.

С чего начался спор? А с того, что я села за изменение книги. Молодой антагонист был против изменений его характера, так как, по его мнению, я довела его образ до своеобразного идеала, именно такого, который покажет противоречивость «злодея» книги. Он советовал добавить черт характера «героям», так как они никак не раскрыты.

— Сальвадор, это все глупости! Мои персонажи идеально подходят для детской книги! Каждый ребенок может ассоциировать себя с ними.

— Хорошо, пусть так, но тогда вся эта ситуация невозможна. Знаешь почему? Потому, что ты держишь детей за глупцов, которые не видят дальше собственного носа, как и твои «положительные» персонажи. Я совсем не понимаю, как им удалось одолеть даже меня старого! Зато теперь мне понятно, почему к тебе пришел я, потому что я единственный живой образ в твоей книге.

— Не держу я детей за глупцов! Я специально создавала эту книгу, чтобы отойти от штампов и показать детям правду!

— Увы, благодаря этой книге, ты сможешь взрастить поколение марионеток, не имеющих собственного мнения.

— Ты ничего не понимаешь!

— Как и ты, ведь я плод твоего воображения.

Я уже была на пределе, еще чуть-чуть, и я бы избавилась от этой помехи в виде Сальвадора методом удушения, но вошел Олежка. Мальчишка, копируя мою манеру, оперся о косяк и окинул нас критическим взглядом.

— Вы сидите здесь с самого утра, и я не услышал от вас ничего полезного, кроме ругани. Я думаю, что нам всем стоит сходить на прогулку, чтобы освежить мозги, я уже собрался, жду вас у двери.

Олег скрылся в дверном проеме. Сальвадор глянул на меня и направился в коридор, видимо, он больше не захочет возвращаться к этой теме. Я накинула кофту и вышла следом.

Когда мы оказались на улице, то я сразу заметила, что вокруг достаточно безлюдно. Точно, выходной же! Все, наверное, разъехались на дачи. Олег предложил пойти в парк. Деревья уже начали окрашиваться осенними цветами, но трава до сих пор была ярко-зеленой, и от нее веяло свежестью. Племянник, оказавшись в парке, тут же испарился за деревьями. Я побежала за ним, но быстро потеряла его из

виду. Сальвадор увидел его и побежал по петляющей тропе вглубь леса.

Я выдохлась и осталась стоять одна, некоторое время я медленно бродила по лесу, пока не услышала голоса, я быстро распознала голос моего злодея. Он занимался очень странной деятельностью. Сальвадор бежал вприпрыжку по дорожке перед молодой мамой с коляской, она его не замечала. Сначала я решила, что девушка его игнорирует, но она смотрела сквозь лихоедея, мама заметила что-то неладное лишь раз, когда Сальвадор заглянул в коляску и ребенок заплакал. Сальвадор увидел меня и направился в мою сторону:

— Ну, ты нашла Олега?

— А ты? Вижу — нет, весело женщин с детьми пугать?

— Я не хотел, просто очень удивило, что меня никто, кроме вас двоих, не видит. Это так интересно, можно же столько всего сделать!

— Что же ты хотел бы сделать?

— Низвергнуть систему, ведь когда ты невидимка — открывается огромное количество возможностей.

— Огорчу тебя, в нашем мире система даже сама с собой справиться не может, не то что людьми управлять.

Сальвадор помолчал, а потом, будто осознав ситуацию, обиделся на меня и на мир вокруг. Да, ему абсолютно нечего делать в нашем мире, по крайней мере, пока.

Мы побродили по дорожкам и вскоре отыскали Олежку, он сидел высоко на дереве, зажмурил глаза, мальчишка явно боялся спуститься.

— Олежек, ты чего там сидишь? Спускайся.

— Н... не... не могу! Я пытался, ветки страшно хрустят, они меня не выдержат!

— Но ты же туда как-то залез?

— Залезть легко, спуститься трудно.

Сальвадор покрутился вокруг дерева, попытался взобраться на нижнюю ветку, но она отломилась. Он встал в большом промежутке между ветками прямо под Олегом.

— Прыгай, компаньон! Я тебя поймаю.

— Нет.

— Ты же не боишься высоты? Ты боишься больно удариться при падении, а если будешь падать на меня, то даже при неудаче сильно не ушибешься.

Племяш посмотрел на антагониста и прыгнул, я зажмурилась в этот момент, а когда открыла глаза, то увидела валяющегося на земле Сальвадора и сидящего рядом Олега. Злыдень поднялся с земли, покряхтел и что-то забурчал.

— Ну, все живы?

— Да, я нагулялся. Пойдемте домой, а то мне еще раз повредят спину, и я не смогу ходить.

Дома мы поужинали, посмотрели телевизор, так день подошел к концу. Сальвадор ушел спать в гостиную, Олежка не хотел ложиться, но я его уговорила, предложив пойти завтра в зоопарк. Тишина наступила в квартире, лишь мне не спалось. Я лежала на кровати и никак не могла выбросить назойливые мысли из головы. Я сдалась и начала рассуждать.

Вовсе не нужно моей книге, чтобы Сальвадор был злодеем, он может, нет, он должен быть ее главным героем. Тогда нужно будет менять всю книгу. А зачем всю? Нужно поменять роли: пусть ведется рассказ от имени новых злодеев, от лица бывших «героев», сделаем просто, чтобы они были агентами системы, так даже интересней и поучительней, об этом мне говорил Сальвадор и даже Олежка. А конец какой? С этим уже проще, победа Сальвадора ценой множества жертв. А система рухнет? Нет, ни в коем случае, она лишь слегка изменится, не станет оказывать столь сильное влияние на людей. Думаю, в самый раз, меня, например, эта книга уже многому научила.

Глава 5. Напоследок

Я проснулась от криков Олега, парень бегал по дому и кричал: «Сальвадор, ты где?!» Я встала и сразу начала носиться по дому вместе с ним. Где этого злюку носит? На

кухне я увидела нечто странное: один из листков бумаги был сложен в самолетик. Я развернула лист, там было написано: «Ты идешь в правильном направлении, значит, я тут больше не нужен, еще увидимся». На этом моя история знакомства с молодым злодеем закончилась.

Следующие два дня я переделывала текст, а в последний день мы вместе с Олегом читали мою книгу. Олега забрали родители, а книгу унес редактор, я осталась одна в пустой квартире, посмотрела на колоду карт и вслух произнесла:

— Да, ты прав, пора начинать новую историю.

Дедова Елизавета (8 класс), Москва

Тайна заброшенного дома

Вадик долго ворочался в кровати, пытаясь заснуть. Но мысли о заброшенном доме не давали ему покоя. Еще бы, столько историй рассказывают про этот дом!

Вадик Фролов учился в пятом классе и был самым обыкновенным мальчишкой. Увидеть его среди дворовых ребят мы вряд ли смогли бы, он почти всегда сидел дома, и выманить его на улицу было практически невозможно. Книги были его единственной страстью и увлечением. Читая их, он забывал обо всем, что происходило вокруг. Лишь голос мамы, напоминавшей, что пора обедать или готовиться ко сну, или собирать портфель, отвлекал его от того необыкновенного путешествия, в которое он отправлялся с героями каждой книги. Надо ли говорить, что на переменах он тоже не бегал по коридорам с другими мальчишками, не сидел на полу перед кабинетом, уткнувшись в телефон. Он доставал книгу и снова с головой погружался в чтение. Учился Вадик неплохо и мог бы лучше, но, видимо, не считал нужным тратить драгоценное время на что-то другое, кроме чтения книг.

С наступлением летних каникул мама отправила Вадика к бабушке в деревню на свежий воздух. Все бы ничего,

но библиотеки там не было, а тех книг, что влезли в портфель, хватило бы недели на две. Вадик, понимая неизбежность того момента, когда он останется без любимого увлечения, стал читать поменьше. Волей-неволей ему пришлось выходить из дома. Надо сказать, что с интернетом здесь тоже были проблемы, поэтому все юные жители деревни проводили свободное время на улице: гоняли мяч на поле за домом деда Кости, плескались на речке, ходили в лес за ягодами.

Ребята сначала с недоверием отнеслись к городскому, который сидел в сторонке, наблюдая за их игрой. Но когда Вадику в голову случайно засветили мячом, а он даже не заныл, все по-другому взглянули на этого худенького рыжеватого мальчишку. Леха, самый старший, предложил Вадику пойти с ними на речку.

По дороге ребята наперебой рассказывали новенькому деревенские истории. Например, у тетки Дуси коза объела веревку, которой та была привязана, убежала в лес да там и пропала. А еще по вечерам из старого заброшенного дома раздаются странные звуки.

— А где этот дом? — спросил Вадик, предвкушая услышать интересную историю.

— Да на той стороне деревни, — махнув рукой в сторону леса, ответил Леха.

— А почему этот дом забросили? — не унимался Вадик.

— Он всегда был заколочен, сколько помню. Говорят, там учительница жила, когда еще в деревне была школа.

Но тут за поворотом блеснула гладь реки, и мальчишки, забыв обо всем на свете, снимая на бегу футболки, бросились наперегонки к воде.

Впечатлений у Вадика за этот день было так много, что о недочитанной книге он вспомнил только после ужина. Схватив книжку, он забрался в кровать, и снова необыкновенные путешествия юного капитана увлекли его. Но вот перевернута последняя страница. Злодею Негоро не удалось уйти от возмездия, а отважный Дик Сенд обрел

семью. Положив книгу на тумбочку, Вадик выключил лампу. Обычно, закончив читать какое-либо произведение, он еще некоторое время словно продолжал жить в мире героев книги, но сегодня все было по-другому. Вадик долго ворочался в кровати, пытаясь заснуть, но не герои известного романа, а мысли о заброшенном доме не давали ему покоя. Наконец, решив завтра узнать все об этом доме, Вадик уснул.

Лучи утреннего солнца, скользнув по стене, осветили кровать, в которой безмятежно спал Вадик, он зажмурился и вдруг, словно что-то вспомнив, быстро сел. Во-первых, закончились привезенные с собой книги: вчера он прочитал последнюю. Вон с обложки смотрит на него улыбающееся лицо пятнадцатилетнего капитана. Во-вторых, вспомнился заброшенный дом. Он, конечно, знал, что сейчас многие стремятся уехать жить в город, поэтому заброшенными домами никого не удивишь, но чувствовало его сердце, что здесь какой-то особенный дом. С тайной. И он, Вадик, эту тайну должен разгадать.

Быстро проглотив приготовленные бабушкой сырники, Вадик побежал на улицу разыскивать ребят.

— Надо же, сам гулять рвется, — удивленно произнесла бабушка. — На обед вовремя приходи!

Но Вадик уже не слышал ее слов.

Ребята были там, где вчера он с ними познакомился. Играть в футбол Вадик не умел, боялся, что подаст не так и не тому, поэтому просто сел в тени и стал ждать окончания. День выдался солнечный, поэтому долго ждать ему не пришлось. Так же, как и вчера, по пути на речку ребята рассказывали всякие истории.

— Скажите, а что за звуки доносятся из заброшенного дома? — поинтересовался Вадик.

— Да как будто кто-то по крыше ходит, что ли, — ответил Димка, веснушчатый мальчик лет десяти. Все колени у него были в ранах, потому что он был вратарем: поймав мяч, Димка падал на него всем телом, конечно, больше все-

го страдали колени. Вратарем он был отменным: при своем небольшом росте умудрялся поймать даже очень сложные мячи.

— А вы ходили туда? — с волнением спросил Вадик.

— Мы сто, сумасетские сто ли? — спросил беззубый Ромка, пятилетний брат Лехи. Он везде и всюду ходил за старшим, так как родители уезжали на весь день.

Появление за поворотом реки снова прервало разговоры, и ребята понеслись купаться.

Вадик тоже присоединился к этому всеобщему веселью, он даже переплыл на другой берег, не испугавшись заверений Ромки о том, что там в иле «стра-а-асные» ползающие рыбы. Этот смелый поступок Вадика еще больше укрепил его отношения с местными ребятами.

Еще после купания Вадик выяснил, что заброшен дом уже лет пятнадцать, что когда-то учительнице его выделил колхоз, а кто в нем жил до этого, никто толком сказать не мог.

Обед уже давно остыл, когда Вадик зашел в дом. От бабушки, конечно же, досталось. Но аппетит был таким сильным, что Вадик, проглотив две порции борща, попросил еще добавку пюре, тем самым смягчив бабушкин гнев.

Вечером, едва солнце коснулось верхушек деревьев, Вадик отправился к старому дому. Чем ближе он к нему подходил, тем сильнее стучало его сердце. Пришлось даже остановиться на минутку, чтобы успокоиться. «Вот ведь разнервничался, — говорил себе Вадик, — просто начитался книг и представляешь всякую всячину».

Заброшенный дом стоял на отшибе деревни, за околицей. Вадик обошел его со всех сторон в поисках лаза. Нескольких досок в заборе не было, и он оказался во дворе. Все заросло бурьяном и крапивой. Кутаясь в ветровку, Вадик стал пробираться к дому. Окна его были заколочены, на двери висел огромный замок, какими сейчас уже не пользуются. Вадик подергал замок: надежно охраняет.

Вспомнив, что в книгах ключи от таких замков прячут где-то поблизости, он начал поиски: под крыльцом нет, над

дверью тоже. Вдруг он заметил, что одна из досок у входа словно затерта, на ней краска у самого косяка двери была бледнее, чем везде. Подойдя поближе, Вадик понял, что косяк в этом месте неплотно прилегает, поэтому образуется щель, потайное место. Не колеблясь, он запустил туда руку — ключ оказался именно там...

На улице еще не совсем стемнело, поэтому сквозь доски, которыми были заколочены окна, в дом проникал сумеречный свет. Привыкнув к такому освещению, Вадик осмотрелся. Все как у бабушки: большая кровать, стол с табуретками, сервант, старинный шкаф. Беспорядка в доме не было, но толстый слой пыли покрывал все вещи. С тусклых фотографий смотрели на него чужие лица, словно не понимая, что делает здесь этот мальчик, что ему нужно.

Внимание Вадика привлек шкаф с книгами. Невольно он протянул руку к той книге, которая выделялась среди прочих. Но тут — жуткий звук раздался откуда-то сверху. Книга выпала из рук, Вадика от неожиданности сел на пол. Страх прямо связал его руки и ноги, словно веревками. Звук повторился. Не понимая что это, Вадик с ужасом представлял себе самые страшные картины из всех прочитанных им книг. В глазах его потемнело. К этому звуку добавился шепот, доносящийся со стороны двери...

— А, вот он! — тихо произнес вошедший первым Леха. Он робко шел впереди ребят. Те тоже крались на цыпочках, оглядываясь по сторонам. Вадик начал приходить в себя, когда сверху снова раздался громкий железный звук. Ребята присели от неожиданности.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил Вадик, обрадованный тем, что он теперь не один и что вместе они уж точно благополучно выберутся отсюда.

— Так мы следили за тобой. Не зря же ты выспрашивал про этот дом, — сказал Димка.

— А ты смелый, — произнес Леха.

— Давайте уже выбираться отсюда,— оглядываясь по сторонам, прошептал Димка. Он еще не пришел в себя от этих ужасных звуков.

Ребята тихо, как разведчики, покинули дом. Ключ Вадик вернул на место, а вот книга благополучно оказалась под его рубашкой. «Я только посмотрю, а потом сразу же верну»,— успокаивал свою совесть Вадик.

Когда ребята были уже у забора, они оглянулись на дом. Тут порыв ветра отогнул плохо державшийся на крыше лист старого железа, и тот с размаху вернулся на место, издав при этом оглушительный звук. Ребята с облегчением рассмеялись. Вот кто ходит по крыше!

Книга оказалась записями местного ученого-краеведа, который жил в этом доме после войны. Куда он пропал, никто не знает, тогда, говорят, многие пропадали. А в доме этом стали жить учителя, приезжавшие работать в деревенскую школу, но потом жители деревни начали перебираться в город, школы не стало, дом заколотили и закрыли. Про ученого никто не вспоминал. И, наверное, долго бы еще не вспомнил, если бы не Вадик. Он рассказал об этом доме и своей находке бабушке, та пошла в администрацию. И закрутилось...

В следующем году в доме откроют музей. Вадик обязательно приедет.

*Досмурзаев Абылай (10 класс),
Караганда, Республика Казахстан*

Вечная жизнь

До Мирного еще оставалось 3 часа езды. В окно беспрестанно улыбалось замерзшее солнце, вдоль путей стройным рядом серебрились вековые сосны. Поезд гремел, стирая под собой снежную полосу, оставленную вчерашней метелью. Мальчик Миша смотрел сквозь стекло, наблюдая, как пестрая картина леса все уходит и уходит в сторону. На столике в купе стояли несколько книжек, любимая жестяная

кружка с его инициалами и кулек с конфетами, бережно завернутый мамой. Подле него, на койке, лежала тряпичная котомка с одеждой и обувью. На вторую полку он забросил свою теплую дубленку, там же лежали его вязаный шарф и шапка. Кроме мальчика, людей в купе не было. Благо, отец Миши смог договориться с начальником поезда, чтобы его сын ехал один, однако пришлось оплатить полный билет.

Первый раз у бабушки на работе Миша был еще в 4 года, тогда он с отцом приехал на охоту, но, к сожалению, с тех пор уже все позабыл. А теперь, когда ему уже стукнуло 13 лет, родители вновь решили отправить сына к бабушке...

Вот она, станция Мирный — Ленск, чуть ли не посреди самого леса. Миша оделся, закинул котомку на плечо и вышел в коридор вагона. Он с таким отважным видом схватил поручень, что стоявшая рядом проводница заулыбалась. Подмигнув в ответ своими длинными, словно детскими, ресницами, он сразу же уставился в окно. Поезд тормозил, Миша со своей вязаной сумкой уже стоял наготове. Он был единственным человеком, кто выходил на этой станции.

Только вагон остановился, он повернул голову в сторону комнаты проводников и сказал: «Спасибо, что довезли!» Под негромкий смех взрослых он спускается по высоким ступеням вагона и прыжком ныряет своими валенками прямо в снег.

Мальчик ступил на дощатый пол станции, а поезд уже громким гудком известил о том, что вот-вот вновь ринется в путь. Мороз начинал щекотать щеки и нос, Миша приподнял шарф, чтобы лицо совсем не замерзло. Постепенно нарастало волнение: «А где сам бабушка?»

Внезапно послышался старческий голос: «Молодой человек, ваша карета подъехала!» Старик в огромной ушанке и шубе сидел в широких санях, запряженных двумя огромными собаками. «А ну, познакомься с моими друзьями,—

сказал дед и похлопал обеих собак по спине. — Линда и Рекс, это мой внук Миша, Миша, это мои славные компаньоны Линда и Рекс». «Здравствуйте», — улыбнулся мальчик. Дед встал с саней, подошел к Мише и крепко его обнял. Мальчик даже удивился, откуда у старика столько сил. После такой доброй и теплой минутки дедушка вдруг нахмурил брови: «А теперь скажите мне, Михаил, вы готовы отправиться со мною в опасный путь, полный захватывающих приключений и передрыг?» «Да!» — с уверенностью ответил мальчик. «Хм, а я вот как-то не очень, поехали-ка домой», — сказал дедушка и позвал внука в сани. В этот момент Миша хотел засмеяться, но при этом еще и огорчился, так что ни одна из этих эмоций не появилась на его лице. А дедушка просто подумал, что шутка внуку не понравилась и тот обиделся. Пытаясь «загладить вину», старик по пути рассказал ему чуть ли не с десятком разных историй, и в каждой из них находился момент, когда Миша сказал бы: «Ничего себе!» или «Вот это да!»

Совсем забыл вам рассказать, кем же работает дедушка...

— Деда, я тоже хочу стать егерем, — после очередного крутого спуска сказал мальчик.

Старик рассмеялся.

— Знаешь, для такой работы нужно много терпения, — сообщил дед. — Думаешь, со мной каждый божий день что-то эдакое случается? Нет уж, все не так. Совсем не так.

Задумавшись, старик доехал с внуком до охотничьего домика, не сказав по пути ни слова.

К сожалению, в этот раз дедушка не пошутил. Дни действительно проходили однообразно: режим, завтраки, ужины, развлечения — все одно и то же. Просыпаясь в девять, Миша обычно обнаруживал, что дедушка уже вышел в лес. Подкармливать животных, чистить кормушки и засыпать

новую соль в солонцы — это и было его каждодневным трудом. Как назло, в такие дни сюда совсем никто не приезжал на охоту, а браконьеры в здешних местах уже давно перевелись, так что у мальчика возникло предчувствие, что каникулы будут потрачены впустую.

Четвертый день пребывания в охотничьем домике обещал быть таким же скучным, как и все остальные. На часах показывало полдесятого. Миша уже успел умыться, немножко поиграть с Линдой и Рексом (дедушка не разрешал слишком долго находиться на улице) и уже спотевшим зайти домой. Сняв с себя мокрую одежду, он умыл лицо теплой водой из алюминиевого рукомойника и вытерся полотенцем. Подошел к деревянному шкафу, осмотрел полки со старыми книгами — там были одни стихи. Тут он вспомнил про те книжки, что взял с собою в путь. Забавы ради решил попробовать выучить пару стихотворений оттуда.

Лжец

Вырвав живые сердца из оков,

Он в теплый дождь превращает слова.

Но, добрый мой друг, всегда будь готов,

Что лестью будет хвала,

Что сплетнями станет молва,

Что фальшью заменят дела...

Миша встал у подоконника, вглядываясь меж голых деревьев, раз за разом повторяя строчки этого стихотворения. Сначала он вдумывался в смысл, то и дело переводя взгляд с крон огромных дубов на белый, искристый снег. Затем постепенно слова отпечатывались у него в памяти, ему уже не приходилось подсматривать в книге нужную строку.

... Ведя за собой толпу дураков,

Он в мягкий пух превращает слова.

Но ты, мой приятель, всегда будь готов,

Что лестью будет хвала,

Что сплетнями станет молва,

Что фальшью заменят дела.

«Наконец-то выучил! — подумал Миша. — Пока одного хватит». Он прилег на кровать и начал сам себе перечитывать «Лжеца». Вдруг массивная дубовая дверь из прихожей открылась, вслед за бабушкой в комнату вошел морозец, сразу же растворившийся дымкой в теплой комнате.

— Ставь воду, дорогой, у меня для тебя хорошие новости, — сказал дедушка.

Мальчик поспешно вытащил чугунный чайник из шкафа, набрал воды и поставил на горячую печь.

— Так что за новость, деда? — с нетерпением спросил его внук.

— Сегодня в три часа я возьму тебя на охоту, будешь вместе со мной добывать нам сегодняшней ужин, — спокойно отвечал старик. — Только сначала я отогреюсь, а потом нужно двинуть на северо-восток, приготовить подкормку для зайцев. Приду, наверное, в полтретьего. Чтобы уже был готов.

— Есть, капитан, — отрапортовал Миша.

Чайник вскипал.

Тем временем старый егеря и его внук организовали себе небольшой стол. Вчерашний хлеб (дедушка сам выпекал), тарелка с сухарями, масло и варенье из калины. Миша уже разлил им чай, деду — покрепче, а себе — посветлей. Жаль, сахара не было. Поскольку мальчик был уверен в том, что калиновое варенье было таким же кислым, как и в предыдущие 3 дня, к нему он не притрагивался. Однако дедушка почему-то на этот факт внимания не обращал: на твердый кусок серого хлеба он толстым слоем намазывал масло, а сверху ложкою наливал густой сироп от варенья, которое он уплетал с большим удовольствием.

Наевшись, старик поднялся со стула, направился к тому самому шкафу с книгами, достал, наверняка, самую «древнюю» из них и прилег на свою кровать возле печи. Миша же продолжал «поклевывать» сухари, запивая их чаем из своей жестяной кружки. Когда на дне посуды уже совсем не осталось чая, он взглянул на бабушку. Тот мирно лежал на ху-

дом матрасе, лицом кверху, выставив перед собою книжку в ветхом переплете и что-то нашептывая. Кажется, он тоже заучивал какое-то стихотворение.

— Деда, а почему у тебя только старые книги? — наконец спросил Миша.

— А что не так? — удивился егерь.

— Просто такое чувство, что она сейчас совсем развалится.

— Хм...

Дедушка слегка потряс книгу, проверил все склеенные страницы. Ни одна не упала.

— Вот видишь, вроде? не развалилась. Она еще свое отслужит, мой друг, — заключил старик.

— Хе-х, надолго ли ее такой хватит? — усмехнулся Миша, глядя на ее пожелтевшую бумагу, на кусочки скотча, небрежно державшие корешок и мягкую обложку.

— Если тебе что-то кажется старым, это еще не значит, что оно ни для кого непригодно, — сказал дедушка. — Вон, даже глянь на меня: мне 65, а ко мне до сих пор дочь отправляет моего внука, а значит, я, наверняка, чего-нибудь да стою. Значит, я еще нужен.

— Деда, я же не говорю про тебя, — ответил мальчик. — И, вообще, это к людям не относится.

— Еще как относится, — отрезал старик. — С книгами все то же самое. Ты будешь засматриваться на эти дрянные обложки, а самое ценное будет от тебя ускользать. Смысл. Суть. Каждая гениальная мысль, сложенная в стихи, уже в миллион раз дороже этого куска картона.

Дедушка постучал пальцем по переплету.

— Сколько же труда вложено в сам замысел! — сказал дедушка. — Осознать, придумать, написать. Однако ты волнуешься только насчет обертки, которую и придумывать-то никакого усилия не надо.

Старик аккуратно встал с койки и поставил книгу обратно на полку. Миша видел, как тихонько шевелятся его губы? и подумал, что дед про себя ругает его. Стало не по себе.

— Прости, дедушка, — сказал мальчик.

— Чтобы до моего прихода ведра с углем наполнил, и не забудь покормить Линду с Рексом, — наказал старик. — И запомни, чтобы к 3 уже готов был выходить, тепло оденься.

С вешалки он снял свой тулуп, надел огромную шапку-ушанку и пошел в прихожую. Миша двинулся за ним. Стоя у двери в узеньком коридорчике, Миша видел, как дедушка надевал шерстяные носки, поверх которых шли валенки, а снизу закреплял «медвежьи лапы» — специальное приспособление для ходьбы по снегу. Возле входа лежала зеленая охотничья сумка, которую старик закинул на плечо перед тем, как вновь оказаться на морозе.

В окно Миша увидел, как дедушка зашел в сарай, видимо, за кормом для зайцев. Затем вспомнил, что он его попросил сделать. Подошел к печи, поднял два небольших пустых ведра, внутри которых толстым слоем обосновалась угольная пыль, и пошел в углярку. Вернувшись с улицы с наполненными ведрами, он поставил их обратно на свое место. Затем, последовав указаниям деда, он зашел в сарай для того, чтобы захватить пакет с остатками позавчерашнего ужина, уже предназначавшегося для собак. Но перед этим он достал из кармана несколько кусков хлеба, крошил их в пакет и поворошил его, чтобы собаки булку тоже съели. После короткой встречи с Рексом и Линдой Миша вернулся в дом.

Приготовившись к выходу, Миша сидел на своей кровати. Шерстяные кальсоны, поверх которых надеты черные лыжные штаны; майка, сшитый свитер и лежащие подле мальчика дубленка, шарф и шапка.

Он понимал, что дедушка на него, может быть, и немало, но обиделся, поэтому сделал абсолютно все, что он велел. Даже немного больше. Дорожки до угольника, сарая и конуры были очищены от снега, так что теперь туда было

гораздо легче добраться. Плюс Миша разогрел чайник заранее. Когда он услышал скрип двери в коридоре, он сразу же подошел к столу, засыпал немного заварки в кружку дедушки и долил кипятка. Старик зашел легко и аккуратно, словно за 3 часа ходьбы совсем не устал. Быстро разделся, подошел к внуку и поцеловал его в лоб.

— Ты меня прости за то, что так разгорячился, — сказал он.

— Да ничего, — ответил мальчик. — Я, кстати, уже сходил за углем и накормил Линду с Рексом.

— Молодец. Сейчас уже скоро выйдем на охоту, но сначала дай-ка я чая попою.

Дедушка выпил 2 кружки, согрелся и пошел забирать ружье в сарай. Когда он вернулся в коридор, там его уже ждал полностью одетый Миша.

— Ой, я кое-что забыл, — сказал старик и, выйдя на улицу, занес внутрь новые маленькие снегоступы для внука. — Нацепи их на валенки и пошли.

Наши охотники медленно ступали по хрустящему снегу напрямиком к просеке, где обычно водились куропатки. У старика в руках было ружье, а внуку он дал поносить легкую «воздушку», как раз для охоты на птицу. На колючих ветвях кедра поблескивал снег, откуда-то слышался щебет синицы. Миша шел строго по следам дедушки, но вдруг завидел на одном из стволов какие-то большие царапины. Сначала он подумал, что это медведь точил свои когти, но когда приблизился, понял, что это вырезанные слова:

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный —
Невидимый замороженный лес,
Где носится какой-то шорох смутный,
Как дивный шелест шелковых завес.
В безумных встречах и туманных спорах,
На перекрестке удивленных глаз
Невидимый и непонятный шорох
Под пеплом вспыхнул и уже погас.

И как туманом одеваает лица,
И слово замирает на устах,
И кажется — испуганная птица
Метнулась в вечеряющих кустах.

— Ну, что ты остановился? — оглянувшись на внука, спросил старик.— Устал, что ли? Тут еще чуть-чуть идти осталось...

— Деда, а что это такое? — показывая на вырезанные на коре строчки, удивился мальчик.

— Осип Мандельштам,— ответил дедушка.— А ведь я совсем не рассказал тебе про одно свое интересное занятие,— заметил старик и почесал затылок.

Из кармана тулупа он достал маленький перочинный ножик и вырезал имя «Миша» на дереве.

— Вот примерно так это и происходит,— коротко объяснил старик.— Тут уже много таких деревьев со стихами. Но давай дойдем до просеки, после охоты я тебе все скажу.

Дедушка и внук в этот день смогли подстрелить тетерева. Пуля пришлась прямо в тело птицы. Когда она начала отчаянно колыхаться, егерь подошел и закончил все одним движением — скрутил шею.

Теперь же, вернувшись домой, старик начал обещанный разговор про свое странное увлечение — вырезание стихов на коре деревьев.

— Дорогой мой внук, после такой удачной охоты,— он бросил довольный взгляд на крупную тушку тетерева у себя за спиной,— я хочу тебе донести свою, может быть, и не очень интересную идею. Ты, наверняка, заметил, с каким трепетом я отношусь к книгам, и к литературе вообще. Но ты, конечно, заметил, как они потрепались. Опять же свяжу людей и книги. Мы не вечны. И они тоже. Но вспомни, что я говорил тебе сегодня: самое ценное в книге — это ее Смысл, который я всей душою хочу сохранить, даже когда не станет ни меня, ни этих желтых листов, коряво подклеенных скотчем. И я нашел один способ. Ты ведь знаешь, что кедр, дуб, липа и другие деревья могут

жить даже больше тысячи лет. И я уверен, за это время найдется хоть один человек, который пройдет мимо и прочтет стихотворения, и они ему понравятся, и до него дойдет Смысл. Я люблю Лес, поэтому я хочу оставить для него как можно больше. Так я начал вырезать свои любимые произведения на стволах этих громадных, величественных деревьев.

Старик притронулся ладонью к шершавой коре старого дуба.

— И я хочу, чтобы ты мне помог, Миша,— сказал дедушка.

Мальчик вспомнил про стихотворение, которое выучил сегодня «от нечего делать». Попросил у дедушки его перочинный ножик и медленно начал вырезать слова из «Лжеца» на могучем стволе дерева.

— Умное стихотворение,— изрек старик.— Я вижу, ты согласился стать моим компаньоном.

— Да, дедушка.

Оставшиеся 4 дня каникул пролетели незаметно. Каждый день старик и его внук выходили в лес, чтобы оставить стихотворное послание на коре вечных кедров, ароматных сосен и огромных дубов.

Последнее утро Миши в охотничьем домике. Он уже собрал свои вещи в котомку, оделся и ждал, пока дедушка запряжет сани. Но затем сам вышел на улицу к старику.

— Деда, у меня появился важный вопрос,— сказал Миша.— А что будет, если наши деревья срубят? Или пожар? Или еще что-нибудь?

— Пока я здесь, ничего с моим Лесом не случится,— улыбнулся старик.

— Кстати, у меня для тебя подарок,— вспомнил дедушка и вытащил из кармана свой маленький ножик в кожаном чехле. И отдал его мальчику.

Сани были готовы. Они двинули к станции.

Внук с дедом договорились встретиться летом, чтобы вместе продолжить начатое.

Но Смерть встретила дедушку скорее. Он умер в конце апреля, когда Лес только начал оживать.

Но птицы молчали, молчали деревья, только холодный ручеек звонко струился по камням...

Молодой мужчина вышел на станции посреди самого леса. Дождь закапал на его фетровую шляпу и пальто, он скрылся под зонтом. И пошел в Лес. Он знал дорогу. По пути ему встречались деревья, все расписанные словами. А он все шел и шел.

Вот он. Огромный, раскидистый. Шуршащий дождем дуб. Мужчина достал из кармана маленький заточенный нож. Аккуратно провел им по коре. Затем надавил сильнее. Прорезы превращались в буквы, а буквы — в слова, а они — в строки.

Дырявой рукой поручень он сжал...

Поезд бежал,
словно куда-нибудь...

Бог уезжал,
чтобы его ждал

Мир, что его
вчера отправлял в путь.

Ласковый дождь
словно шептал: «Что ж,
Он не вернется... Его уже не вернешь...»

Я уезжал. Поезд бросало в дрожь.

Я уезжал, зная, что ты ждешь.

Я уезжал. Сердцем и головой,

Знаю, со мной

ты оставался здесь.

Ведь Бог — это для всех, а я твой.

И Бога может не быть. А я — есть.

*Есимова Аида (11 класс),
Караганда, Республика Казахстан*

О чем мне рассказала старая книга

Кучерявые волосы мешали семнадцатилетнему мальчику разбирать вещи, которые лежали в давно забытом пыльном ящичке на чердаке. Потолок был слишком низким для него, поэтому мальчик передвигался на корточках. На ящичке была смазанная надпись черным фломастером: «Не трогать. Вещи покойного Бахтияра».

Занятие было не самым приятным, однако время шло, и пора было уже разобрать вещи покойного деда. Собрав всю волю в кулак, Тимур со всей серьезностью отнесся к этому делу.

С виду небольшой ящик содержал целый мир внутри себя: лотерейный билет с выигрышем в миллион тенге, сломанные плоскогубцы, часы ручной работы и прочая мелочь. Среди всего этого внимание Тимура привлек предмет прямоугольной формы, и, недолго думая, он вынул его из ящика.

Как оказалось, это была книга дедушки Бахтияра, которая не имела твердой обложки, а была укутана в плотный материал. Желтые страницы с мелким шрифтом указывали на возраст книги, в голове Тимура накинута лет пятнадцать. Первая страница показалась ему особенной, притягивая внимание своим цветом и прочностью, она была темнее и тверже. Первой мыслью было, что это пролитый чай, но, присмотревшись, Тимур понял, что это засохшая кровь.

На нижней половине титульной страницы он обнаружил дату издания — 1937 год, февраль месяц, и понял, как он сильно ошибся, дав ей лишь пятую часть реального возраста. С еще большим интересом он начал разглядывать свою находку, ведь она могла бы содержать причины внезапной смерти дедушки.

Только подумав об этом, он неосознанно загрузил и опустил глаза, вспоминая шуточки своего деда о своем сыне, отце Тимура. Легкую грусть быстро сменила слабая

улыбка, которую любил дедушка Бахтияр. Снова подняв голову, он принялся листать старые, сухие страницы.

Временами он замечал маленькие рисунки или перечеркнутые строчки, написанные то ручкой с синей пастой, то простым карандашом, то смолой.

Спустя несколько страниц он наткнулся на заметку на таком же желтом листе, в котором было аккуратным, красивым почерком написано:

«Бахтияр, любимый, ты сможешь! Я верю, что победа за нами! Твоя Роза!»

По состоянию треугольного письма было заметно, что перечитывалось оно не раз, и сгибы, где письмо складывалось вдовое, были порванными.

Листая дальше, Тимур замечал много помятых углов на страницах книги, в которых были треугольные письма разного содержания. Некоторые от семьи на фронт, некоторые от самого Бахтияра в разные уголки страны. Опасаясь повредить еле живые страницы, он не стал читать их все, однако любопытство взяло вверх, когда он наткнулся на одно-единственное прямоугольное письмо, в котором было написано:

«Бахтияр, мы верим, что победа за нами! Твой сын уже вырос и возмужал, шлет тебе привет и просит разгромить немцев за всю нашу семью. Целуем и скучаем, Роза».

Речь шла о самом старшем брате отца Тимура, который умер раньше дедушки из-за неизлечимой болезни, и которого дед Бахтияр так и не увидел, не воспитал и даже не обнял.

Тимур всегда знал, что его бабушка была образованным человеком, но каллиграфический почерк поверг его в шок. Мысленно сравнив его со своим почерком, он немного постыдился, пообещав себе его исправить.

Через несколько страниц он нашел фотографию, с обратной стороны которой была дата тринадцатого мая 1956 года, а на фотографии изображены счастливые бабушка с дедушкой, у которого на руках был новорожденный отец Тимура в пеленках.

Шел второй час разборки ящика, но Тимур этого не замечал. Время будто остановилось, а он был путешественником в нем, перемещаясь с одного периода жизни деда в другой. Собранные воспоминания были сложены в хронологическом порядке, благодаря чему Тимур мог следить за взрослением своего близкого друга, лучшего советника и просто самого лучшего дедушки.

Теперь, когда он понял, что в книге есть не только письма, но и фотографии, он начал активнее листать страницы. Старания не заставили долго ждать, и в скором времени он уже разглядывал другую фотографию, на которой его дед лежал на больничной койке, а с обратной стороны была подпись: «Мой второй день рождения после столкновения с поездом, 1962 год».

Тимур и ранее слышал эту историю, но все-таки относился к ней со скептицизмом. А теперь доказательство было у него на руках, и он задумался о том, как все произошло.

Суровой зимой его дедушку и еще троих отправили в соседний поселок, чтобы они наладили дела с электростанцией. Буран был до того невообразимым, ничего не было видно, но управляющих это мало волновало, и четверо работников отправились по железным путям в соседний поселок пешком, потому что никакой транспорт не мог пройти через снег.

Дедушка шел впереди, расчищая дорогу своим товарищам, но внезапно потерял ориентир. Глаза залепило снегом. Стараясь не впадать в состояние шока, дедушка продолжал идти вперед со слабо светящим фонарем.

Внезапно он заметил два быстро движущихся в его сторону фонаря, и понял, что это поезд, но было уже слишком поздно. Мчащийся на огромной скорости поезд столкнулся с правильно подставленной ногой дедушки, впоследствии чего оба объекта разлетелись в две стороны.

Дедушку в полумертвом состоянии на следующий день нашли работники путей и отвезли в городскую больницу, где он пролежал семь месяцев. Доктора говорили, что его

случай феноменален, и следили за его здоровьем в течение следующего года.

Вспомнив эту историю, Тимур сделал вывод, что его жизнь скучна по сравнению с жизнью деда. Вздыхая, Тимур продолжил поворачивать страницы, удивляясь тому, что до конца осталось совсем немного.

Пару страниц спустя он нашел листок, который не казался старым. Бумага содержала различные даты, которые с первого взгляда не были связаны между собой, но Тимур уловил их суть. Это были дни рождения. Он узнал среди них день рождения отца, его сестер, и нашел свой день рождения.

Дойдя до последней страницы книги, Тимур обнаружил письмо, у которого не было получателя, но отправителем явно был его дедушка:

«Вы вряд ли найдете это письмо, но я должен признаться хоть кому-то. Прошло восемь лет со дня смерти Розы, а я все еще живой, но уже чувствую, что скоро и мой конец придет.

За окном весна, и я уйду гулять по аллее с нескончаемыми мыслями обо всем на свете. Если кто-то это читает, то позвольте сказать вам: цените молодость, жизнь в целом. Она дается лишь раз, и вы не будете моложе, чем в этот самый миг, который пролетает, пока вы читаете эти строки.

Я прожил насыщенную жизнь и видел все, что хотел и не хотел.

Но сейчас, когда чувство конца так близко, я понимаю, что с радостью вернулся бы в самые темные времена своей молодости. То, что тогда было пугающим — сейчас кажется смешным.

Работа на путях не была простой, и я с горечью вспоминаю семь месяцев, проведенных в коме. Ведь сколько бы я мог успеть сделать за эти семь месяцев!

Мысли сбиты с толку, и я уже не помню, что хотел написать.

Да уж, старость не в радость.

Нынешнее окружение не радует ни глаза, ни тем более душу. Ташиб пьющий, и нет ему никакой радости, кроме водки, а другие старички во дворе либо слишком старые для меня, либо жили такой жизнью, что слушать их одно мучение. Рутинная жизнь и ни капли счастья.

Пишу это письмо уже третий день. Смерть пока не пришла, но четко дает знать о себе. Красные глаза пугают внучек и внуков.

Ну, не в моих силах побороть ее.

Если кто-то это читает, то знайте, что нельзя скрывать болезнь.

Если даже маленькая, и вроде неважная — она может стоить жизни.

Хотел бы я, чтобы мои внуки и будущее поколение узнало то, как мы жили. То, что действительно является насыщенным детством, молодостью.

Тимур — моя гордость. Ох, как же он напоминает мне меня в молодости. Дорогой мой, прошу тебя, не позволь ничему погасить этот огонь в твоих глазах. Будь опорой всем, кому сможешь и ни в коем случае не ухаживай за девушкой, если не знаешь, кем является ее отец.

Остальным напишу в другой день.»

Прочитав письмо, Тимур долго приходил в себя. Слезы текли против воли, а руки предательски дрожали. Закрывшись ото всех в своей комнате, он перечитал письмо несколько раз и решил, что не позволит погасить огонь в своих глазах никому.

Храня письмо в своем ящичке, Тимур рос, и закончил высшее учебное заведение с отличием. Гоняясь за тем, чтобы издать свой труд, он перенес немало потерь, но добился своего в возрасте двадцати двух лет, и издал серию книг, основанных на жизни своего дедушки.

*Ескараева Дара (7 класс),
Астана, Республика Казахстан*

Лето посреди зимы

Стоял морозный вечер, настолько холодный, что даже рядом с большой горсткой угля, на котором грустно трепетал огонь, становилось прохладно. Солнца уже не было видно, да и луны тоже. Люди за окном спешили домой после тяжелого дня на работе, в школе или колледже. Вглядываясь в их недовольные лица, я старалась отметить в них все. Щеки, порозовевшие от холода, глаза, сомкнутые от сильного ветра, смешанного с обычно грациозными, но сейчас неловкими, слепленными в безобразные хлопья снежинками. В тот самый вечер мне захотелось отвлечься от всех грустных мыслей, которые в последнее время роились в голове. Что остается делать одной, без какого-либо занятия, холодным январским вечером?

Решила провести вечер за чтением книги. Давно я не чувствовала запаха книжного переплета, давно не ощущала неровность шероховатых страниц под пальцами. Встала, сбросила легкую шаль и прошла к полке с книгами. Много чего хранилось на дощечке из белого клена. Были и старые книги, с пожелтевшими от времени страницами. Имелись и новые, со сверкающими глянец обложками.

Так какая же книга разделит мое одиночество? Какую историю мне сегодня суждено пережить, в какой мир мне предстоит погрузиться? В такой холодный мертвый день мне почему-то захотелось чего-то легкого. Хотелось прочесть то, что погрузит меня в атмосферу тепла и уюта. Фантастика? Нет, я дала вам совсем не то описание. Детектив? Возможно, но точно не сегодняшним вечером. Роман? Я опустила глаза и задумалась. «Стоит ли?» — начал тихо внутренний голос, сразу оборвавшийся моим утвердительным кивком. Мне вдруг стало до ужаса смешно, и вся комната наполнилась залиvistым смехом. С каких это пор мне приходится погружаться в себя, для того что-

бы выбрать книгу на вечер? Взрослею, наверное. Я почти слышала, как вздрогнули свечи, не удавалось им еще слышать веселье в моем голосе за этот вечер. Но стоило заметить, что настроение улучшилось, а значит я на правильном пути.

Мои глаза долго метались по корешкам книг, бегло читая названия, пока не остановились на одной маленькой книжке в мягкой обложке. «Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков», — гласило название. На обложке была изображена зеленая поляна с могучими ветвями цветущего дерева. По полю бежала девочка, пытаясь поймать красный мяч, который так не хотел попадаться ей в руки. Где-то далеко болтали дамы. Что же они обсуждали, о чем переживали? От книги внезапно повеяло теплом, и я почти почувствовала запах горячего чая с мятой. Почему-то вся эта картина напомнила мне о лете и об уютных июльских вечерах. Признаться, я всегда оценивала книгу по обложке. И всегда с любопытством смотрела на название. «Вино из одуванчиков», — прочла я снова и почему-то сразу захотела прочесть именно эту книгу.

Взяв книгу в руки, я вернулась на свое излюбленное место рядом с камином. С первых страниц Дуглас был безумно рад, первый день июня, все-таки. Просыпаешься и понимаешь: вот оно, лето. И целых три месяца ты можешь делать все что душе угодно! Не знаю, с чем можно сравнить это чувство. Может, это луч солнца во время бесконечной тьмы. Может — вода во время мертвой засухи. Настолько мне не хватало этого чувства, чувства свободы. При упоминании о лете, при описании его в таких красках мне стало тепло и радостно. Воспоминания о предыдущем лете вдруг нахлынули на меня и захлестнули с головой. Я вспомнила набережную, именно ту, что покрыта зеленой гладью травы. Вспомнила о музыкантах, играющих блюз на улицах города. Вспомнила о самом вкусном мороженом в мире, что продается в маленьком ларьке перед рекой. Клянусь, я даже почувствовала вкус пломбира на языке.

Внезапно я услышала громкий стук, будто кто-то колотит в окно ладошкой. Воспоминания быстро куда-то исчезли, будто их и не было вовсе. Раздосадованная, я повернулась, готовясь узнать, что стало причиной гулких звуков. То был град, который смешался с метелью, отплясывая с ней под завывание ветра. Отлично, мало мороза и вьюги, так еще и град. Поняв, что мое маленькое лето уже не вернется, я продолжила чтение.

С первой же главы книга учила меня многим вещам. «Хорошо при случае послушать тишину...» Действительно, как часто мы отвлекаемся от суеты нашего мира и обращаем внимание на то, что действительно важно? С каких пор мы перестали слышать щебет птиц, с каких пор перестали чувствовать запах свежесдобитого хлеба? Мне ведь всего тринадцать лет, а я уже перестала замечать что-то, кроме насущных проблем.

Я оторвала взгляд от книги и посмотрела вокруг. В углу комнаты я увидела паутину — самая изысканная работа на свете, нигде не найти кружева тоньше. Странно, раньше я этого не замечала. Перевела свой взгляд на камин. Впервые за все время, проведенное у старого камина, я заметила огонь. Нет, не то чтобы раньше его не было. Я вдруг увидела всю красоту огня, увидела страстный танец языков пламени, которые то поднимаются, то снова стихают. Внезапно я услышала мелодию, доносящуюся из старого патефона, там, в углу комнаты. Нет, патефон всегда стоял здесь, но мелодию я никогда не слышала. Или просто не хотела слышать...

Читая страницу за страницей, я и не поняла, как в книге прошел целый месяц лета. Июнь рассказал нам о Дугласе и его семье. Июнь объяснил нам, почему так важен одуванчик и почему из него делают вино. «Ведь простой цветок, можно сказать, сорная трава, и никто ее не замечает...»

Каждое лето семья Дугласа собирала одуванчики, чтобы приготовить из них самый благородный напиток — вино.

«Возьми лето в руку, налей лето в бокал — самый крохотный, конечно, из какого только и сделаешь единственный терпкий глоток, поднеси его к губам — и по жилам твоим вместо лютой зимы побежит жаркое лето...» Я уверяю вас, на долю секунды я поверила, что книга обращалась ко мне. Я поверила, что ее написали именно для того, чтобы спасти меня и мой вечер. Но секунда быстро прошла, и настенные часы побежали дальше, суетясь и тикая.

За июнь произошло много интересного и поучительного. Когда меня только познакомили с Лео Ауфманом, создателем машины счастья, что могла показать тебе все, что ты только захочешь, я сразу заинтересовалась. Но машина счастья не работала, ведь она приносила людям не счастье, а горе. Лео показал своей жене те волшебные места планеты, в которых мечтают побывать многие люди мира. Но в глубине души Лея (та самая несчастная жена Лео) понимала, что никогда и ни за что не побывает там. И понимание это пришло и ко мне.

«Первое, что узнаешь в жизни, — что ты дурак. Последнее, что узнаешь, — ты все тот же дурак. Много передумал я за один только час. И сказал себе: да ведь ты слепой, Лео Ауфман! Хотите увидеть настоящую Машину счастья? Ее изобрели тысячи лет тому назад, и она все еще работает...»

Да, он прав. Да, он абсолютно прав! Люди живут, погрязнув в работе, чтобы купить себе то, что им не нужно. Каждый из нас в понедельник ждет пятницы, каждый из нас во время работы ждет каникул. Ведь так, разве я ошибаюсь? И все мы отчаянно жаждем и ждем счастья, так и не замечая, что наше счастье рядом, стоит просто протянуть руки...

За весь июнь, который протекал в книге непозволительно быстро, я успела привязаться к Дугласу. Мне не было важно, сколько ему лет, и даже было все равно, на какой улице он живет. Я жила вместе с ним, переживала его эмоции и искренне удивлялась его открытиям, ведь они были новые не только для него, но и для меня. Мне даже

почудилось, что я стала Дугласом, настолько сильно я чувствовала его переживания.

Анализируя, я поняла, что июнь означает становление нашего героя.

Я решила, что стоит взять перерыв, и пошла на кухню за очередной порцией чая. Я осознала, что мне стало намного теплее, и еще, кажется, краски в доме стали ярче, и даже всегда стоящие на одном месте предметы вдруг радостно зашевелились. А возможно, мне просто показалось...

Кружка от чая была уже пуста, а прочитанных страниц становилось все больше и больше. Как-то осторожно, тихо тикали часы, видимо, боялись отвлечь меня. Метель уже стихла, да и ветра было не слышно. За все это время я успела прочесть об июле. Июль, второй месяц лета, означал расцвет героя. В июле нам открылось еще больше деталей о Дугласе, о Гривилледже — городе, в котором он живет, — и о его жителях.

За июль Дуглас сделал для себя немало важных открытий. Например, то, что когда-нибудь дорогие люди уйдут из его жизни. Его лучший друг, Джон Хаф, планировал покинуть город. «Самое лучшее — статуи...» — сказал тогда Дуглас. «... Только их можно удержать у себя на лужайке. Никогда не позволяй им двигаться. Стоит только раз позволить — и тогда с ними уже не совладаешь».

Именно в тот же самый месяц Дуглас впервые задумался о Боге:

«— ... Я больше насчет того, как Бог управляет миром. Том задумался.

— Ничего, Дуг... Он все-таки старается».

Ведь Бог действительно старается. Придумать столько всего и уметь держать это под контролем...

Июль так же поведал нам о Машине Времени. Машина Времени? Да, Машина Времени. Да, та самая, настоящая! Только состоит она не из железа и механизмов, а из плоти

и крови. Другими словами, Машина Времени — имя человека. Дуглас с друзьями часто собирались у него, то был мудрый старец, много чего повидавший за всю свою долгую жизнь. Он рассказывал о своих путешествиях, удачных и не очень.

Часы показывали шесть утра.

Мои глаза так и намеревались закрыться, но мозг отчаянно сопротивлялся, ему нужно было прочесть книгу до конца.

Август. Последний месяц лета. В последние, ускользающие моменты лета нам с Дугласом удалось осознать многое и со многим пришлось смириться. В августе прабабушка Дуга умерла, и я поняла: когда-нибудь и мы умрем, и наши знакомые, друзья, родные. Я всегда это знала, но по-настоящему поняла это только сейчас, в эту секунду.

И при всем этом я осознала еще одну вещь. Смерть — это не плохо. Ведь мы живы, а все живое рано или поздно погибает. И в этом прелесть всей нашей жизни, у нас есть срок. Смертность дает нам мотивацию делать открытия и проводить время, что так быстро ускользает от нас, с пользой.

И в этот самый момент я почувствовала себя живой. Да, знаете, по-настоящему. Мне вдруг захотелось петь и плясать. А еще мне так захотелось выпить вина из одуванчиков. «Вино из одуванчиков — пойманное и закупоренное в бутылки лето».

За окном рассветало. Мне было тепло и уютно рядом с мерцающей красотой огня. Солнце чуть выглядывало из-за горизонта, празднуя свое прибытие ярко-алым рассветом. Люди за окном направлялись на работу, в школу или колледж. Всматриваясь в их счастливые лица, я старалась отметить в них главное — жизнь. Улыбки, такие разные, но одновременно такие одинаково счастливые, украшали их лица.

Я знаю, зима не так плоха, у нее множество своих прелестей. Но почему-то на минуту мне показалось, что вот оно — лето, здесь. И только грациозные снежинки, словно балерины, танцую и кружась, возвращали меня в реальность — отныне счастливую реальность.

Жарова Ольга (8 класс), Махачкала

Судьба книги

Однажды я пошла в библиотеку, чтобы найти интересную книгу для чтения в свободное время. Я долго блуждала среди длинных книжных рядов, которым будто не было конца. Выбрав наконец несколько книг с красивыми и яркими обложками, я направилась к выходу и вдруг увидела большую старую книгу с потрепанными краями и пожелтевшими страницами, которая одиноко лежала на полке. Я никогда не встречала такого старинного издания. Бережно взяв ее в обе руки, я направилась к библиотекарю, добродушной женщине лет шестидесяти, для которой работа в библиотеке (и это все знали в нашем городе) была намного дороже самой жизни. Увидев эту книгу в моих руках, она обрадовалась, и глаза ее засветились.

— Я уже и не думала, что кто-то однажды возьмет эту книгу, — задумчиво произнесла она.

Я слегка улыбнулась.

— Знаешь, у нее очень интересная история, — после недолгого молчания продолжала она. — Я бы хотела тебе ее рассказать.

Эти слова заинтересовали меня.

— Конечно! — ответила я с восторгом.

Мы направились к ближайшему столику в читальном зале, и книгохранительница начала свой рассказ. Привожу его дословно.

«Все началось около ста пятидесяти лет назад, когда эта книга попала к моему прадедушке. Он тогда был еще совсем ребенком. Гуляя со сверстниками по улицам, изучая

окрестности старинного русского городка, он забрался в заброшенный дом. На чердаке, среди груды старых вещей, он наткнулся на что-то бережно завернутое в потрепанный кусок сукна. Осторожно развернув его, он увидел необычный предмет — множество листов, скрепленных вместе в твердой обложке. Дома он протянул находку маме и спросил:

— Мама, посмотри, что я нашел!

Она очень удивилась находке, ведь в то время книги были редкостью и стоили немалых денег.

— Это книга, мой мальчик. Ее могут читать только очень умные люди, которые знают грамоту. Их называют «книжные» люди. И тут же стала говорить нараспев: «Книжные люди — особые люди, они свет в душе несут. Сбереги ее, и если ты научишься читать, то сможешь узнать много интересного».

В то время умение читать ценилось очень высоко, и эта возможность давалась далеко не каждому. К сожалению, мой прадедушка не знал грамоты, но, несмотря на это, прекрасно понял ценность книги и хранил ее как зеницу ока. Он часто перелистывал страницы и не уставал любоваться старинным вычурным шрифтом, многоцветными картинками, созданными каким-то волшебством. Каждый день он открывал эту книгу в надежде понять хоть слово, но ничего не получалось.

Эта первая в жизни моего прадедушки книга пробудила заветное желание — научиться читать. Помогла мама. Наблюдая, как ее сын не выпускает из рук книги, она отправила его в церковно-приходскую школу. Там он обучался письму, церковному пению, арифметике и, конечно же, чтению. Так исполнилась его мечта — он научился читать! Теперь он знал название заветной книги: «Русская беседа, собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Сытина» и выяснил, что издана она была в 1841 году. Книга открыла ему мир, наполненный мыслями тех, кто написал ее, о ком она была написана.

Когда у прадедушки появилась семья, он передал эту книгу своей единственной дочери. Так, из поколения в поколение книга передавалась в моем роду от прадедушки к моей бабушке, от бабушки к моему отцу. Когда я была маленькой, он читал мне эту книгу на ночь.

К сожалению, у меня нет детей и передать ее некому. Я принесла эту книгу сюда в надежде, что она найдет своего читателя и ее история не прервется.

Меня очень тронул ее рассказ. Я робко спросила:

— А можно я возьму эту книгу?

Женщина ласково улыбнулась и сказала:

— Конечно! Я буду очень рада, если ты возьмешь ее!

Она обняла меня, и мы попрощались. Я была счастлива, что судьба этой книги в моих руках. «Пока книгу читают, интересуются ею, — она жива!» — звучат во мне слова хранительницы книг.

*Жунисова Анель (11 класс),
Караганда, Республика Казахстан*

Тайна, изменившая мою жизнь

В моей жизни, как и в жизни любого другого подростка, был переломный момент. Со мной это случилось летом 2015 года. В то время я потерялась в себе и, как мне казалось, во всем мире. Для меня тогдашний каждый день казался пустым. Я не выходила из комнаты и из дома больше месяца, общаться с семьей не было никакого желания, единственное общение с миром было только в социальных сетях, и разговаривала я тогда только с одним человеком, что хоть как-то спасало меня. Каждый вечер мне звонила лучшая подруга, пытаюсь вывести гулять, но каждый раз я ей отказывала. По сей день помню это ощущение. Мне казалось, что в жизни человека нет никакого смысла, иногда было чувство, что я уже не способна чувствовать что-либо. У меня развилось очень много комплексов.

Что сказать? Обычные подростковые причуды, но тогда для меня это было глобально и очень сильно пугало — настолько, что я потерялась. Прошел месяц, и ко мне пришло четкое осознание того, что я в депрессии, но я не имела никакого понятия о том, как выйти из нее, но и принимать то, что я в таком плачевном состоянии, не хотелось. Так продолжалось еще несколько недель, только они были еще мучительнее. Я съедала себя изнутри, все больше и больше замыкаясь в себе. Я не делала буквально ничего. Я могла проводить время, не думая ни о чем. Моя голова была пуста, но в один день, а точнее, за пару часов случилось то, что изменило меня полностью, начиная с головы и заканчивая кончиками пальцев...

Однажды, когда я проходила мимо стеллажа с фотографиями и книгами, я резко остановила внимание на книге «Тайна» Ронды Берн. Я прочитала название книги и вспомнила, что эту книгу мне дала подруга почитать около половины года назад. Я отложила прочтение этой книги на потом, о чем забыла впоследствии. Все дело было в том, что книга содержала в себе цитаты разных людей, что привело меня к гипотезе о том, что в книге нет какой-либо сюжетной линии. После воспоминаний я все-таки решила взять книгу в руки и прочитать хотя бы краткое описание на обратной стороне книги. Описание было интригующим: «Она передавалась из века в век, ею жаждали обладать, ее ревниво охраняли, теряли, похищали и покупали за огромные деньги...» После прочитанного возникло убеждение, что книга о какой-то карте сокровищ или об эликсире молодости, но на первой странице книги было написано: «Что наверху, то и внизу. Что внутри, то и снаружи». Тогда данные слова обескуражили меня, потому что вторую строку я встречала очень часто в жизни, но сформулирована она всегда была по-другому, потому что обычно говорят о том, что то, что снаружи, не всегда внутри, а сочетание слов из первой строки я вообще услышала впервые. Возможно, именно это подтолкнуло меня открыть следующие страницы, что привело

меня к ключевому моменту книги из предисловия: «Год назад моя жизнь рухнула». «Моя жизнь рухнула» — эта фраза как будто бы смогла описать буквально все, что тогда происходило со мной. Моя жизнь разрушалась. Мне стало интересно, о чем будет рассказывать автор после этих слов, появилась надежда, что я смогу найти что-то, что сможет помочь мне.

На протяжении всего предисловия рассказывалось о какой-то тайне, тайне, которую знали великие люди и которая способна изменить все и вся. Я понимала, что автору удалось выбраться из бездны благодаря этой тайне, но суть самой тайны почему-то не раскрывалась. Пока я не дошла до двадцатой страницы и слов: «Тайна жизни — это закон притяжения».

На тот момент уже было четко ясно, что книга тесно связана с психологией, и отголоски физики мне показались не уместными, однако позже стала понятна суть слов «закон притяжения»: как оказалось, закон притяжения в жизни работает по той же схеме, что и в физике, но касается он мыслей. До этого я знала о том, что мысли материализуются, но было кое-что еще в этой главе, что меня «зацепило» и заставило продолжить чтение — частичка «не». До этого я никогда не задумывалась о том, что, возможно, мои слова: «Я не хочу плохую стрижку», — могут восприниматься вселенной как: «Я хочу плохую стрижку». Известно, что желания сбываются, если в них сильно верить и сильно их желать, но почему-то никто не говорил о том, каким образом их нужно формулировать, о чем и повествовала эта книга. Она рассказала мне по шагам, как нужно думать, чтобы мысли превращались в реальность. Хотя после того, как я прочитала все шаги, все равно оставались сомнения. «Ведь если это правда, то почему каждый так не делает и не живет счастливо?» — мысль не покидала меня. Я не могла найти ответ. Повезло, что в книге были приведены примеры людей из жизни, которые смогли изменить все благодаря настрою: одному удалось избавиться от постоянных побоев

из-за нетрадиционной ориентации, другой смог встать на ноги после крушения самолета, третий, решив проверить правдивость тайны, случайно нашел перо, которое он придумал сам в мыслях и которое, как он считал, не существовало. Такие доказательства были весомы и постепенно смогли вдохновить меня, будто снова наполнив энергией жизни.

В последней главе книги, которая называлась «Тайна жизни», я прочла следующее: «Так что ваши цель и смысл вашей жизни таковы, какими вы их считаете. Ваша миссия в том, что вы придумаете для себя сами. Ваша жизнь будет такой, какой вы ее создадите». Эти слова открыли мне глаза на то, что не моя жизнь рушится, а я рушу свою жизнь, и во всем виновата я сама и мои мысли. После этого первое, что я решила сделать, чтобы изменить все, так это поверить в то, что было написано в книге. Терять мне было нечего. Я думала о том, чтобы встретить человека, с которым общалась в социальных сетях, вживую, хоть и понимала, что человек этот находится в другом городе, который далеко от моего. Этими мыслями была забита моя голова весь день, я искренне надеялась на то, что тайна правдива и она откроется для меня. В тот же день вечером, как и обычно, мне позвонила моя подруга, позвав прогуляться в парк, на что я ответила: «Извини, но нет».

На следующий день моя голова была забита теми же мыслями, но я никому об этом не говорила, в частности, тому самому человеку, потому что хотела убедиться именно в силе вселенной и в силе мыслей. На третий день, когда мне снова позвонила подруга, я поняла, что пора что-то менять и самой строить свою жизнь, как и говорилось в книге. Я поняла, что думать правильно — важно, но нужно еще и что-то делать, поэтому в тот день я вышла «в свет» и изо всех сил старалась быть жизнерадостной, но внутри все равно чувствовала, что это наигранно. Пока не встретила того самого человека, с кем хотела встретиться вживую, и встретила я с этим человеком в том же парке и в тот же день.

Все произошло случайно, но эта случайность перевернула все внутри меня, и я поверила. Я поверила в тайну.

С того дня постепенно и с трудом, но я менялась. Как говорили мои родители, я снова начала расцветать. Я начала ощущать счастье. С каждым днем я вспоминала разные цитаты из той самой книги и настраивалась на позитивную волну. Данная книга научила меня мыслить правильно, помогла выбраться из депрессии, помогла начать жить счастливо и помогла научиться притягивать к себе счастье.

Прошло несколько лет, а я все еще прибегаю к тайне, хоть и делаю это обычно неосознанно, и сейчас я уже могу ответить на вопрос, который мучил меня в прошлом, вопрос о том, почему все люди не используют тайну? Мне кажется, все дело в том, что очень трудно искренне поверить в нее, потому что, в какой-то степени, это за гранью понимания человека, поэтому я рада, что данная книга попала мне в руки именно тогда, когда я была в отчаянии, ведь это помогло мне ухватиться всеми силами за надежду и искренне поверить в закон притяжения.

Многое изменилось после прочтения книги «Тайна», но самое главное — то, что благодаря этой книге изменилась я сама и меняю свою жизнь в лучшую сторону.

Заблоцкая Ольга (5 класс), Пермь

О чем мне рассказала старая книга

Как-то раз мама попросила меня убрать пыль с книжной полки. Книги на ней стоят ровно, все пестрые и красивые, так и просятся в руки. На самой верхней я обнаружила совершенно зачитанный том Николая Носова с порванным переплетом, пожелтевшими страницами и выцветшими картинками. Откуда ты взялась? Кто и как тебя читал? Где потерялись твои недостающие страницы? Вопросы крутились у меня в голове, а ответов не было.

Может, спросить у мамы? Ах, ее же нет дома: часа два назад ушла в магазин, да и ищи ветра в поле. Папе задать

вопрос не получится — он на работе. В общем, спросить не у кого.

Я отложила книгу в сторону и продолжила уборку. Еще на полке лежали другие книги: «Алиса в Зазеркалье», «Рассказы о войне» и моя любимая книга детства «Волшебник Изумрудного города».

Как говорится, сделал дело — гуляй смело! Закончив уборку, я присела на диван. Меня стало тянуть в сон. Вдруг сквозь дрему до меня донесся голос: «Вставай! Я расскажу тебе свою историю».

Я зевнула, открыла глаза и поняла, что со мной говорит книга!

«Тебе интересно, кто читал меня раньше? Откуда я взялась и как стала такой? Где потерялись мои страницы? Начну с самого начала. Меня издали в 1969 году. Около пяти лет я спокойно стояла на полке. Мне было грустно и скучно. Но потом началось!»

Девочка Аня научилась читать. Она читала меня везде и всюду таскала с собой. Помню, даже ночью читала под одеялом, освещая текст фонариком. От родителей ей из-за этого, конечно, попадало частенько, потому что для зрения это очень вредно. Девочка подросла, стала читать уже другие книги и меня снова положила на полку. Я уже было подумала, что свое я отслужила, но ошиблась.

В один прекрасный день меня положили в коробку. Все, думаю, сдадут в макулатуру или выбросят, но все вышло не так. Меня просто перевезли в другой дом. Он был светлый и новый, а меня торжественно поставили на новую книжную полку! Немного и в этом доме мне пришлось поскучать. А потом все началось сначала. У Ани родился сын Андрюшка. Конечно, и меня, свою любимую книгу детства, она читала сыну с удовольствием. Меня брали с собой в отпуск, в Анапе был сильный ветер, который вырвал несколько моих страниц. Интересно, где они сейчас?

В очередной раз меня положили на полку, скажу, что до рождения у Ани дочки Олечки. Аня снова читала свою лю-

бимую книгу детства (где не было страниц, пересказывала своими словами). К этому времени я стала совсем потрепанной, у Оли даже возник вопрос: «Мам, почему ты не выбросишь эту книгу?» Конечно, я сначала была очень сердита на нее за это, но потом простила, ведь она же была совсем ребенком. Спустя годы я могу точно сказать, что прожила хорошую долгую жизнь, и этим могу гордиться. Теперь ты знаешь мою историю, больше пока мне нечего о себе рассказать. Сейчас поставь меня на прежнее место. До свидания!»

Книга затихла. Через некоторое время пришла из магазина мама, за ней и папа с работы. Вместе мы ели пельмени с капустой, которые накануне сами же лепили. Легли спать. А я все думала о книге, которую читало не одно поколение детей, о том, как я ее буду читать своим детям, а они — своим и так далее... Я не могла уснуть, когда подошла к окну, то увидела, как с неба упала звезда, тогда я загадала желание: «Пусть всегда, испокон веков, книга растит человека!»

Захаренков Денис (10 класс), Санкт-Петербург

Чтобы не было мусора

Это случилось лет десять назад. В то время мы с семьей каждое лето ездили на дачу. Место нашей дислокации находилось в шестидесяти километрах от города, близ станции Ваганово, и ничем не выделялось из ряда других садоводств. Небольшие, одинаковые, как куски пирога, участки, дощатые домики под вечно протекающими крышами, перелатанными не по одному разу рубероидом, подмазанные мастикой. Узенькие аллеи с растущими вдоль невидимых заборов кустами акации, сирени, шиповника, черноплодки — привычная глазу идиллия.

Наш участок был угловым. Одним боком он прилегал к дороге, от которой, впрочем, осталось только узкая разбитая грунтовка, вечно ремонтируемая то песком, то щебнем силами местных жителей и «иностранцев» из стран ближнего зарубежья. Вдоль нее росли большие зеленые кусты

и стояли могучие, высокие деревья — вечнозеленые сосны и березы с белоснежной корой. У нашего участка тоже росли такие гиганты. Особенно выделялись три сосны, вымахавшие под двадцать метров. Они были значительно выше остальных деревьев и сильно, гулко раскачивались на ветру. На их кронах любили сидеть большие черные вороны и важно каркать друг на друга. Иногда их прилетало так много, что это было похоже на собрание, где каждый имел право голоса, и пока один говорил, остальные внимательно его слушали, лишь изредка позволяя себе эмоционально каркнуть в ответ. Стоило нарушителю порядка сделать это — как несколько других ворон встреपывались и начинали возмущенно каркать, как бы призывая к порядку. Мы с родителями нередко смеялись, смотря на эти «вороньи дебаты». Левее сосен дом от дороги отделял большой куст и длинная плакучая рябинка с редкими ветками и ягодами. Впрочем, она не всегда была такой. Из года в год на ней становилось меньше листьев, она все больше наклонялась, пока, наконец, не пала под ударами топора. Еще левее находился ларек с надписью «Хлеб». Надпись была такая же выцветшая и облупившаяся, как и сам ларек. Он принадлежал нашей соседке, которая, говорят, лихо торговала там спичками, мукой, хлебом, макаронами и тушенкой — всем тем, что необходимо для существования садовода-любителя. Однако со временем ларек закрылся и стал притягивать к своим стенам не покупателей, а местное хулиганье, жаждущее разрисовать его сомнительными творениями своего воображения. Рядом с ларьком стояла красивая невысокая ель, которую посадил в детстве мой брат. Как-то, услышав эту историю, я тоже решил, что надо посадить что-нибудь. Не придумав ничего лучше, подошел к раскидистой сирени, которая мирно себе росла на участке у забора, и повис на самой большой ее ветке. Атакованная, она хрустнула, не выдержав моего веса, и упала вместе со мной. Отломав ветку, я вкопал ее рядом с елью и полил водой. Знаете — проросла. А в прошлом году превратилась в натуральный

куст — появились цветы. Теперь все это великолепие еще больше украшает так называемую дорогу, которая, в конце концов, выводит к настоящей большой дороге, прозванной в народе Черной. Это довольно широкая грунтовка, по ней часто ползут машины, она связывает между собой несколько садоводств, куда грузовики подвозят продукты и строительные материалы.

Однажды, гуляя с ребятами у перекрестка этих двух дорог, я обнаружил примятый тяжелыми бетонными плитами молодой кустарник с травой. Все недоумевали: кто и зачем набросал тут строительный мусор. Ответ на наш вопрос мы получили этим же вечером. Там, на плитах, стала собираться местная гоп-компания. Приезжали, рассаживались на блоках, жгли костры, орали невнятные песни, слушали оглушительную музыку, чем будили и беспокоили мирно спавших людей. Наутро после таких посиделок оставалось много мусора, который был раскидан по округе. Продолжалось это несколько недель. И с каждым днем гора мусора увеличивалась. Когда он стал мешать «отдыхающим», они начали его выбрасывать в канаву и с откоса в прилегавшую к Черной дороге лесополосу. Некоторые люди подражали этому гнусному поступку и тоже выбрасывали туда мусор. Вскоре откос перед лесополосой превратился в склад мусорных мешков, а место вокруг плит и канавы оказались под грудой металлолома.

Однако нашлись люди, у которых жизненный уклад «повернут» немного в другую сторону. Это энтузиасты, пришедшие убирать мусор просто потому, что им было неприятно жить рядом со свалкой и видеть закиданный отходами некогда чистый уголок природы. Мы с ребятами тоже помогали им, во всяком случае, пытались. Так однажды долго и упорно доставали из канавы старый советский холодильник, который весил, как нам казалось, несколько тонн и не поддавался на наши слабые попытки поднять его. Тогда мы занялись более легким мусором. В итоге вся свалка вместе с плитами была убрана, надо было бы порадо-

ваться и отдохнуть, но я продолжал про себя возмущаться и недоумевать: «Почему люди так поступают? Зачем они мусорят себе под ноги, пилят сук, на котором сидят, проявляют неуважение к себе и окружающим?»

Вечером я подошел к отцу, работавшему на участке, и спросил:

— Пап, помнишь ту мусорную кучу у дороги? Люди превратили часть лесополосы в настоящую свалку. Зачем они это делают? Неужели им сложно выкинуть мусор куда положено?

Отец ответил мне:

— Понимаешь, сынок, это некультурные люди. Они в детстве книг не читали и сейчас не читают, в театры не ходят, в музеи тоже. Им не интересна история своей страны, искусство, наука. Весь их досуг состоит в том, чтобы развлечься. Глупо, шумно и весело. При этом их совершенно не волнует, мешают они другим людям или нет. Они думают только о себе.

— А почему тогда, если они о себе думают, они мусорят себе под ноги? — снова спросил я.

— Это и для меня загадка. Наверное, им это не мешает, — с сожалением заметил отец.

— Спасибо, пап, я все понял и пойду, пожалуй, прочитаю, — сказал я, отправляясь в дом.

В маленькой комнате, рядом с креслом, на котором я спал, стоял старый красивый буфет. Резные дверцы со стеклянными вставками беззвучно открывались каждый раз, когда я залезал сюда. В буфете хранились книги. Они были старые, большую часть из них читала в детстве моя мама, а некоторые даже бабушка. Переплеты их были с трещинами, потертые по краям, а страницы — пожелтевшими от времени.

В этих книгах рассказывалось о настоящих людях, героях своего времени, преданных делу, старающихся помочь тем, кому это необходимо, как Тимур и его команда, защитить угнетаемых, как капитан Сорви-голова. Эти книги, не-

сомненно, оставили след во мне, помогли понять наш мир, его силу — высокие моральные принципы, а не глупые интриги. Смотря на своих друзей в старых переплетах, я стал задумываться над словами отца «они книг не читали и не читают...» А почему я читаю? Тут в большей степени заслуга родителей. Ведь именно они познакомили меня, еще совсем маленького, с книгой, научили читать ее, задумываться над прочитанным. Отец часто рассказывал о своем детстве, когда ребята проводили часы над книгами. А я просил его вспоминать об этом еще и еще и дать мне почитать что-нибудь из его любимых книг детства. Отец приносил произведения Конан Дойла, Майн Рида, Жюль Верна, Луи Буссенара, Фенимора Купера, Аркадия и Бориса Стругацких, между делом рассказывая, сколько лет ему было, когда он прочитал ту или иную книгу, какое впечатление она на него произвела, что происходило в стране в тот период и как тогда жили ребята. Так я познакомился с «Капитаном Сорви-головой» Луи Буссенара, а потом мы с друзьями играли в буров и англичан, устраивая настоящую войну между дачных участков, прятались за кустами акации, в больших канавах, и совершали один точный выстрел из палки-винтовки. А еще, прочитав эти книги, я решил работать над собой, учиться, ведь если я буду так жить, то обязательно достигну результата, может быть, даже такого, как один из героев братьев Стругацких — Александр Привалов, программист из моего родного города. Конечно, книга это не реальная жизнь. Но я ни разу не пожалел о времени, потраченном на чтение. К тому же, мы с отцом всегда обсуждаем прочитанное, обмениваемся своими впечатлениями, рассказываем друг другу о том, что чувствуем, когда оказываемся в чужих мирах. Помню, раз отец дал мне книгу Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Читали мы ее вместе, так как я поначалу не мог разобраться что к чему, да и отец был не прочь прочесть ее еще раз. Мы долго обсуждали эту книгу, пытаюсь понять, как так могло случиться, что люди перестали читать, погрузившись в мир развлекатель-

ных шоу. Меня это поразило сильнее всего. Человечество, отказавшись от книг, убивало не просто печатные издания, труды многих писателей. Человечество убивало свой разум, свои чувства. Книга, значащая нечто большее, чем просто листы бумаги, казалась мне интересней, чем глупые интриги, даже по интерактивному телевидению. Я всегда предпочту ее живое слово, как и все в моей семье. Я часто видел маму, папу и бабушку за чтением и каждый раз думал: «Раз взрослые читают, значит это интересно, они тратят на книгу свое свободное время не просто так... И я так буду!»

Иногда в летние жаркие дни моих дачных каникул, когда приходилось сидеть дома, спасаясь от полуденного зноя, я прочитывал несколько книг за неделю. Читать я мог совершенно в разных местах: на накрытом красным пледом старом скрипучем диване или в моем кресле, на стуле на веранде или даже на полу. В городе же обычно мы всей семьей читали вечером, когда родители возвращались домой после работы, я приходил из школы или из авиамодельной лаборатории Аничкова дворца, а бабушка собиралась отдохнуть после дневных забот. Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока все не ложились спать или пока не начинался хоккей. Но это уже совсем другая история.

*Кабдуллина Данагуль (10 класс),
Астана, Республика Казахстан*

И журавли ко взлету готовятся...

Буквально через два месяца мне уже исполнится восемь лет. Я хочу поскорее вырасти, чтобы помогать своему дедушке. Ему уже под семьдесят, а кроме меня у него никого нет. Жаль, что я уже четко не помню черты его доброго лица. С уверенностью могу лишь сказать, что он невысокого роста, с седыми и редкими волосами, а еще у него огромный, закругленный нос. Дело в том, что в раннем возрасте я видел его очень редко, преградой тому были запреты моей мамы, а потом я внезапно и потерял зрение. И вот, когда на

этом-то этапе мать решила отправить меня к деду, это стало для меня двойным ударом. Мне не хочется вспоминать те события, вам достаточно знать, что я вижу перед своими глазами лишь темноту. Мне было трудно привыкнуть к этому. Я больше не видел любимый планшет, любимые ботинки, да и, в конце концов, свое отражение в зеркале. Но даже в этой крошечной тьме я пытаюсь разглядывать образы мне знакомых предметов и людей, только вот ничего не выходит. С каждым днем я забываю все больше и больше. Живем мы с дедушкой в небольшой избушке на окраине леса вот уже три года, живем душа в душу. Меня не перестает удивлять тот факт, что, кроме нас, в этом лесу нет ни единой души. Изначально меня это уж очень напрягало, и мне становилось скучно от этого, но дед научил меня ценить спокойствие и уединение. Он понимал, что видеть меня уже не научит, поэтому учил меня слушать и прислушиваться: прислушиваться к деревьям, прислушиваться к воде и даже к тишине. После его уроков эта жизнь мне уже не казалась столь скверной, как это было до них.

— Я ее вижу, — крикнул он. Обычно речь моего деда бывает монотонна и безжизненна, но в такие моменты его голос необычайно чист, звонок и бывает наполнен счастьем.

Он сейчас говорит о так называемой «солнечной птице», наверняка название придумал сам, ибо за весь мой первый год в школе мы ни разу о ней не упоминали. Хотя, возможно, мои одноклассники изучали ее во втором классе, откуда мне знать, я же туда так и не попал. Да и вообще, с того самого дня я считаю себя абсолютно беспомощным, но сейчас не об этом. У моего деда есть привычка — каждый день на рассвете он идет к скале и взбирается на нее. Он наблюдает за взлетающей «солнечной птицей». Раз мне нечем заняться дома, ничего не остается делать, кроме как идти за ним. И сейчас в очередной раз мы сидим на той же скале, на том же месте, и мой дед наблюдает за ней. Мне всегда было любопытно, что собой представляет эта «солнечная птица», откуда она взялась, и почему именно

она так важна для моего деда? В ответ на мои вопросы дед обычно молчит. Он лишь продолжает твердить, что более прекрасного зрелища не видел. В такие моменты мне становится еще более досадно от того, что я не могу разделить его радость.

— Кто она, эта «солнечная птица»? — попробовал спросить я дедушку на обратном пути.

— Это та птица, которая вдохновляет меня на протяжении всей моей жизни. Птица, которая научила меня двигаться вперед. Не знаю, сынок, довелось ли тебе увидеть эту птицу. Это журавль.

— Журавль? — признаться, я очень удивился. Теперь в моей голове возникло еще больше вопросов. Что это за странное название-то такое? По пути домой меня никак не покидали мысли о том, как птица вообще способна вдохновлять человека. И если это журавль, то почему для моего дедушки эта птица «солнечная»? Но я не спешил перегружать деда вопросами, он и так наверняка утомился. Вернувшись домой, я уже совсем забыл об этой птице и думал, чем бы занять себя. У меня не получается ни рисовать, ни кататься на велосипеде, ни даже складывать зверюшек из бумаги. В таких ситуациях я направляюсь к дедушке в библиотеку. Не подумайте, что я не могу с места сдвинуться из-за своей незрячести, вовсе нет. Я прекрасно ориентируюсь в пространстве, особенно если уже привык к этому месту. Я тихими шагами вошел в комнату, чтобы не потревожить его. Дедушка всегда читает вслух, поэтому мне достаточно лишь сесть в какой-нибудь уголок библиотеки, что я и сделал. Книжка, которую он читал на этот раз, казалась мне незнакомой. В ней говорилось о некоем Стрикленде. Я толком не успел уловить суть.

— «На мой взгляд, они знают слишком много и чувствуют слишком поверхностно... Их страсть кажется мне худосочной, их мечты — скучноватыми», — это было последнее, что прочитал дедушка, далее он остановился. Несколько минут непрерывно мы просидели в тишине, веро-

ятно, он глубоко задумался. Эта продолжительная пауза казалась мне необъяснимой, поэтому я и решил прервать молчание:

— Почему ты остановился?

По его удивленному голосу было понятно, что он не ожидал меня здесь увидеть:

— Эту книгу я перечитываю уже в десятый раз. И с каждым разом нахожу в ней что-то, что заставляет меня задуматься, как и сейчас. Мне требуется время, чтобы осмыслить происходящее.

— Но что отличает эту книгу от других? — мне его слова были очень непонятны. На мгновение я засомневался в его адекватности. Привычку с журавлями еще как-то можно объяснить, но перечитывать книжку в десятый раз, да еще и так долго задумываться над каждой строкой — уму непостижимо. Но слова, которые мой дед произнес в ответ, поразили меня:

— Эта книга — роман британского писателя Сомерсета Моэма «Луна и грош». В ней рассказывается о художнике, который не побоялся стремиться к своей мечте вопреки общественному мнению. Этого художника зовут Стрикленд. Твой прадед прочитал мне этот роман, когда мне было десять лет. С тех пор я не перестаю размышлять над ней.

Я помню, что раньше его уж очень тянуло к искусству, он днями напролет мог непрерывно писать свои картины, но ведь вселенная полна подобных рассказов о художниках, так почему это произведение стало избранным?

— «Чужаками живут они среди родичей; чужаками остаются в родных краях. Может быть, эта отчужденность и толкает их вдаль, на поиски чего-то постоянного, чего-то, что сможет привязать их к себе», — после этих строк дед в очередной раз сделал паузу.

— Как можно оставаться чужим среди родных людей и в родном месте? — с недоумением поинтересовался я. В ответ я услышал лишь легкий смешок. Вероятно, дед был прав: понять роман полностью у меня не получится.

— Дело в том, что каждый человек рождается не совсем там, где ему стоило бы. Вот только малое количество способно осознать это. Люди не понимают, что можно жить совсем иначе. Этот роман стал причиной перемен в моей жизни. Признаться, я рад, что ты не относишься к этому безразлично. На самом же деле, я переехал в этот дом как раз в год твоего рождения, семь лет назад. До этого я жил с твоей бабушкой, но после ее смерти я вновь прочел этот роман и понял, что у меня нет и не было никаких стремлений, моя жизнь была основана лишь на человеческих отношениях. Поэтому в тот же день я решил просто прогуляться за городом, подальше от суеты. По дороге я наткнулся на озеро, неподалеку от которого увидел взлетающего журавля. До этого я никогда и не думал о том, что журавли, прежде чем взлететь, должны пробежать десяток шагов. И только после этих десяти шагов они могут лететь к солнцу свободным и легким полетом. Взлет этой птицы показался мне настолько захватывающим, что я решил запечатлеть этот момент на бумаге. Не зря я все-таки имел привычку всю жизнь таскать с собой блокнот и ручку во внутреннем кармане куртки. Я просидел на том месте до самого заката. Птицы взлетали одна за другой, и я рисовал каждую из них. Вернувшись домой, я увидел некий смысл в своих творениях. Возможно, это мой еще нераскрытый талант. Эта мысль не покидала меня на протяжении следующих нескольких дней. Каждый день мне хотелось возвращаться на то место и рисовать новых журавлей. Еще с детства мне было известно, что летящий журавль — символ высоких целей. Поэтому я решил, что встреча с ними была неспроста. Я наконец-таки нашел свое призвание в жизни, и это совпало с историей героя романа, который я перечитываю вновь и вновь. За один лишь день, проведенный у озера, я привязался к этому месту на весь оставшийся период своей жизни. И вот тогда я и решил переехать в маленький домик, неподалеку от этого озера. Когда я впервые забрался на скалу, понял, что оттуда вид на журавлей открывается еще чудесней. Эта скала

была той самой, забираться на которую я продолжаю и по сей день. Мне очень не терпелось показать свои картины тебе, ведь я был уверен, что ты будешь единственным, кто сможет с пониманием отнестись к моему решению. Но сейчас я просто хочу подарить тебе одну из них. Это самая маленькая из всех моих работ, но в то же время самая значимая. Это самый первый рисунок журавля. Я просто хочу, чтобы ты научился мечтать раньше, чем этому научился я. Есть ли у тебя какое-нибудь стремление в этой жизни сейчас?

Этот вопрос ввел меня в замешательство. Сначала мне казалось, что у меня их сразу несколько, поэтому я затруднился ответить, но, поразмыслив минуту-другую, я понял, что не могу назвать ни одного. Я ведь ни на что не способен.

— Я бы хотел стать президентом страны... или нет, погоди, я бы хотел стать самым богатым человеком на планете, чтобы купить тебе дом в сто раз больше этого. Думаю, об этом мечтает каждый мальчик моего возраста.

В ответ послышался лишь тихий смех дедушки.

— Думаю, ты еще не совсем понял то, что я пытаюсь донести до тебя. В таком случае мы дочитаем с тобой роман до конца, и ты ответишь на вопрос заново.

Я с радостью согласился и старался вслушиваться в каждое предложение романа. Есть несколько выражений, которые особенно врезались мне в память. Одним из них было: «Словом «прекрасное» люди обозначают платье, собаку, проповедь, а очутившись лицом к лицу с Прекрасным, не умеют его распознать». Вот тут-то я и задумался. Я начал рассуждать над тем, что вообще значит «прекрасное». Конечно, у каждого свое понимание этого понятия, но должно же быть что-то общее, объединяющее. Я тут подумал, что видеть по утрам журавликов для дедушки и есть то самое «прекрасное», и наконец-таки осознал, что дедушка имел в виду под «вдохновением», которое дают ему эти птицы, а еще понял, почему он называет их «солнечными». Ведь все на самом деле так просто. Мой дедушка умеет находить счастье и стимул жизни в самых простых мелочах, о кото-

рых другие и не подозревают. Значит, и у меня должно быть что-то подобное. Я так ушел в размышления, что совсем не заметил, как дедушка перелистнул последнюю страницу.

— Что скажешь теперь? — голос дедушки звучал очень спокойно и приятно. Вероятно, он и сам еще не отошел от книги. Я долго думал, что ответить, ведь в голове был целый поток мыслей.

— Я понял, что мечта человека, его стремление — это то, что отличает его от других, и оно не обязательно должно быть каким-то великим. Нужно научиться видеть красоту в простых вещах. Но я пока не могу точно ответить на твой вопрос.

— Ты и не должен этого делать, ответ придет со временем. А пока иди спать, уже поздно. Завтра нам с тобой к журавлям идти нужно.

Наутро поход к журавлям у меня вызвал совершенно другие чувства, нежели обычно. Я шел с дедушкой не от скуки, а потому что хотел узнать о них больше, они меня заинтересовали. Сейчас мне было интереснее не то, как они выглядят, мне было достаточно услышать их голоса, их звуки разбега перед взлетом, уж очень не хотелось уходить отсюда.

— А может ли мечта сына совпадать с мечтой отца? — спросил я, поняв, насколько этот вопрос глупый, уже после того как он успел прозвучать. Я понятия не имею, почему спросил это, но на мгновение все же задумался о журавликах, как о своем стремлении. Просто, находясь рядом с ними, я ощущал некую уверенность, которую прежде не чувствовал. Я и подумать не мог, что птица, которую я не способен даже видеть, сможет застрять где-то в глубине моей души.

— И такое не исключено.

По пути домой мы больше не обменялись ни единым словом. Да и на протяжении оставшейся половины дня не разговаривали. Я изредка слышал шаги деда у моей комнаты, но у самой двери они останавливались и уходили об-

ратно, так и не переступив порог. У меня было плохое предчувствие, я решил было сам сходить к нему, но тут опять послышались его шаги, а затем и слова:

— Сынок, выслушай меня внимательно. Завтра с утра тебе нужно будет навестить свою маму. Я тебя сам отвезу к ней в город.

— Но у меня нет ни малейшего желания видаться с ней, по крайней мере, сейчас. Почему так внезапно?

— Не задавай лишних вопросов, все будет хорошо. Ты можешь неспешно раздумывать над книгой. Я тебе подарю ее. Как только найдешь свое стремление, дай мне знать. Я буду рад за тебя.

С утра пораньше мы с дедом отправились в город. На удивление, я отлично запомнил маршрут от остановки до дома и поэтому мог уверенно шагать по улицам. Волновался я от мысли, что буду доставлять матери лишние неудобства. Ведь именно по этой причине она когда-то и решила отправить меня к деду. Но я ей очень благодарен за это.

И вот открывается дверь, я чувствую ее присутствие, но несколько секунд царит тишина. Дедушка сказал мне войти в дом, пока сам беседовал с мамой. Напоследок он лишь еще раз напомнил мне о книге. Я все пытался вспомнить расположение мебели в доме, и когда я только подходил к комоду, раздался громкий голос мамы:

— Вазу не разбей, она хрустальная, я на нее треть зарплаты потратила.

Не тут-то было. Я потерялся в пространстве, мне сразу стало страшно задеть вазу, поэтому я решил просто вернуться назад и рукой случайно задел какой-то предмет. Тут же послышался звук разбитого стекла. Мне было очень больно, я чувствовал, что порезался. Но еще больнее мне становилось от того, что эта была та самая ваза, о которой меня предупредили.

— Черт тебя побери! Да что ты творишь? — это были крики моей матери, а еще я почувствовал быстрые ее шаги в мою сторону. Она схватила мою руку и потащила куда-то.

— И чтобы больше на моих глазах не появлялся,— это было последнее, что она произнесла. Дальше я услышал хлопок двери. Я понял, что это моя комната. В ней я и провел следующие два дня. Вечером второго дня я уселся на подоконник. Раньше я очень любил разглядывать вид на город по ту сторону окна, особенно по ночам, когда повсюду светили яркие фонари. Мне не терпелось выпрыгнуть на улицу и бежать в сторону этих лучей. Мне сделалось досадно оттого, что я больше не могу этого видеть. В этот момент я понял, насколько мне не хватает поддержки дедушки. Я бы все отдал за то, чтобы он просто сидел рядом со мной. Дедушка бы с удовольствием поддержал мою идею и побежал бы со мной, была бы только возможность. Меня поражало, что в свои семьдесят он не уставал каждое утро идти к скале. Тут я и нашел очередное сходство между ним и Стриклендом. Они оба живут по принципу «возраст не помеха», да и не только возраст. Мне хотелось заплакать. Я старался сдерживаться, ибо еще в первом классе нам говорили, что сильные мальчики не плачут, но не смог контролировать свои эмоции. Я начал плакать. В комнату зашла мама:

— Чего ты тут разревелся? — к моему удивлению, она произнесла это спокойным тоном, но голос звучал поникшим.

— Хочу к дедушке,— больше ничего ответить я не смог. А ведь и вправду, это было единственным моим желанием.

— Адам, послушай меня, с дедушкой вы больше не увидите. Он сейчас далеко на небесах,— голос ее дрожал, когда она произносила это. Она под села ко мне и обняла. В тот момент я ничего не чувствовал. Я не мог осознать и принять услышанное.

— Как? Как это произошло? Вот почему он так внезапно решил отправить меня сюда... — я медленно понимал эту суровую действительность. Мой голос срывался, хотелось громко плакать, рыдать. Почему я не мог находиться с ним рядом?

В ответ я ничего не услышал — мама вышла из комнаты. До рассвета я плакал в подушку. Я чувствовал себя очень одиноким. Стоило мне заснуть на полчаса, как я увидел картинку во сне. Давно я не видел снов, однако. На этой картинке был мой дедушка, каким я его запомнил. Он превращался в птицу, разглядеть которую я не мог, и исчезал, напоследок говоря мне: «Не забывай о мечте». В то же мгновение я резко проснулся. Мне захотелось выбежать во двор и сделать журавлика, что я и попытался сделать. Нужно было незаметно и аккуратно выйти из дома, да так чтобы не споткнуться и не упасть. Я еле вспомнил расположение беседки с песком. Судя по тишине, детей во дворе не было. Мне повезло, что шел небольшой дождик, песок был влажным, и лепить из него не составляло труда. Я не знал, что и как мне нужно делать, просто начал по отдельности собирать части тела знакомой мне птицы. Я слепил два больших крыла и туловище, небольшую голову, маленький клюв и длинные лапки. Каждый раз, когда я пытался собрать их вместе, что-то разваливалось, но я старался не унывать и продолжал стараться, пока у меня все-таки не получилось соединить одно крыло с туловищем. Я и понятия не имел, что у меня получилось, но оно мне определенно нравилось. Я хотел забрать это с собой и хранить на подоконнике. Тут послышался голос мамы. Она в очередной раз начала на меня кричать. Видимо потому, что я выбежал без спроса на улицу. Я не прислушивался к ее словам, для меня была важна часть птицы, которую я сумел слепить. Мама резко схватила меня за руку и хотела отвести домой, но случайно наступила на моего журавлика. Ведь когда я хотел взять его с собой, он уже был разломан. Я понимал, что это произошло случайно, но все же был очень зол на маму. Она посмеялась и сказала:

— Ты этого журавлика в жизни не видел. А то, что ты только что сделал, птицей назвать нельзя.

— У меня свой журавлик, — еле сдерживая слезы, ответил я. — Каждый день я буду лепить по одному журавлику, а как

вырасту, слеплю такого огромного, что даже дедушка увидит его с небес,— и тут незаметно для себя я осознал, что у меня все же появилось стремление, мне хотелось достичь его.

— Как бы грубо это не звучало, пойми же ты, мечтатель маленький, что настоящий журавль у тебя никогда не получится. Тебе хотя бы нужно знать, как он выглядит. А если ты слепишь подобное, только в стократном размере, и будешь думать, что дедушке оно понравится, ты ошибаешься. А пока успокойся, пошли быстро в дом. Я тебе подобное чувство могу за минуту в следующий раз слепить. Ха, и выдумал же.

Тут я вспомнил строки из романа о скучных мечтах и поверхностных чувствах. Именно сейчас я начал осознавать их значимость. Я наконец-таки понял, чего от меня хотел дедушка все это время.

— Стрикленд ради своей мечты в грош не ставил мнение окружающих; мой дедушка научился находить прекрасное в простых вещах, разглядел красоту в рутинной жизни, в столь преклонном возрасте переосмыслил смысл жизни. Так почему я должен отказываться от своей мечты? Меня могут не воспринимать всерьез, но я хотя бы не мечтаю купить новую вазу.

— Про какого еще Стрэйлера ты мне тут бормочешь?

— Это один великий... Хотя забудь, тебе меня все равно не понять,— и мы направились к дому.

Тут я осознал, какая же огромная пропасть между мной и мамой, но для меня это не имело значения. Когда-нибудь, однажды, я все же слеплю самого большого журавля на планете. А потом буду каждый день навещать его, разговаривать с ним, как разговаривал бы со своим дедом. Возможно, он и не будет похож на журавля, которого привыкли видеть люди. Это будет тот журавль, которого привык видеть я. Кто же знал два года назад, что уже сегодня я начну свой разбег к взлету, как это делает «солнечная птица», стремящаяся к своей цели.

Спасибо дедушке за журавлей, спасибо книге за мечту.

Пример для подражания

Стояла темная ночь, за окном выла метель, неприятные монотонные звуки доносились даже сквозь закрытые шторы в комнате. На постели, укутавши тело в теплое синее одеяло, с пустым взглядом в глазах лежал Аргын. На фоне играла лоу-фай хип-хоп музыка, которая создавала, а точнее передавала ощущение одиночества и безысходности, которым были пропитаны все стены этой комнаты, вся одежда парня, и вместе с тем его разум.

Я смотрела на него и мечтала, чтобы Аргын пребывал в таком угрюмом состоянии недолгий промежуток времени, потому как его натура такова, что подобного рода «суицидальные» привычки приживаются, к сожалению, очень надолго.

Стоит, наверное, немного рассказать о нашем герое. Парень, который в сущности еще лишь мальчишка пятнадцати лет, с темно-каштановыми шелковистыми волосами, которые так красиво переливаются на солнце, с почти янтарными азиатскими глазами, что иногда вечерами боишься, не оборотень ли он, с обычным носом и такими же губами. То, что делает его внешность выразительной, — его высокий рост и подтянутое мужское тело, противоречащее временами его наивной детскости в поведении. Лето — вероятно, лучшее время для того, чтобы ребяческая душа Аргына вырвалась наружу. Будучи учеником выпускного класса, он все еще водится с мальчишками семи-девяти лет, играя роль их вождя во время «нападений» на вражескую территорию соседнего двора, где его ждет единомышленник и по совместительству сестра — Асия, то есть я. Мы любим представлять, будто бы наши лагеря враждуют испокон веков, так давно, что все уже и позабыли причину постоянных битв, но будучи гордыми и глупыми людьми, прикрываем-

ся благородной отговоркой «за наших дедов!» и сражаемся дальше, как ни в чем не бывало. Как стемнеет, расходимся по домам и, точно как наши маленькие друзья, засыпаем на диване, а родители трепетно и заботливо укрывают нас теплым одеялом.

Таким было наше прошлое лето, до произошедшего крайне неприятного случая — смерти Ата, нашего единственного дедушки. Это оказало ужасающее воздействие на Аргына, который будто потерял источник жизненных сил. Знаете, каково это, потерять самого верного друга, который воспитал в вас такие важнейшие качества, как уважение к окружающим, стойкость духа, любовь к матери и отцу? Помнится, одной зимней ночью Аргын сказал, что сделает в жизни все что угодно, лишь бы Ата им гордился. Брат всегда ему подражал, сам того не замечая: смешно было слышать фразы «иттын баласы», «жарайсын, балам», «таак, сказал бедняк» от подростка.

Летними вечерами, когда единственная лампа в доме остается гореть в уютной кухне, за литрами выпитого чая две пары изумленных глаз внимали захватывающим историям Ата о временах его отрочества, Советском Союзе, товарищах юности. Каждая была какой-то особенной и важной для дедушки, потому что он описывал обычные места вроде школьного двора или общественного парка с таким трепетом и вниманием к деталям, что перед глазами вставала картина безоблачного, вдохновляющего города. Города, каждый переулочек которого хранит в себе теплые воздушные воспоминания. В детстве я чаще всего ложилась спать раньше Аргына, а они оставались вдвоем и составляли свои планы по постройке дома для всей нашей, тогда еще большой, семьи.

Теперь же все дни Аргына проходили очень монотонно, безэмоционально. Он начал мне казаться плотью без души, даже его глаза утратили былой блеск, вместо янтарных теперь они были просто темно-карими, обычными. Видеть брата таким было больно, поэтому я старалась как-то под-

держат его словами, но ведь и мне смерть Ата далась нелегко, поэтому толку от меня было не много. Как бы сильно мне не хотелось обратить время вспять, хотя бы чтобы не дать Аргыну привязаться так сильно к Ата, только бы не наблюдать этот отстраненный взгляд все время, ничего уже было не изменить.

Однажды, чтобы как-то взбодрить депрессивную обстановку нашей жизни, я взяла Аргына с собой в библиотеку, где, к моему большому удивлению, мы провели около двух часов. Не знаю точно, что делал брат в это время, но я нашла как раз те книги, которые в дальнейшем помогли мне справиться с призраками прошлого. Я отпустила Ата, бережно упаковав все самые теплые моменты, веселые истории, слова гордости за мои поступки в оболочку сладостной ностальгии, я упрятала воспоминания в самый светлый уголок моего сознания. Придя домой, Аргын вдруг ушел в свою комнату непривычно быстро, точно в нем заиграла жизнь, чему я была очень рада. Поход в библиотеку сдвинул с мертвой точки скорбь по дедушке. По крайней мере, я так думала тогда.

В следующую неделю я стала замечать изменения в поведении и даже внешности брата, которой он в жизни никогда не придавал значения. И пусть он стал хоть немного двигаться, наши разговоры все еще проходили примерно так:

- Как дела в школе?
- Норм.
- Что там с Лейлой, вы еще не помирились?

Лейла была его подруга со школы, ему нравилось проводить с ней время и дурачиться.

— Да пошла она, дура. Вместо того чтобы поддержать, еще и обиделась. Как твой день? — спросил он, как бы «для галочки».

— Сегодня настроение было такое приподнятое, наверное, потому что меня похвалили за доклад по истории... — объясняла я с энтузиазмом, пока Аргын думал о чем-то

постороннем, — ... на обед были такие отвратительные лягушачьи зубы, да?

— Ага... — следовал ответ, и стало понятно, что он меня не слушает, потонув вновь в своих непонятных мыслях.

Произошедшее в субботу повергло меня в ступор, потому что ни родители, ни Ата не учили меня, как поступать, если Аргын пришел домой пьяный. Мой брат, такой принципиальный и сильный, непонятно по какой причине — то ли от грусти, то ли от плохой компании, то ли для новых ощущений разделил свои переживания с бутылкой мартини. В тот миг, когда я заметила его полузакрытые глаза, его затуманенный разум, в мыслях воспроизвелся отрывок из детства, когда мы с семьей осенью гуляли по парку, Аргын убежал за белкой, а я не заметила, куда он делся, и вдруг опустился туман. В тот момент мне, ребенку девяти лет, стало страшно, ведь вдруг его сейчас украдут какие-нибудь дядьки, разрежут и распродадут по органам. Вдруг в тумане он не заметит дороги, и его собьет машина. Вдруг его укусит белка с ядовитыми зубами, и он станет бешеным. Сценарии, которые мое бурное детское воображение воспроизводило, были один хуже другого. Единственно верным было то, что Аргына надо немедленно найти. Отбросив панику, я пошла в направлении, которое чувствовала инстинктивно, и внимательно вглядывалась в очертания предметов и фигур вокруг, но не кричала, потому что никто не исключал присутствия бандитов или ядовитых белок. По мере поисков тревога во мне нарастала, и, казалось бы, по кусочкам съедала меня изнутри, вместе с тем бесшумно шагая прямо по моим пятам. Но вот наконец-то я нашла брата, и это, наверное, был самый лучший момент за весь год!

Посмотрев н ситуацию адекватно, я заключила, что сейчас говорить с братом будет просто бессмысленно, однако комок ярости во мне все нарастал. Я думала: «Ну зачем было напиваться в стельку? Неужели было так сложно просто поговорить со мной? Я же почти никогда его не

осуждаю! Задолбал уже со своими проблемами!», — а следующие возмущения прозвучали вслух:

— Да что с тобой не так?! Ты не думаешь, что стоит уже успокоиться и двигаться дальше? Посмотри, в кого ты превратился, кошмар! Разве Он бы гордился тобой вот таким? — эти фразы были последним, что слышал брат перед тем, как уснуть на весь следующий день.

Всю ночь меня мучили угрызения совести за то, что я накричала на Аргына. Хорошие, мудрые сестры так не делают. Вот мама, кажется, всегда находила пути, как решить проблему мирным путем, не повышая голоса. Да еще и перед тем, как накосячить во второй раз, ты останавливаешься и задумываешься, а стоит ли это того, чтобы терять доверие мамы? Ну почему я не могу быть такой же мудрой, как мама?

С утра погода прояснилась, как и мои мысли, теперь я знала, как найти подход к разговору с братом. После полудня я позвала Аргына за стол, и он вел себя как ни в чем не бывало.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. А ты? — быстро поглощая еду, ответил он. Должно быть, пил на голодный желудок. Сомнений не было, что что-то произошло. А еще он не помнил, что я вчера на него накричала.

— Хорошо, спасибо, — следовали мои привычные, уже бессмысленные слова.

— Ты помнишь, что было вчера? Где мы вдвоем тусовались?

— Ээ, разве я не был один? — он уже начал что-то подозревать, несмотря на затуманенный от опьянения разум.

— А, я видела тебя на кладбище, проходила мимо, — он часто проводил там время после уроков, сейчас уже, правда, реже. В самом начале он просто невидящими от слез глазами смотрел на портрет лучшего друга, который так предательски покинул его в важнейший период, когда его личность только формируется. — Хотела подойти, но по

тебе было видно, что тебе необходимо время разобраться с чем-то.

— Я бы был не против твоей компании, Асия. Но я и без тебя прекрасно справляюсь,— как-то язвительно отрезал он. Отголоски ярости уже начали образовываться, но я старалась держаться непоколебимо.

— Ох, извини, у меня были домашние дела. Да и я не могу все время тебя опекать, ты же уже взрослый,— как бы я ни старалась, нотка саркастичного тона все же слышалась в этих словах.

— Да ладно, я уже и пережил ту фазу, когда делюсь с тобой каждым аспектом своей жизни. Наверное, вырос,— я начала понимать, почему мы не могли поговорить по-человечески так долго. Он оказывается просто невыносим!

— Давай, пожалуйста, сядем и поговорим как раньше. Мы же не враги на поле битвы, мы все еще те же брат с сестрой, как в детстве. Доверься мне, я хочу разобраться, в чем дело,— искренне произнесла я.

— А смысл? Ничего уже не будет как раньше, сама знаешь почему. Где наша мама? Где Ата? Почему мы остались совсем одни? Тебе вот прекрасно живется, как будто совсем ничего и не происходило. Ты всегда была какой-то бесчувственной, неудачи тебя не могли сломать, точно у тебя к ним какой-то иммунитет,— я услышала злобу в голосе, он словно винил меня в своей депрессии.— А я что? Мне почему-то все давалось гораздо сложнее, всегда. Даже сейчас горечь по родным поминутно съедает меня изнутри, смакуя и уничтожая каждый добрый кусочек моей души, разрушает все теплые воспоминания о детстве,— из его уст подобные слова звучали как-то странно, казалось, будто они чужие. Аргын никогда так раньше не рассуждал, да и не считал меня «бесчувственной», напротив, говорил, что я «размазня».— Я просто хочу быть один, оставь меня в покое,— сказал он, сверкнув глазами, но это были чужие глаза.

— После похода в библиотеку ты как-то слишком переменялся. Будто бы стал кем-то другим. Что за случай там

произошел? — зверь внутри брата был озадачен, явно не ожидал, что я догадаюсь. На самом деле, я ничего и не подозревала о произошедшем тогда, слишком поглощена была своими переживаниями.

— О, там ничего не произошло, просто я нашел одну книгу, и судьба главного героя будто списана с моей. Поначалу было как-то не по себе от схожести событий в моей жизни и в книге, вплоть до смерти матери от лейкемии. Но по мере развития действия мне стало так кайфово, что хоть кто-то в этом жестоком мире понимает мои чувства и мысли. Я как будто нашел своего единомышленника. — Неужели он опять взялся за свое? Стал перенимать повадки у какого-то там героя из книги, должно быть, такого же суицидального идиота, каким братец стал в последнее время. У Аргына есть необъяснимое качество, которое он приобрел пару лет назад: кому-то уподобляться. Только сейчас прояснилось — он перенимал привычки Ата, разговаривая его фразочками, они тоже не вписывались в его личность, равно как и сейчас настоящий Аргын спрятался за оболочкой обиженного персонажа. Надо его оттуда вытащить — сейчас же, я больше не принимаю никаких решений, просто повторяю за ним.

— Но ведь это неправильно, ты же теряешь свою личность. Того Аргына, которого мы все так любим.

— Кто — все? У меня никого не осталось. Я абсолютно один в мире, где мне никто не рад.

— Подумай, Аргын, если бы Ата тебя таким увидел, что бы он про тебя сказал? — за вопросом последовала длительная пауза, точно внутри него боролся нытик-неудачник и настоящий Аргын. Его янтарные глаза на миг прояснились, он открыл было рот, чтобы сказать что-то, но единственное, что вырвалось, — вопль боли, точно его душу пронзила тысяча острых ножей, слезы выступили на щеках. Я обняла брата.

Вскоре он произнес:

— Знаешь, а мы ведь так и не построили дом, который так хотели. Для тебя там была бы отдельная комната, с ок-

ном на потолке, чтобы днем солнце заполняло пространство, а ночью ты наблюдала за звездами. Для Ата я хотел смастерить удочку, чтобы мы вдвоем рыбачили на выходных. Мама бы готовила кушать, и мы все вместе попивали горячий чай, слушая, как у кого прошел день, смеясь и поддерживая друг друга, чувствуя семейный уют, — это уже было в духе Аргына. «Оставайся собой, не закрывайся от меня, умоляю, я этого не переживу», — звучало у меня в голове. — Все бы на свете отдал, лишь бы вернуть время назад.

— У нас все будет хорошо, вот увидишь. Я всегда буду рядом с тобой, несмотря ни на что. Не думай больше, что ты один. Я всегда буду твоей поддержкой, разделю любую радость или горе. Ты только не теряй себя настоящего, прошу, — я его крепко обняла, хотела защитить от всего мира, принять его боль, лишь бы он больше никогда так не страдал.

— Спасибо, Асия.

Летом вместе с друзьями мы начали строить тот самый дом. Аргын был главным, везде и всем помогал. Атмосфера тепла теперь всегда ощущалась в его присутствии, что меня очень радовало и вдохновляло. В один из таких дней он задумчиво отметил:

— Я наконец-то понял, что Ата пытался нам сказать все это время. Он всегда учил меня быть сильным, храбрым, думать своей головой, никому не уподобляться. Всю свою жизнь он вел себя так, чем и вызывал уважение со стороны окружающих, в этой простой истине заключалось его величие... Спасибо, Ата, — сказал он еле слышно.

Камараули Кристина (9 класс), Асбест

Петька Читайкин

Петька Читайкин книги вообще не любил. Ему казалось, что чтение — это удел слабых очкариков и занудных девчонок. А настоящий одиннадцатилетний мальчуган должен быть сильный, решительный и выносливый. Все остальное пустяки.

Да вот незадача, фамилия уж очень неподходящая. Ребята в классе постоянно дразнят:

— Э-эй, Читайкин, книжку почитай-ка!

— Тебе надо, ты и читай! — парирует тут же Петька и замахивается кулаком.

— Читайкин, прочти, пожалуйста, отрывок из произведения И. С. Тургенева «Муму», — просит учительница литературы Светлана Михайловна.

— Почему опять я, — возмущается Петька, — в классе учеников что ли больше нет?

— Не упрямясь, надо любить художественную литературу, — не унималась учительница.

— Петя, ты уроки выучил? — вечером спрашивала мама. — Когда ты уже начнешь заниматься? Мне не нужен такой двоечник, разгильдяй и лодырь, за которого приходится краснеть перед всеми.

Петька знал, что вечером все равно мама подойдет, сядет на краешек постели, и они помирятся. Но не мог ничего с собой поделывать. Читать ему совсем не хотелось.

И так каждый день. Но однажды вся жизнь Петьки Читайкина круто изменилась. К Читайкиным приехал погостить дедушка с далекого севера.

Почти все свои одиннадцать лет Петька жил в двухкомнатной квартире с мамой и отцом. Он занимал детскую комнату и наслаждался свободой. А когда услышал, что приедет дедушка, вдруг встрепенулся:

— А где будет жить дедушка?

— В твоей комнате, — сказал отец, — будет кому присмотреть за тобой.

Мальчик тяжело вздохнул, но делать было нечего.

Дедушка приехал вечером, когда все были дома. Несколько раз Петька представлял себе дедушку (ведь он видел его только когда был маленьким), но мысленный портрет не совпал с реальным. Он совсем не походил на обычного дедушку. Просто пожилой мужчина, очень высокий, с залысинами над худым лицом, с мелкой седоватой щетинкой на щеках, которые были прорезаны длинными морщинами. Он прихрамывал, но ходил без палки и дер-

жался прямо. Носил он большие круглые очки, хотя и без них видел неплохо. Петьке почему-то казалось, что очки эти насмешливо поблескивают, когда дед смотрит на папу и маму.

Он протянул внуку большую, жилистую руку и крепко ее пожал. Его глаза ласково улыбались, а Петька стоял как вкопанный и ничего не понимал. Его и дедушкой-то неловко назвать.

— Здравствуйте, Василий Петрович, мы вас давно ждем, — робко сказал Петька.

Василий Петрович был капитаном дальнего плавания, долгое время находился в экспедиции на севере. Теперь дедушка вышел в отставку, и свободного времени у него предостаточно.

— А какие подарки я вам привез, — хитро подмигнул дедушка Петьке.

И из своего чемоданчика дедушка вынул... облезшие кожаные корешки без надписей.

— Что это? Книжки??? — разочарованно воскликнул Петька.

— Э, брат, это не просто книжки, это мои друзья и наставники.

— Как это? — не понял Петька.

Дедушка бережно доставал одну книгу за другой и увлеченно рассказывал о своих неизменных спутниках.

Теперь каждый день Петька спешил домой. Дедушка садился рядом со своим внуком и рассказывал про разные интересные вещи: про морские корабли, путешествия. Петька запоминал названия парусов на больших кораблях, умел определять, какой в небе месяц: молодой или старый, и как разглядеть в Большой Медведице незаметную восьмую звезду... Петька листал старые архивные тетради путешественников. А затем и увлекся чтением — чтением художественной литературы!!! С большим удовольствием Петька Читайкин прочитал «Робинзона», «Мушкетеров», «Одиссею капитана Блада» и другие книги.

Но вот пришло время, когда дедушка засобирился до- мой:

— Пора мне, Петенька, и честь знать, дома давно не был.

— А как же книги, — расстроился Петька.

— Книги на этих полках — тебе. Это старые мудрые книги, в них есть душа. Я их очень люблю. Ты сбереги их, родной мой, и придет время, когда они станут твоими друзьями. Я это знаю, потому что видел, как ты слушал истории о плаваниях Беринга и Крузенштерна.

Скоро дедушка уехал к себе на родину. А Петька?

Петьке все интересно. Жить интересно. Читать интересно. Учиться интересно. Думать и мечтать о будущем.

Теперь Петька живет тихонечко в своем мирке, читает книжки про приключения, про дальние города и страны, смотрит телепередачи «Клуба кинопутешествий» и знает, что живет замечательно. И фамилию теперь с гордостью носит — Читайкин!

Касенова Ясмин (7 класс), Астана, Республика Казахстан

Был уже поздний вечер

Был уже поздний вечер. Через большое окно можно было заметить яркие звезды, светящие высоко в небе. Пропустив закат, она еще рыскала по библиотеке в поисках какой-нибудь книги, которая будет прочитана за несколько дней. Водя пальцем по полкам с книгами, она случайно уронила некоторые из них и заметила неприметный ящик в стеллаже. Она с крайней осторожностью и бережливостью открыла его. В нем лежала... книга.

С виду это была обычная старая книга с порванным корешком, потрепанной обложкой и пергаментными страницами. Выцветшие буквы едва можно было различить на листах бежево-коричневого цвета. Обложка была сделана из старой кожи, с облезшими краями и износившимися уголками. Огромный размер и толщина книги не притягивали людей, и это даже придавало ей устрашающий вид.

Название книги уже давно было потеряно, как и ее автор, покинувший мир давным-давно.

В ней будто не было чего-то особенного. Казалось, что это такая же старая книга, которая пылится где-то на полке, но она не была заурядной. Может, в ней и не было завораживающих рисунков с ноткой мистики или белых, как только что выпавший снег, страниц. Может, она и не могла полететь к освещающему ей путь солнцу или светиться сама глубокой ночью, как полная луна. И все же она была необыкновенной. Она таила в себе историю, неизвестную даже всезнающим людям, но не историю какого-то великого героя или же, наоборот, опасного злодея. Она не хранила историю известных войн или событий. Она хранила свою невероятную историю. Историю людей, о которых мы даже не задумываемся.

Девушка взяла ее в руки, сдув с нее пыль, аккуратно провела по обложке и, нервно выдохнув, открыла.

Началось это еще давным-давно, пять тысяч лет назад. С одной стороны — жаркая пустыня, заполненная раскаленным песком, а с другой — плодородная река Нил. Древний Египет. Там и начинаются удивительные приключения нашей книги.

Вначале, когда настоящие книги не были созданы и люди еще не разбирались в рукописи, известный своей жестокостью фараон приказал своему довольно пожилому, но мудрому летописцу записать историю его правления. Старик написал всю правду о жестоком нраве фараона и о затеянных им войнами и передал папирусный свиток правителю. Так и появилась первая страница старой книги. Предводителю древнего Египта не понравились слова, написанные летописцем, и тогда настигла мудреца смерть, а свиток выбросили в бесконечную пустыню.

Возможно, этот ничтожный лист папируса и был обречен быть погребенным под золотым пеплом, но боги посчитали несправедливым решение фараона и вдохнули в книгу жизнь.

Книга путешествовала по всему миру. От жаркого Египта до слегка влажной старой Англии. Многие летописцы, а позже и писатели дарили книге все новые и новые страницы.

Девушка, медленно пролистывая страницы, остановила свой взгляд на предложении «Космос прекрасен».

Возможно, многие знают Нила Армстронга, но никто и не думает о других членах экипажа известного корабля «Аполлон-11». Тогда книга предлежала великому человеку — Эдвину Олдрину. Он нашел данную книгу у себя в почтовом ящике перед тем, как полетел на Луну. Взяв ее с собой, он записал кое-что в книгу во время пребывания в бескрайнем космосе.

«Наш корабль уже в космосе. Мы с Нилом сделали то, что никто из людей не делал. Мы были на Луне. Это было просто неописуемо, но не Луна меня поразила больше всего, а космос. Сколько летаю, не могу перестать удивляться его красоте. Такой загадочной и завораживающей красоте. Все эти яркие звезды, которые одни освещают эту бездонную яму. Еще я люблю планеты, на которые мы, скорее всего, так и не слетаем. Они близки и при этом так отдалены от нас. Я не говорю еще про те вселенные, число которых безгранично. Космос прекрасен».

Девушка прочитала все это на одном дыхании. Она не могла оторваться и начала листать все дальше и дальше. Вот она наткнулась на запись, название которой было «Мой милый Париж».

Случилось это в 90-х годах в городе, который по сей день известен всему миру, — Париже. Тогда Сена еще была чистой и прозрачной рекой, а люди — добрыми и дружелюбными. Молодая девушка, приехавшая в Париж в надежде продолжить свое будущее известным художником, нашла в своем новом доме книгу. Она уже была довольно потрепана, но чем-то привлекла юную Коралину, и та оставила ее себе.

Как-то раз, во время пребывания в зеленом и расцветающем после зимы парке, Коралина достала книгу и начала

медленно писать о своем Париже: «Думаю, этот город оправдал мои ожидания. Я приехала сюда только месяц назад, но уже чувствую себя как дома. Приехала сюда зимой, когда Париж был покрыт тонким и белоснежным полотном. Было так приятно скрипеть снегом, а потом зайти в небольшую кофейню и согреться там горячим шоколадом. Или же пройти по улице со множеством разных пекарен и вдохнуть этот приятный, манящий аромат только что приготовленного багета.

Сейчас, когда уже все растаяло, я люблю отдыхать возле Эйфелевой башни. Расстелить мягкий плед, уютно устроиться и, любуясь прекрасным видом, делать наброски для моих будущих картин. Я не знаю, что будет дальше, но уверена, что продолжу жить здесь — в милом Париже».

— Библиотека закрывается через пятнадцать минут! — услышала девушка. Решив, что прочитает лишь одну страницу, она испугалась, увидев красные пятна на следующей странице. Все же ее любопытство взяло верх, и она начала читать довольно длинную запись.

«Сегодня 29 февраля. Для всех людей это обычный день, но сегодня мой день рождения. Лучший день рождения. Я стану свободна.

Сейчас я плачу. Нет, не плачу, а рыдаю. Я вспоминаю мои счастливые моменты. Я скучаю по ним. Больше всего я запомнила родителей. Красивые глаза мамы, всегда полные надежды, и прекрасную улыбку, которая всегда поднимала мне настроение. Ее мягкие волосы и руки, которые меня всегда поддерживали.

Звонкий смех папы, от которого хотелось смеяться тоже. Крепкое тело, которым он обещал меня защищать. Теплые объятия, в которых я всегда чувствовала себя безопасно. Возможно, если бы они были живы, я бы не сделала это.

Еще я скучаю по моей дорогой подруге. Она несколько раз останавливала меня. Она водила меня по ее любимым местам, к которым я и сама привязалась. Она даже помогала мне с учебой, которую я до сих пор ненавижу. Она была

святым человеком, но она уехала, и мы больше не можем общаться.

Самый последний — он. Моя первая любовь и последняя любовь. Скучаю по его смешным шуткам и глупым надеждам. По его согревающему мою душу голосу. По его мечтам «о нас». Мы с ним летали с нашей первой встречи. И, к сожалению, он покинул меня.

Я должна это сделать это. Я стану свободна».

Девушка была испугана, но у нее оставалось немного времени, чтобы дочитать.

«Сегодня 29 марта. Прошел ровно месяц. Я не сделала этого и даже рада. Меня остановили они. Моя дорогая подруга и моя последняя любовь. Они узнали, и меня не волнует, как. Они остались со мной.

Знаете, когда ты уже готов, ты понимаешь, что все проблемы можно решить. Просто не все хотят признать это. Зато я признала.

Я счастлива. Мы с ним снова вместе. Она вновь моя подруга. Как бы глупо это не звучало, но теперь я буду учиться на писателя. Я не знаю, кто найдет эту книгу, но я оставляю им это сообщение:

Знай, мир несправедлив,
И суицид — не выход.
Не надо пить, теряя силы,
Убивать себя, оставшись с дымом.
Знай, мир не любит слабых,
Не заглашай ты боль.
Ведь даже людей добрых, славных
Настигает кровь.
Знай, жизнь не игрушка,
Не просто так дана она.
Вытерпи ты боли стружку,
И живи счастливо всегда.

Я желаю всем следующим людям, прочитавшим это, счастья».

По глазам девушки потекли слезы. Она сама не знала почему. Может, от такой трогательной истории или из-за пе-

реполняющих ее чувств, но ей не надо было это знать. Она понимала, что должна оставить в книге часть себя. Ведь книга рассказала ей обо всем этом и продолжает рассказывать.

Остался один вопрос. Кто был нашей героиней? Это была я. Обычный человек, который почувствовал себя особенным. Книга рассказала мне обо всем.

Книга видела это тоже. Этот невообразимый космос. Этот милый Париж. Эти страдания. Никто об этом и не думал. О том, что какая-то книга может чувствовать, видеть, слышать, жить. Книга понимала все чувства людей. Они оставляли в ней страницу своей жизни, а она была их частичкой души.

Каськова Ксения (10 класс), Санкт-Петербург

Прости

Она родилась холодной декабрьской ночью. Скромная, маленькая, она уже подавала надежды. Хотела стать большой и красивой. А главное — мудрой. Чтобы все-все о ней знали.

В тот же день он начал писать. Она была так рада: даже великие книги, бывало, годами оставались замыслом. Некоторые так и не увидели свет. Пока что она тоже была замыслом, постепенно воплощавшимся на бумаге. Но автор старался, очень старался. Он писал часами, перечеркивая целые главы и начиная снова. Торопился. Ей было приятно: «Он хочет, чтобы люди как можно скорее прочитали меня».

Автор был знаменит. Несколько изданных книг, деньги с их продажи, уважение и любовь читателей. Он писал красиво, прямо и, к тому же, умел заинтриговать.

На нее он возлагал большие надежды.

Замысел пришел поздно ночью, как водится, не постучавшись. Наконец-то, лишь бы не упустить, не забыть! Автор поднялся, несмотря на усталость, и записал идею на листочке. Такое маленькое начало было у всех его хороших книг. А может, вообще у всех хороших книг.

На следующее утро он вышел гулять. Мороз. Это хорошо. Холод освежал мысли, и они легко сменялись, выливались одна в другую. Автор думал о ней. Один за другим возникали образы, и один за другим он отметал их. Пейзажи, герои, характеры, события. Долго и кропотливо писатель создавал целую вселенную, и лишь одна мысль мешала ему. Как хорошо, что книга тогда не знала об этой мысли!

Вернувшись, он сразу сел за тетрадь. Точнее, за целую стопку тетрадей. Одной никогда не хватало. Много испортил бумаги в спешке. Писать, писать, писать! Забывал поесть, целыми днями не выходил из дома.

Наконец, она стала настоящей книгой. Как тесно было в голове среди многих других мыслей, которые то и дело пытались ее затмить! Но все уже позади, и скоро ее полюбят, она увидит многие страны. Матери будут читать ее на ночь детям, а те все никак не смогут уснуть, мечтая, что это о них книга, что это они такие храбрые, умные и преданные. Она будет самой любимой книгой из школьной программы. Ее будут дарить по праздникам и детям, и взрослым. И почему люди думают, что книги не умеют мечтать?

В тот же день он напечатал ее на компьютере и послал в издательство. Книга полетела по проводам быстрее молнии. Ее прочли почти сразу — у автора была хорошая репутация. Книге стало страшно: а что если с ней что-то не так? Тогда прощай мечта увидеть мир и стать самой любимой.

Но на следующий день автору позвонили и сказали, что книгу издадут в кратчайшие сроки. Он заключил договор. Все шло как нельзя лучше.

Книга не может знать, хорошая она или плохая, пока ее не прочтут многие. Даже автор не может знать, какой она получилась. То, что кажется ему очевидным, зачастую неясно другим. То, что кажется ему гениальным, оказывается прозаичным, стоит лишь немного вдуматься.

Еще до конца декабря книга появилась в магазинах. Ее покупали для себя, дарили друзьям на Новый год.

Ничего плохого вроде не случалось. Книгу раскупали, все больше людей могли похвастаться тем, что прочли ее. Если бы было чем хвастаться. Немногие дочитывали до конца. Почти никто не перечитывал. Беллетристика. Это слово чаще других мелькало в отзывах в самом плохом своем значении. Провал. Небольшой тираж окупился, даже с некоторой прибылью, но на этом все и закончилось.

Книга умирала. Медленно, мучительно. Ее забывали — нет участи хуже для книги. О ней уже не вспоминали даже в разговорах о плохих книгах и плохих подарках. Издания сдавали в макулатуру. В конце концов и сам автор постарался забыть о ней.

Ночь. Просторная, хорошо обставленная комната. Писатель только забылся тяжелым сном. Уже много лет прошло после смерти той книги. Он постарел, на его счету было уже достаточно хороших произведений, идей становилось все меньше, и автор бросил писать. Он давно позабыл про стопку тетрадей, лежащих в нижнем ящике комода.

В ту ночь он заснул не сразу. Его давно что-то тревожило, будто он не все сделал, будто долг на нем тяжкий висит. Все силился вспомнить и не мог.

Она пришла во сне. Неясное, размытое воспоминание. И лишь один вопрос: «Почему?».

Лицо его дрогнуло, но он не проснулся. «Мне нужно было немного заработать. Понимаешь, я просто сильно потратился, и...» — он запнулся. — «Прости».

— Ты убил ради денег.

Он вздрогнул и открыл глаза. Холодок пробежал по коже. Ему почудилось, будто последние слова прозвучали вслух

— Пускай убил... Сам и воскрешу,— прошептал писатель и открыл нижний ящик комода.

Книга, изменившая мою жизнь

«Когда призовет Господь на свой суд праведный, Он спросит меня: «Почему ты убил одно из настоящих моих чудес?» Что я Ему скажу? Что это моя работа?»

Стивен Кинг, «Зеленая миля»

В жизни каждого человека рано или поздно наступает тот самый момент, когда все встает с ног на голову, когда предыдущие знания и накопленный опыт приравниваются нулю. Когда что-то или кто-то бьет тебя под дых так сильно, что перед глазами только и кружат темные пятна, а сам ты теряешься в пространстве и времени, не в силах понять, где небо, а где земля, какой сейчас год и как тебя зовут. Поразительные ощущения, не правда ли? Именно такие эмоции мне удалось почувствовать благодаря Стивену Кингу. Вы знаете, как его называют? Король ужасов, и надо сказать, что свой титул этот потрясающий человек получил заслуженно. Но сейчас не об этом, сейчас я хочу поговорить о другом.

К великому сожалению, мое знакомство с Кингом было не совсем удачным. Так уж получилось, что я сначала прочитала сборник не самых лучших его рассказов. На этом и закончила. Но жизнь коварна. Она решила все за меня.

Был чудесный декабрьский день. Мы с подружкой бродили по парку, наслаждаясь красотой природы.

— Ты смотрела фильм «Зеленая миля»? — спросила меня Маша.

— Нет, — равнодушно ответила я.

— Как, ты не смотрела «Зеленую милю»? Ты что? Этот фильм смотрели все, — как будто немного обидевшись, возмутилась она.

Подруга восхищенно что-то тараторила, а я брела и думала о своем. Последнее время меня мучили философские вопросы, на которые я тщетно пыталась найти ответы. Моя

жизнь... она похожа на бесполезное хождение в темноте. Мне уже шестнадцать лет. Так ли я живу? Для чего? Мои взгляды на мир полны скептицизма, я не верю ни в чью доброту и отрицаю концепцию взаимопомощи и взаимовыручки. Вспомнились слова писателя Чарльза Свиндолла: «Жизнь на 10% состоит из того, что с вами происходит, и на 90% из того, как вы на это реагируете». Мне однозначно не нравится, как я реагирую на происходящее, и понимаю, что надо что-то менять...

— Посмотришь? — прервала мои мысли Машка.

— Что посмотрю? — не поняла я, возвращаясь к реальной жизни из путешествия по закоулкам своих сомнений. Оказывается, мы уже подошли к дому.

— Ясно. Ты снова меня не слушала. А я так старалась увлечь тебя событиями этого фильма. Не получилось. Жаль... До завтра.

Мы попрощались. Я пришла домой. Налила чашку ароматного чая и устроилась в любимом кресле.

Какие-то странные ощущения... Как будто я что-то не сделала, что-то важное ускользает от меня. Я вспомнила нашу прогулку... «Зеленая миля». Внутренний голос подсказывал мне, что я должна посмотреть этот фильм. Но всем фильмам я предпочитаю книги. Что легло в основу фильма? Узнав, что фильм был снят по книге Стивена Kinga, я поняла, что это судьба. Подумав, я нашла книгу в интернете и, опираясь на недавний опыт общения с этим автором, скептически настроилась на «посредственное» чтение.

Была ли я готова к тому, что именно этот автор и эта книга станут для меня поворотными в судьбе? Однозначно нет.

Повествование затягивает. И вот ты уже полностью погрузился в мир тюремной рутины. Сюжет довольно прост. Тюрьма, несколько надзирателей, привыкших иметь дело с приговоренными к смерти, несколько убийц, которым скоро предстоит сесть на электрический стул. И сам электрический стул, Старая Замыкалка, путь к которому лежит

по коридору, покрытому зеленым линолеумом, через кабинет с ядовито-зеленым ковром на полу. Зеленая миля. Последний путь приговоренного к смерти.

Душераздирающим открытием для меня стал главный герой Джон Коффи. Тихий и добрый, он боится темноты и все держит в себе, молча проливая слезы от людской жестокости. Первые же его слова, которые он произносит в книге, поразили меня до глубины души, да так сильно, что я неосознанно начала плакать. Казалось бы, что за ерунда: привели в блок смертников слабоумного, что здесь такого? И когда незнающие люди это говорят, мне хочется кричать, потому что в появлении Джона в этом ужасном месте противостоит все.

«Я устал от людей, которые так ненавидят друг друга. Их мысли режут меня, как осколки стекла. Я устал от того, что часто хотел помочь и не смог. Я устал от тьмы, которая окружает меня. Но больше всего устал от боли. Ее слишком много. Если бы я мог положить ей конец, мне захотелось бы жить дальше. Но я не могу».

И вот где-то на этих страницах я и поняла, что «сло-малась». До этого мне доводилось лишь слышать ужасный треск, который сопровождал меня во время чтения. Что за треск? Так менялось мое мировоззрение: мои убеждения, мои взгляды на жизнь, мои правила, моя мораль.

Развязка основной истории заставила меня не просто пустить скупую слезу, нет, она заставила меня рыдать, заливаясь слезами, выть в голос... Концовка этой книги — безжалостный, бесчеловечный «расстрел читателя из автомата». Несколько брошенных вскользь фраз, от которых внутри все перевернулось. Ведь я до последнего надеялась, что все закончится хорошо, я даже молилась Богу, в которого не верила. Наивная и глупая была. Забыла, чью книгу читаю.

Перевернута последняя страница книги и моей прежней жизни. Нет больше прежней меня. Воскресная прогулка стала поворотной для той блуждающей девчонки, пытающейся найти свое место в жизни. Я не прочла книгу — я

ее проглотила, как измученный голодом одичавший волк. Она, именно она была нужна мне в переломный момент моей жизни.

Спасибо, Маша!

Спасибо, Кинг!

Спасибо, «Зеленая миля»!

У каждого из нас свой путь. Своя Зеленая миля.

«Мы все заслужили смерть, все, без исключения, и я это знаю, но иногда, о Господи, зеленая миля кажется такой длинной...».

Копылова Ева (5 класс), Москва

История домашней библиотеки

Мне посчастливилось родиться в семье, где любят и уважают книги. У нас даже есть своя семейная библиотека! Ее история началась с моего прапрадедушки Ивана Андреевича Макарова. Он родился в крестьянской семье, но окончил церковно-приходскую школу и училище. Он был грамотным человеком, и на первую мировую войну его призвали в чине офицера. Потом была гражданская война, где один из офицеров-сослуживцев пристрастил Ивана Андреевича к чтению. Вернувшись домой, тот начал покупать книги. Интересовала его, в основном, русская классика. Так в доме появились собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, Ивана Сергеевича Тургенева, Николая Васильевича Гоголя, Николая Алексеевича Некрасова и других русских классиков. Мой прапрадедушка уже в достаточно солидном возрасте участвовал в Великой Отечественной войне. Он вернулся с войны инвалидом первой группы, и вскоре жизнь его оборвалась...

Эстафету в составлении библиотеки подхватила его дочь, моя прабабушка. Она с самого детства очень любила читать, хотя время было трудное, послевоенное. Она поступила в Московский педагогический институт, успешно его закончила и по направлению приехала в город Калинин-

град, бывший Кенигсберг. Город был сильно разрушен во время войны, работать приходилось много. Но самым лучшим отдыхом для души были книги. Многих своих учеников она увлекла литературой, несмотря на то, что работала учителем химии. Библиотека в доме постоянно росла. Моя прабабушка очень любила поэзию, поэтому библиотека стала пополняться томиками различных стихов. Анна Ахматова, Александр Блок, поэты-шестидесятники... но самой большой любовью пользовались произведения Александра Сергеевича Пушкина. Прабабушка стала собирать книги, написанные о Пушкине его современниками и друзьями. Так собралась довольно объемная библиотека!

Неудивительно, что моя бабушка с рождения окунулась в литературную среду. Для нее, конечно же, была подобрана детская библиотека, а в десять лет она уже увлекалась творчеством Л. Н. Толстого и по ночам зачитывалась «Войной и миром», чем очень удивляла многих взрослых! Когда она выросла, то с большим энтузиазмом продолжила собирать семейную библиотеку. Бабушка рассказывала, что в те времена купить хорошую книгу было непросто. Собирали макулатуру, сдавали ее и на полученные талоны покупали «дефицитные» книги. Бабушка рассказывала, что однажды она узнала о завозе товара в книжный магазин и вместе со своей двоюродной сестрой простояла возле него всю ночь, чтобы утром быть в числе первых покупателей! Моя бабушка очень любила читать, часто ей приходилось делать это по ночам, так как утром надо было идти на работу и заниматься семьей. А в жизни моей двоюродной бабушки вообще произошел курьезный случай, связанный с молодым человеком. Он собирался сделать ей предложение руки и сердца, как выяснилось позже. Но в тот вечер девушка зачиталась книгой Павла Загребельного «Роксалана» и прозевала время свидания... В результате парень обиделся и порвал с ней отношения. А она вышла замуж за другого и счастливо живет с ним до сих пор! Говорит, что это судьба.

Много литературы есть и у моей бабушки по линии мамы. Как рассказывала она, книги действительно было очень тяжело доставать, и многие произведения были подарками от друзей и сослуживцев. У бабушки есть вся коллекция детективов писателя Джеймса Хэдли Чейза.

Когда появилась на свет я, мне читали и рассказывали сказки Пушкина. В четыре года я начала читать самостоятельно: вначале мама обучила меня буквам, а затем мы начали складывать их в слова. Скажу честно, в то время читать самой мне не хотелось, поэтому маме пришлось заинтересовать меня хитрым способом. Начав читать книгу, она неожиданно останавливалась на самом интересном месте, придумывая какую-нибудь причину. Естественно, мне очень хотелось узнать, что будет дальше, и я продолжала читать сама. В скором времени меня так охватила любовь к чтению, что я уже просто не могла остановиться! Самыми любимыми стали рассказы о животных, сказки А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, а «Дядю Степу» Сергея Михалкова я знала наизусть.

Когда я пришла в первый класс, я сразу посетила школьную библиотеку. В младших классах было не много уроков, и мне хватало времени читать книги каждый день. В начальной школе я была любимицей всех библиотекарей. А в третьем классе стала не просто активным читателем, хотя была почти уверена, что именно мне достанется это почетное звание. Меня и еще одну девочку ожидала награда «Супер-активного читателя года», чему я была несказанно рада!

В нашей семейной библиотеке насчитывается уже более полутора тысяч книг. И несмотря на то, что мы живем в век электроники, порой так приятно подержать в руках книгу, почувствовать чудесный аромат ушедших времен. Я думаю, что никакие электронные гаджеты не смогут заменить этого ощущения. Сейчас мне одиннадцать лет, и я уже помогаю пополнять нашу семейную библиотеку. Когда у меня будут дети, мне бы очень хотелось привить им любовь к книгам и чтению!

Потерянная книга

Уильям возвращался с Альфы Центавра. Он всегда чувствовал, что Земля — его дом, там он родился и провел всю свою жизнь. Земля манила его больше, чем другие планеты. Он не знал, почему. В ней была какая-то загадка: совсем иная жизнь людей, другие отношения. Может быть, он понимал, что там его корни, что там в свое время остались друзья и семья его родителей.

Взяв с собой маленького внука Джима, Уильям, казалось, объяснил и ему, и себе, что полет будет просто интересным путешествием во времени, но где-то в глубине души Уильям понимал, что возвращение ему просто необходимо, ведь оно восполнит какую-то важную часть его души.

До поездки Уильям не очень интересовался своим внуком и уделял ему мало внимания, потому что работа по освоению новых планет занимала почти все время.

По дороге он рассказывал Джиму разные истории о планете Земля, показывал фотографии животных, природы — все это было чем-то новым, неизведанным, тайным для маленького мальчика, он смотрел на фотографии как зачарованный.

— Дедушка, а почему на нашей планете нет такого?

— Джим, сколько раз тебе говорить: наша планета — Земля, — Уильям очень переживал, что не объяснил это внуку раньше. — Неважно, где ты родился, важно, что ты любишь. А ты уже полюбил Землю, хотя ни разу не видел ее.

Уильям говорил всю ночь. Он рассказывал внуку о том, как, заселяя новую планету, люди полностью очистили ее от всего живого, чтобы строить из бетона и стекла.

— Ну, вот мы и дома, — облегченно произнес Уильям, когда шагнул с посадочной полосы в зелень травы. Джим восхищенно смотрел на ослепительно яркое солнце, на видневшийся вдалеке лес.

— А вот и встречающие. Привет, Павлик! Это же я — Уильям! Неужели не помнишь?! — удивленно вскричал Уильям, когда увидел недоумение на лице своего старого друга.

— А, Уилли! Как твои дела, дружище? Ничего себе малыш! Неужели это... твой внук? — спросил Павел.

Последний раз Уильям приезжал, когда мама Джима была маленькой девочкой.

— Решил показать внуку Землю. Чувствую, что скучаю по ней. Постоянно, — в его голосе чувствовалась грусть.

— Где бы мне вас поселить? Как насчет мансарды? — дедушка Павлик вопросительно взглянул на своих друзей.

— Можно. Как думаешь, Джим? — весело посмотрел на внука Уильям.

— Я только за! А что это?

Так Уильям и Джим поселились у старого друга. Ночью, лежа в кровати, Джим долго не мог уснуть — ему казалось, что кроме него, дедушки и Павла в доме есть кто-то еще. Но кто, а может, ЧТО — он не мог понять.

Но и на следующую ночь ощущения повторились. Джиму все время казалось, что кто-то его зовет. Джим взял фонарь и осторожно, маленькими шажками, чтобы не разбудить весь дом, подошел к шкафу. Он показался ему довольно старым и неопрятным, а пыль на полках и книгах лежала толстым слоем. Но это что-то лежало под шкафом, он точно знал. Джим осторожно засунул руку под шкаф и достал какой-то пыльный прямоугольный предмет. Он взял его, провел рукой по запыленной стороне и прочитал: «Приключения барона Мюнхгаузена». Полистав книгу, мальчик увидел надпись на семнадцатой странице: «Ромашкин Павлик. Библиотека».

Уильям проснулся рано утром от несмелого покашливания Джима:

— Дед, я все прочел, — сказал мальчик, протягивая Уильяму книгу, — это здорово. Я хочу еще.

Уильям удивленно посмотрел на внука:

— Ты почитать хочешь? Книгу? Давай спросим у Павлика, что у него есть?

Когда Уильям пришел к своему старому другу и поведал про ночное чтение историй барона Мюнхгаузена, тот позвал Джима.

— Как-то раз в школе нам дали задание рассказать о своей будущей профессии и сделать что-то, что ее проиллюстрирует, — начал вспоминать Павел. — Например, если ты хочешь стать учителем труда, надо что-то смастерить. Я долго думал над этим и решил стать космонавтом, потом инженером, потом спортсменом — в общем, много было у меня идей, но ни одна не нравилась. И тогда я пошел в библиотеку, чтобы найти книгу о профессиях.

Я зашел в маленькое уютное здание, и что-то защемило в груди, потеплело на сердце. В книжном зале пахло книгами, древностью, знаниями и веяло теплом, и именно с этой минуты я твердо решил стать библиотекарем. Когда вернулся домой, то полез на чердак, достал ящик со старыми книгами, молоток, гвозди и доски. Через несколько дней работы мне удалось превратить чердак в чистое и просторное помещение. В углу я поставил самодельный шкафчик с книгами, а остальное место занял стульями и деревянными ящиками, которые были чем-то вроде библиотечных столов. Когда все было готово, начал звонить ребятам и приглашать к себе. И вот весь класс собрался на моем чердаке, я принял деловой вид и произнес: «Ребята! Мы собрались здесь, потому что я решил стать библиотекарем. Я хочу дать каждому из вас книгу, как это положено в библиотеке». Все стали по очереди подходить и выбирать себе книгу, я записывал их имя и название книги в блокнот, потом ставил на семнадцатой странице надпись: «Ромашкин Павлик. Библиотека».

Все книги вернулись на мои полки и только одна, одна моя любимая книга куда-то затерялась. Дети часто брали ее читать. Это совершенно фантастические приключения немецкого барона, одно время бывшего на службе в России.

«Самый правдивый человек на земле», как он сам себя называл, был уверен: «mendace veritas».

Уильям тоже слышал эту историю. Он внимательно посмотрел на лицо внука, которое сияло от счастья.

— Мне кажется, что современная наука сделала явью все самые смелые фантазии писателей, — заметил Уильям.

— То, что происходит с главным героем, не может быть воплощенным в жизнь, — продолжил с улыбкой Павел. — Это просто забавные истории, но они вселяют веру в то, что из любой безвыходной ситуации можно найти неожиданный выход. Главное — не терять силу духа!

— Полет на ядре — тоже выход?

— Только самые неожиданные, самые смелые и рискованные проекты позволяют совершить открытия.

— Я рад, что Джим прочитал эту книгу.

— Дедушка Павел, а можно я возьму «Приключения барона Мюнхгаузена» с собой, когда мы полетим обратно? — спросил Джим. — Я хочу прочитать ее еще раз.

— Конечно, дружок. Я очень рад, что моя любимая книга нашлась, и хочу, чтобы она радовала кого-то другого.

— А можно мне записаться в вашу библиотеку? — Джим умоляюще смотрел на дедушку Павла. — Можно мне выбрать себе еще одну книгу? Пока мы на Земле, я буду вашим постоянным читателем! Дедуля, — сказал Джим, поворачиваясь к Уильяму, — мы теперь каждые каникулы будем домой летать? — в глазах мальчика горел огонь, какого дед еще никогда не видел.

Что-то светлое и теплое наполнило душу Уильяма, когда он услышал эти слова. Теперь он не сомневался: это путешествие было затеяно не зря.

Вечернее солнце заглядывало в окна мансарды и освещало лежащие около кровати, осиротевшие девайсы Джима. Шелест переворачиваемых страниц и тихий писк почти полностью разряженной батареи беспокоили спящего на подушке большого сибирского кота.

Книга в сером переплете

Я снова сидела на своей любимой старой скамейке в заброшенном парке. Именно сюда я прихожу, когда надо подумать... или просто побыть одной.

Сегодня меня в очередной раз поставили перед фактом моей никчемности. Да, я не знаю в совершенстве языков и не попадаю в ноты, когда пытаюсь петь, а мои рисунки и вовсе нужно сжечь на костре инквизиции, пока их кто-нибудь не увидел. Сколько я уже пытаюсь найти себя хоть в чем-то? Об этом знают старая скамейка и печальная ива, к которым я раз за разом на протяжении уже стольких лет прихожу рассказывать о своих неудачах...

Посидев немного, но так ничего и не решив, я решила отправиться домой. Собирался дождь.

Уже покидая заброшенную часть парка, я услышала:

— Помогите... — еле слышно раздалось откуда-то.

Остановившись, я огляделась. Прислушалась. Ничего.

И только двинулась дальше...

— Кто-нибудь!..

Замерев лишь на секунду, я бросилась в кусты, из-за которых, как мне показалось, доносились мольбы о помощи. Сильно подвернув ногу, я скатилась в овражек, засыпанный опавшей листвой. Его здесь я никак не могла припомнить. Огляделась вокруг в попытке сориентироваться, куда я попала. Того, кто просил о помощи, не было.

Шипя от боли в ноге, я выкарабкалась из овражка, на пути убирая из волос листья и веточки. Бросив косой взгляд в сторону, я пораженно замерла. Это не мой старый парк! Это какой-то незнакомый лес! Что происходит?

— Помогите... — принес слабое ветер.

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и неожиданно заметила книгу, которая лежала чуть ниже по склону, что в другую сторону от овражка с листвой. Ничем не при-

мечательная, небольшая, как ежедневник, в каких обычно пишут учителя, в сером переплете без каких-либо опознавательных знаков, книга притягивала к себе взгляд своей неуместностью здесь. Правда, в то же время казалось очень правильным, что загадочная книга находится именно здесь.

Говорят, любопытство кошку сгубило... Я осторожно спускаюсь по склону к книге в сером переплете, тут маленький камушек выскальзывает из-под моей ноги и катится вниз. Я уже говорила, что я самый несчастливый человек на свете? Этот камушек упрямо катится дальше, книга, получив импульс от удара, едет вниз, в пропасть.

— Нет! — выкрикнула я и, забыв про осторожность, кинулась за ней.

Уже через пару шагов потеряв равновесие, я кубарем покатилась вниз, крича и размахивая руками. Летя в пропасть, я ожидала падения, но его так и не произошло: я просто зависла в воздухе. Открыв один глаз, затем второй, поняла, что я все же падаю. Точнее, нет. Медленно лечу вниз. Забавно! Книга, из-за которой я собственно и влипла во всю эту ситуацию, тоже медленно летела к земле, только немного ниже.

Добравшись таким странным способом до земли и, наконец, ощутив устойчивую поверхность под ногами, я уже с опаской подошла к серой книге. Она с абсолютно безобидным видом лежала на траве, и теперь это выглядело подозрительно.

Уже и книга вызывает подозрения... Ага! Похоже, я становлюсь параноиком.

И как отсюда выбираться теперь?

Только я протянула руку к загадочному фолианту, как тот исчез с того места, где лежал, появившись метрах в пяти от меня. А чем дальше — тем чудесней: я подходила к книге — она исчезала, я к ней — она от меня... Так мы с ней и добрались до темного входа в пещеру. Когда я в очередной раз оказалась на расстоянии вытянутой руки от вредной книги, она исчезла из моего поля зрения. Скорее всего, ее не видно в сумраке пещеры.

— Не бросай меня...— прошелестел тот же голос,—
Иди... Иди ко мне...

И я, как завороженная, шла. Шла вглубь темной незнакомой пещеры, забыв напрочь про все инстинкты самосохранения. Спотыкалась, даже падала, но шла, держась за шероховатые стены... Света уже совсем не было.

— Не оставляй меня! Забери меня отсюда...— раздавалось в очередной раз.

— Да кто ты? Где ты? — не выдержала я.

Вдруг раздался тихий переливчатый женский смех.

— А ты еще не поняла, кто тебя зовет? — вступил в диалог третий голос.

— Нет, а кто вы?

— Можешь пока звать меня Леди В, ведь лично еще мы с тобой не знакомы. А зовет тебя книга.

— Как книга? — переспросила я. И что еще за «Леди В»? Какие там имена на «в» есть?..

— Ты довольно далеко забрела. Мало кого книга заводила сюда, видимо, ты действительно особенная, — продолжал вещать голос.

— Боюсь, вы ошиблись. Я — самая обычная. Даже обычнее любого среднестатистического горожанина.

Ответом мне был тихий мелодичный смех загадочной Леди В.

— Что ты любишь делать? Очень сильно? Какое занятие тебя больше всего вдохновляет? — вдруг заинтересованно спросила она.

Я задумалась.

— Чтение, наверное...

— А если без «наверное», а наверняка?

— Да, чтение, — ответила я уже увереннее. — Я люблю читать!

— А почему?

— Ну-у... Как объяснить?.. Читая, я словно погружаюсь в другой мир, который лучше нашего. Порой даже сложно вернуться в реальность...

Мы немного помолчали, размышляя каждая о своем.

— Думаю, ты мне подойдешь,— довольно заключила невидимая собеседница,— Любишь — читай!

Я зажмурилась от такого яркого после тьмы пещеры света. Неведомым образом я оказалась на залитой солнцем поляне с единственным величественным деревом на ней. Рядом со мной лежала серая книга. Я протянула к ней руку и неожиданно коснулась переплета. А я-то думала: опять убежит!

— Наконец-то,— прошептала я, как мне показалось, в голос с кем-то. Неужели Леди В поведала правду, и эта книга говорит?

Отойдя в тень, сев на траву и облокотившись спиной о дуб, я наконец открыла так долго манящую меня книгу и... пропала надолго, возможно, на несколько жизней. В такой маленькой, казалось бы, книге, были рассказаны сотни историй, описаны тысячи судеб. Разными перьями, карандашами, ручками и фломастерами, разным подчеркиком были написаны стихи, рассказы, романы и миниатюры, которые оставляли след в душе... А потом... Холодная капля упала мне на нос. Я непонимающе подняла глаза в безоблачное небо, моргнула...

И вдруг обнаружила себя в заброшенном парке, сидящей на старой скамейке, той, что у печальной ивы. Неужели все это мне просто приснилось?

Еще одна крупная капля мазнула по щеке. Я люблю дождь, но сейчас больше переживаю, как бы не промокла книга... Стоп! Книга?!

У меня на коленях лежал такой знакомый серый фолиант. Откуда? Прижав его к груди и спрятав от холодных капель под курткой, я быстро побежала домой, решив, что обдумую все в спокойной обстановке.

А уже потом, закрывшись в своей комнате, затаив дыхание, я открыла книгу... У меня вырвался разочарованный вздох: страницы были чисты. Усевшись поудобнее, перелистала ее всю, сначала и до конца — ничего. Пусто. Закры-

ла. Повертела в руках, разглядывая серый переплет без каких-либо опознавательных знаков. Снова открыла, случайно попав на вторую страницу... И ахнула. Строки, как по волшебству, появлялись одна за другой, словно их кто-то невидимый писал невидимым же карандашом. Моим карандашом. Моим почерком.

Нельзя опоздать, никуда не спеша,
Стать значимым кем-то, руки сложа.
Не падав ни разу, не разберешь,
Где горькая правда, где сладкая ложь.
Никуда не идя, никуда не придешь,
Не зная ответов, вопрос не поймешь.
Ты соберись, смело вдаль посмотри.
Свети. И не зря свою жизнь проживи...

Волнуясь, перелистнула страницу назад. На титульном листе красивым, слегка размашистым, но ровным почерком было выведено: «Пиши свои Миры!». А снизу подпись: «Леди Вдохновение». Так вот что означала загадочная «В»!

Теперь-то я с уверенностью могу сказать, что волшебство существует. Оно рядом с нами. И в нас. И это — книги и вдохновение.

А что я?
Я села писать...

*Кряквин Виктор (8 класс),
п. Первомайский Воронежской обл.*

Исповедь книги

Тонг-тонг. Бьют часы двенадцать. В полночной тонковзвучной тишине раздаются магические удары. Кажется, они никогда не прекратят своей работы. Но вот все стихает. В огромном темном помещении чувствуется свежее дыхание: «твой час пришел. Безмолвный, говори». Я молчу, странная застенчивость охватывает меня, зато говорят они, всегда враждебные и непримиримые. Я невольно содрога-

юсь, слыша их слова. Они книги библиотеки, а я их бедная родственница.

— Всем привет, кроме нашей оборванки, — говорит гламурная красавица с золотистым переплетом.

— Вот уж, право, блондинка! — возмутилась толстая поваренная книга. — Оборванка не может быть нашей.

— Тем более с таким прошлым, — ехидно добавила книга с анекдотами.

— Я ничего не знала, — залепетала гламурная красавица. — Может быть, я что-то пропустила?

— Ты вечно ничего не знаешь, — грубо отрезала повариха. — Сколько на этой оборванке крови!

— Одна смерть поэта чего стоит, — подпела книга с анекдотами.

Я закрываю глаза и затыкаю уши. Ничего не хочу слышать. Все исчезает, как не бывало. Другие картины являюся мне, наполненные неподдельной скорбью...

Комната. В постели лежит человек. Часы его сочтены. Только что ушел врач. На краткий миг умирающий остался один. Сколько мыслей, сколько гениальных идей, не выраженных на бумаге, навсегда уйдут с ним! Какая это страшная, невозполнимая потеря! Не так давно он по-детски радовался выходу своей очередной книги. О, он один из немногих, кто сохранил чистоту души, несмотря на то что выпало на его долю. На титульном листе красуется замысловатый автограф, а под ним — капелька крови. Случайно порезал палец, и бурое пятнышко осталось, как напоминание о поэте. Так что, может быть, мои ненавистницы в чем-то правы, обвиняя меня, старую потрепанную книгу? Впрочем, речь сейчас совсем не о них.

Комната постепенно стала наполняться людьми. Это были друзья поэта, родственники, совсем незнакомые ему люди. Поток не ослабевал. Создавалось впечатление, что прощаются не с конкретным человеком из плоти и крови, а с чем-то более высоким и значимым. Большинство приходивших, наверное, и сами бы не смогли толком объяснить

свое состояние. Они просто шли, повинуюсь какой-то волшебной силе. В общем потоке соединились поэты и торговцы, чиновники и музыканты, графы и извозчики. А тот, от чьего имени исходила магия, безмолвно лежал в постели и угасал на глазах. Памятник, незадолго до смерти созданный им на бумаге, неожиданно быстро приобретал зримые очертания в последние часы его жизни. Величественный памятник подлинной народной любви. Что сделал он для них, пришедших сюда? Он сумел выразить мысли и чувства каждого мастерски отточенным, как ювелиром алмаз, русским словом.

«Кончена жизнь», — произнес он, едва приподнявшись, но силы оставили его. Он успел сказать еще что-то, но никто не расслышал слов. Вскоре поэта не стало. Я, свидетельница этого события, не могу продолжать. Добавлю только, что спустя два дня после похорон в квартиру ворвался, как вихрь, юный поручик и о чем-то пылко спорил с женой покойного.

— Наталья Николаевна, я так давно хотел увидеть его, а не увидел даже на смертном одре. Его стихи ... понимаете ... он мой кумир ... да и не только мой. Вся Россия боготворит его... Дайте мне на память о нем вот эту книгу. Вот здесь даже его автограф, а это кровь... Как символично!..

Юный поручик вымолил меня на коленях. Он так благодарно целовал руки вдовы, что та, печально улыбнувшись, сказала: «Храни вас Господь, добрый юноша. Но помните: вы в ответе за нее, как... Я не уберегла». Она закрыла лицо рукой, а другой сделала нетерпеливый жест. Поняв, что вдова не хочет показать свою слабость, юноша удалился. Так я обрела нового хозяина.

Гонг-тонг. Часы пробили дважды. Мои ненавистницы, выдержав небольшую паузу, продолжали.

— Кто бы мог подумать! — пропела гламурная красавица.

— Тебе, милочка, только ногти красить, а думать-то нечем, — хмыкнула повариха.

— Это еще что,— вмешалась книга с анекдотами,— вы еще про капитана не слышали.

— Какого капитана? — в один голос спросили красавица и повариха.

— А вот сейчас вам книжка бульварных романов пропоеет.

Боже мой, до чего гадки и пошлы три мои ненавистницы, но и они не идут ни в какое сравнение с этим чудовищем: пропитым, прокуренным, дребезжающим голосом поет он сцены уличной жизни. Это нельзя слушать, это ужасно. Я так взволнована, что мои ветхие страницы замелькали перед глазами:

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Мой новый хозяин, отпрыск благородных кровей, вынужден был упорным трудом пробивать себе дорогу. В этом ему очень мешала его принципиальность, поразительная честность и невиданная вспыльчивость. Ему было уже под сорок, а он находился в чине артиллерийского капитана. Да и то, правду сказать, удивительное дело, как он по тем временам в Сибирь не угодил. Об этом, впрочем, отдельная история. А меня он любил до беспамятства. При всяком удобном случае читал отдельные места, хотя наверняка знал все наизусть. Но для капитана было истинным наслаждением открывать книгу того, кого он боготворил. Сына мой хозяин учил читать сам и, естественно, по книге умершего поэта.

— Кто такой Пушкин? — спросил малыш, едва прочитав имя автора.

— Пушкин, сынок,— это все ... это Россия,— ответил отец.

Со мной он не расставался даже на войне. Многие считали это странным, посмеивались втихомолку, но вслух не решались говорить, зная вспыльчивость капитана. Много я

видела смертей, но никогда не думала, что переживу его, истинного героя и бессеребряника. Вот как это произошло.

Россия оказалась втянутой в жестокую войну, одна против ведущих держав Европы. Мой хозяин вместе со своим полком направлялся к Балаклаве. Его путь лежал через реку Черная.

Онегин выстрелил... Пробили

Часы урочные: поэт

Роняет молча пистолет.

Грустная улыбка поминутно выдавала какое-то мальчишеское нетерпение моего хозяина, столь несвойственное его зрелым летам. На привале неизменно мои страницы освещало солнце, а ветер, неутомимый искатель развлечений, шуршал страницами. В победоносной атаке русских на турецкие позиции капитан участия не принимал. Он принял бой против лучшего полка легкой кавалерии англичан. Запальчивость лорда Раглана чуть было не перевернула всю кампанию: гордый потомок прославленных родов не мог видеть, как русские разворачивают турецкие пушки. Цвет английского воинства он бросил в сражение. Капитан заставил подпустить врагов ближе, а сам без конца повторял:

Как dandy лондонский одет —

И наконец увидел свет.

И прибавлял: «Посмотрим, как вам поможет французский язык и мазурка. А барыню вам не сплясать». Самонадежная конница противника попала под жесточайший огонь орудий. Русская кавалерия довершала начатое. Барыню англичане так и не сплясали (вероятно, они даже и не подозревали, что это такое), мазурка им не пригодилась, а вот знание французского языка некоторым спасло жизни. Французская конница сохранила очевидцев для последующих мемуаров. Спасаящиеся в безудержном бегстве англичане беспорядочно стреляли. Одна из шальных пуль нашла моего хозяина. Последним, что он произнес, было:

Когда не в шутку занемог,

Он уважать себя заставил...

Война в конечном итоге оказалась проигранной, не в лучшую сторону изменилась и моя судьба. Я попала в руки подлого дельца, который хотел продать меня за баснословную сумму. Однако, когда он понял, что планам его не суждено сбыться, продал меня за весьма умеренные деньги. С тех пор я не раз поменяла место жительства, пока не очутилась в доме одного помещика. В отличие от капитана он брал меня с книжной полки в исключительно торжественных случаях. А времена были беспокойные, и таких случаев становилось все меньше. Мой новый хозяин все собирался уехать за границу, да так и не собрался. Не успел. Умер. А единственная дочь и вовсе находилась в растерянности. В это самое время и пришли они, толпа крепких, здоровых людей, одетых кто во что горазд, с сигарками в зубах.

— Мы, представители беднейшего класса, — обратился невысокий, давно небритый человек лет сорока в кожанке и фуражке с красной звездой, — конфискуем все нажитое кровью и потом трудового народа.

Толпа разбрелась по комнатам, оставляя за собой грязные следы и разнося повсюду крепкий табачный запах, перемешанный с запахом давно не мытого человеческого тела. Главный стоял перед молодой женщиной и, слегка прищурившись, наблюдал за ней. Та смотрела исподлобья, с нескрываемой ненавистью.

— Товарищ Трофимов, товарищ Трофимов! — размахивая руками, закричал высокий дородный детина в тесном, видно с чужого плеча, пальто. — Там это ... бабло ... бубло ... тека.

— Библиотека, — четко разделяя слоги, поправил Трофимов. — Ну?

— Предлагаю буржуйский опиум сжечь, чтобы не отравлял мозг трудящихся. Ну, к чему нам вот это? — размахивал он под носом у главного какой-то старенькой, как ему казалось, бесполезной книжонкой. Но не успел он услышать ничего в ответ, как тихая, скромная дочь умершего вцепилась в его волосы.

— Холуй! Вандал! Варвар! — кричала она. — Кого сжечь? Пушкина? Да сотню таких дураков надо сжечь, чтобы язык не говорил такое!

От неожиданности детина выронил книгу, но через несколько мгновений без особого труда освободился от рук нападавшей. Сильный толчок заставил ее отлететь на несколько метров. Подбежавший детина занес над головой молодой женщины пудовый кулак...

— Лавренюк, отставить! — остановил его начальственный голос.

Детина опешил:

— Да как же это, товарищ Трофимов? Помещичья гнида рвет трудовые волосья, а я терпи, что ли! Нет уж... Они свое отбарствовали, теперь я зачну...

— Лавренюк, подойди ко мне!

— Зачем это, а? — подозрительно спросил детина.

— Иди-иди. Читай, что на книге написано. Прочитал? То-то же. Это, батенька, первейший русский поэт написал.

— Небось из буржуев? — хмыкнул Лавренюк.

— Да ну тебя, Лавренюк, к чертовой бабушке! — не выдержал Трофимов. — Извините, барышня, за ругательство. Сорвалось ненароком. Да при таком невежестве и не выдержишь без ругательств. Но ничего, наша власть обучит народ наукам. Ваш-то режим держал народ в темноте. А за книжки, за эту и другие, вы не переживайте. Будут целехоньками доставлены в народную библиотеку. Пусть люди читают и знают своих героев, чтобы не кидали в огонь отечественное достояние...

— Товарищ Трофимов, она сознание потеряла. Ого! Ловко я ей двинул. Головой, видать, ушиблась. Кровищи-то... Ну, сама виновата. Зачем в трудовые волосья вцепилась?

— Лавренюк, принеси бинты и спирт.

— Бегу, товарищ Трофимов, бегу... Хоть и помещица, а пусть живет. С бабами мне как-то стыдно воевать.

Так я оказалась в библиотеке.

Прошли годы. Брала меня в руки не часто. Боялись за сохранность: страшно постарела я. Никогда бы не подумала, что судьба еще раз испытает меня на прочность.

В один из последних дней лета город оккупировали вражеские голоса. Чужая речь раздавалась нагло, развязно, самодовольно. Она с неизменным постоянством сопровождалась ударами прикладов и автоматными очередями. Заносчивый немецкий майор оглядел библиотеку и сказал:

— Зачем это русским? Славяне — это низшая раса, это рабы. Раб должен молчать и повиноваться. Повиноваться мне.

— Но господин майор, русские — величайшая нация, — мужественно возразила сотрудница библиотеки Вера Ивина. — Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чайковский, Шаляпин, Васнецов, Айвазовский...

Она могла бы перечислять не один час, но оторопевший на какие-то мгновения майор, побагровев от злости, крикнул:

— Молчать! Я все это уничтожу! Раб не должен уметь читать!

— Господин майор, но здесь есть и немецкие авторы: Гете, Шиллер, Гофман...

Ответом был удар кулаком в лицо, опрокинувший молодую женщину. Потом майор бил ее ногами в течение нескольких минут, после чего полный ярости ушел отдавать бесчеловечный приказ. Веру Ивину привела в чувство директор библиотеки.

— Да что же это такое, Верочка?! Да как они могли!?

— Лидия Степановна, они ... — шептала Вера, сплевывая кровь через разбитые губы, — они уничтожат книги... он пошел отдавать приказ.

— Да как же это! Тут есть и немецкие...

— Скажите всем: пусть берут и выносят, сколько смогут... надо прятать...

Вера потеряла сознание. Лидия Степановна мобилизовала всех сотрудников библиотеки, прохожих, чтобы спасти

книги. Каким-то чудом успели до прихода исполнителей безумного приказа спрятать более семисот экземпляров. Больше не успели. Лидию Степановну и часть сотрудников расстреляли. Веру к своим родственникам заблаговременно отвезли по поручению директора библиотеки.

Среди спасенных книг оказалась и я. Мы прозябали в заброшенном подвале. Там было темно и сыро. Но мы выжили, а вот десятки тысяч книг погибли в огне фашистской ненависти. Когда врагов прогнали, то вывели нас на свет божий. Как и люди освобожденного города, мы представляли страшное зрелище. Но добрые руки и сердца помогли нам. В новой библиотеке мы стояли как участники Великой Отечественной войны. Вера Ивина стала директором библиотеки. Часто рассказывала она детям и взрослым об оккупации, о великом подвиге Лидии Степановны и других сотрудников библиотеки. Нередко она приходила ко мне и говорила: «А эта книга вышла незадолго до смерти «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина. Обратите внимание: отпечатано в январе 1837 года, третье издание...».

— Какая гордячка! И говорить с нами не хочет! — возмутилась гламурная красавица, перебив мои воспоминания.

— Ничего, сейчас заговорит, — зашипела злобная повараха.

— Главное, чтобы с юмором получилось, — подленько захихикала книга с анекдотами, — с черным...

— А я буду музыкальным сопровождением, — злорадствовала книжка бульварных романсов.

Четыре тени неумолимо готовились раздавить меня. Я закрыла глаза.

— А ну стойте, — раздался сильный старческий голос, — стойте, кому говорят!

На моих ненавистниц надвигалась гигантская тень «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Те испуганно пискнули и юркнули по своим местам.

— А ты не бойся, милая, они тебя не тронут теперь,— обратился он ласково ко мне.

Я хотела поблагодарить его за заступничество, но как раз в это мгновение часы пробили восемь раз, а в двери слышался поворот ключа.

Лесничин Алексей (6 класс), Горнозаводск

История моей семьи — наши книги

У меня родилась племянница Ксюшка. Я стал дядей, а дядя — это уже что-то серьезное, солидное. Я отвечаю за человека, ну и пусть она маленькая, но мне-то двенадцать. Я стал думать, как я могу быть ответственным. Кормить я пока ее не могу, в садик водить тоже, потому что она в садик не ходит. А играть я с ней могу? Конечно, могу!

Стал разбирать свои игрушки. Как отдать Ксюше мои лего-наборы? Нельзя, там много мелких деталей, а ей только год и шесть. Трансформеры — это «мужичское» дело, и девочкам их не понять.

Я загрустил. Хочется быть дядей, а пока не получается. Выручила мама: «А ты, Леша, перебери свои книги, составь для Ксюши ее первую библиотеку. Когда-то тебе свои книги принес Коля, мой двоюродный брат, а когда ты подрос, он создал для тебя твою библиотеку. А вообще-то ты знаешь, что мы всегда дарим всем книги. Это наша традиция, и у нас есть семейные книги, наши реликвии, которые мы храним».

Да, что есть то есть. В нашей семье всегда любили читать, а лучшим подарком всегда была книга. Может быть, кто-то скажет, что это старомодно, но мне нравится запах новой книги. У нас огромная библиотека, книги начал собирать еще мой прадед. У нас есть том Толстого 1913 года. Потрепанный, старый. Есть и современные книги, я их для себя сам выбираю. И мне нравится, когда мои одноклассники удивляются, сколько у нас книг!

Я сел перебирать свою «детскую» полку с книгами. У каждого в нашей семье есть свои книги: у мамы «рабо-

чие», они все в пометках, закладках, а остались по наследству от бабушки, обе они учительницы литературы.

Начал я резво. А что тут думать? Сразу отложил книжки-малышки. У них толстые страницы, одни картинки. Как раз для Ксюши. И не порвет, и мама ей «Морозко» прочитает. Отложил фигурные книжки из этой же серии. Слоник, зайчик и колобок. А потом я нашел очень маленькую книжку. И вспомнил, как мне ее привезла мама из города. Маленькая книжка про большие машины. Мы с мамой быстро выучили стихотворения про трактор, пожарную машину и даже про бульдозер. Книжка потерлась, немного порвалась. Отдать ее? Зачем девчонке книжка про машины? Я понимал, что мне она уже и не нужна, но стало почему-то жалко. Вспомнил, как мама приезжала на выходные, мы с ней читали эту и другие, которые мама привозила каждый раз. Решил отложить на потом, у меня еще много книг.

Взял следующую, а на ней написано «Коля Лесничин». А, так это из тех, что брат принес. Эти сказки он относил в сад, ему и подписали. Обязательно отдам Ксюшке. На глазах рождалась традиция. От Коли — мне, от меня — Ксюшке. Здорово будет, если «Гуси-лебеди» долетят до Ксюшкиных детей. Взял ручку и подписал: «Леша Лесничин».

Мама тоже бережет одну книжку. Она без обложки. Но эту книжку ей подарил ее папа, мой дед. Он рано умер, но память от него осталась во многих книгах. Он любил читать, но больше любил дарить книги. Это был подарок моей маме, когда ей было два года. «Леночке-доченьке в день ее рождения. 2 июня 1971 г.». Это была «Мама, почитай-ка». Но читала с дочерью не мама, а папа. Леночка-доченька давно выросла, а книжка бережно хранится.

А еще у нас есть книжка со следами пальцев моего прадеда. Мой прадед, тоже Алексей, очень-очень любил читать. Он даже мог читать стоя. Моя бабушка купила «Тихий Дон» М. А. Шолохова (я тоже прочту потом эту книгу), так прадед читал ее запоем. Он приходил из конюшни — и сразу за книгу! Даже рук не мыл, чтобы читать. Вот так и остались

его «грязные» пальцы на страницах «Тихого Дона». Как же после этого мне не прочесть?! Оказалось, что историю моей семьи можно проследить по книгам.

Продолжил разбирать книги. Встретился с сестрой двоюродной. Ой! Еще та птица!! Ну то есть читательница. Сидела она и читала с карандашами в руке. Все исписала своими критическими замечаниями, только непонятны ее записи, возраст надо учитывать, чтобы читать Белинского. Перечеркнула статьи великого критика синими загогулинками, отложила. Потом решила прочитать, да, видимо, и забыла. А было ей пять лет. Теперь уже двадцать восемь. И у нее есть Ксюшка, и читает она Ксюшке добрые сказки.

Вот и я для Ксюшки отбираю книги. Набрал много. Подписал все: и те что Коля подписал, и те что мама мне дарила. Порадовался своей смекалке. Вот вырастет Ксюшка, а книжки, подписанные мной, останутся. И будет Ксюшка читать их потом своим детям и тоже передавать истории нашей семьи. Хорошая это традиция — дарить книги, читать книги, беречь книги!

Лускина Ирина (10 класс), Бобров Воронежской обл.

Хранилище тайн

Пожалуй, у каждого читающего ребенка в голове есть свое собственное Хранилище книг. И это не библиотека, в которой каждый день бывает определенное количество людей, не место, куда приходят ленивые дети, чтобы сделать свои школьные доклады в книжном полумраке. Это только его, ребенка, собственное Хранилище, в котором только он один может находиться. И никто больше. Посторонние ведь не знают заветного ключика от этого места.

Однажды в своих фантазиях, будучи еще маленьким ребенком, и я набрела на такое Хранилище. Тогда еще оно было небольшой тесной каморкой без окон с кривенькими полками, приколочеными наспех к невзрачным стенам, и цветастым ковром на всю комнатку. На длинном ворсе ковра,

который так любил по вечерам исподтишка щекотать голые пятки, лежала всего пара тоненьких книг в разноцветной обложке с картинками на всю страницу. Увлеченно листая их, наблюдая, как теплая краска переливается в холодную, как смешиваются книжные тона, я из-под прикрытых ресниц все же иногда посматривала на верхние полки, на которых, хоть и не всегда, я замечала книги. Эти книги были не похожи на те пестрые истории, которые я держала в еще маленьких детских ручках. Единственный контраст в них создавало взаимодействие мелких печатных букв с белоснежным полем страниц, отчего было впечатление, будто листы покрыты мелкими средневековыми изразцами, рельефными орнаментами и вензелями. Как и любая тайна, эта тайна требовала разгадки.

Время шло, и мое Хранилище менялось. Прямо на глазах вытягивались прямоугольные потолки, удлинялись коридоры; будто бы в забавном мультфильме жемчужинки паутины сменились воздушными Ловцами снов и льняной парусиной, томно покачивающейся на ветру. И вот уже пространство занимают несколько представительных дубовых стеллажей, настолько важных и добродушных, что, глядя на них, можно было ясно понять: это фантазийное пространство находится под серьезной неусыпной защитой. Современная зарубежная антиутопия и некоторые хулиганские подростковые романы занимали еще и журнальный столик с изящными стеклянными ножками, пара детективов с целой россыпью закладок по главам покоилась на подоконнике, который возник недавно, но уже полюбился круглому окну с широкими деревянными рамами, целая стопка документальных произведений вальжно раскинулась на подвесном кресле. Пестрели разные обложки, заманчиво подмигивали странички с содержанием.

От каждой из них, независимо от возраста, пахло восхитительной свежей бумагой с едва древесным оттенком, прохладной кожаной корочкой обложки и едкой типографской краской. В воздухе витало еще несколько ароматов, привычных для жизни Хранилища: кофейные зерна, будто

по субботам здесь собирались давно забытые поэты и поэтессы и устраивали музыкально-поэтические вечера со свежим кофе, запахом воска и пряностей, будто по ночам какой-нибудь одинокий писатель перечитывал свои рукописи, небрежно держа в руках свечу и проливая на страницы капли воска одну за другой, одну за другой...

Здесь всегда царили родные сумеречные нотки. Редкие солнечные лучи можно было лишь смутно увидеть, словно бы наваждение, в запыленном воздухе.

Уже повзрослев, я распахнула настежь окно, и несколько ночей подряд оно было открытым, так я выгоняла из помещения стылый пыльный воздух. Цветные плотные шторы были сдернуты вовсе. Теперь практически ничего не оставалось здесь от тех прекрасных младенческих лет, которые я провела здесь, но тем слаще были воспоминания.

Однажды, перебирая книги на самых верхних полках стеллажей в поисках новых открытий, рука нащупала тоненькую книжку в бумажной потрепанной обложке, будто кто-то спал с ней в обнимку, а засыпая, долго обнимал ее и пристраивал на груди. Этой книгой оказалась повесть Астрид Линдгрэн в переводе со шведского Лилианны Лунгиной «Приключения Эмиля из Леннеберги» со старыми забавными иллюстрациями черной штриховкой Б. Берга. Я не могу сказать, что эта книга была моей самой любимой, ведь книги для меня были отдельными миром, в котором помещались сотни историй и тысячи переосмысленных концовок, но именно Астрид Линдгрэн однажды смогла подарить мне, малышке, настоящий несдерживаемый смех. Можно сказать, что эта повесть, ее потертые странички, где-то на краешке замазанные шоколадом, где-то перечеркнутые случайно выпавшим цветным карандашом, пропитаны детским смехом. Открываешь книгу и тебя сносит потоком воспоминаний, радостных эмоций и веселья. Вот на грани ощущений: ты лежишь в детской кроватке с уже сонными, как у взъерошенного совенка утром, глазами, а мама читает тебе всего-то четвертую главу «Понедельник, 28 июля, когда Эмиль вылил

тесто для пальтов на голову своему папе, а затем был вынужден вырезать из дерева сотого смешного человечка». Причем текст совершенно не пестрит множеством детально прорисованных картинок. Б. Берг создает все условия для того чтобы фантазия ребенка завершила дело сама: рисунки на треть страницы, оформленные в черно-белом стиле, похожи больше на небольшие подростковые наброски. Я считаю, что это невероятный мастерский прием художника, который, скорее всего, не только понимал психологию ребенка, но и сам мог иногда становиться им.

Книга «Приключения Эмиля из Леннеберги» да и сама Астрид Линдгрен приблизили для меня и соединили в одну картинку мир взрослого и мир детского, мир улыбки, смеха и мир реальный, зачастую скупой на такие неконтролируемые эмоции. Почувствовав прохладный шелест детского хохота под своими пальцами вновь, я уже не смогла бы поставить эту повесть на верхнюю полку стеллажа Хранилища. Однажды именно она стала поводом для того, чтобы открыть себе целую вселенную детства с повестью-сказкой «Рони, дочь разбойника», рассказом о независимой, самоотверженной фантазерке Пеппи Длинныйчулок, которая больше всего на свете не хотела взрослеть... И да, на это у нее были веские причины. Может ли кто-нибудь с ней поспорить?

«Взрослым никогда не бывает весело. У них вечно уйма скучной работы, дурацкие платья и куминальные налоги. И еще они напичканы предрассудками и всякой ерундой. Они думают, что стряется ужасное несчастье, если сунуть в рот нож во время еды, и все такое прочее».

Но «кто сказал, что нужно стать взрослым?» Найдя и эту легендарную книжку моих детских лет, совсем недавно я подарила ее своему другу, которому только исполнилось семнадцать лет. Сложно объяснить этот порыв, но на самом деле, скорее всего, я просто хотела показать ему, что взросление — это не так страшно, как ему кажется. Это игра. Игра с самим собой, в которой он и главный герой, и второстепенный персонаж. А где-то рядом, возможно, прямо

н плече, свесив ножки и болтая ими, сидят героини повестей Астрид Линдгрен и что-то тихо нашептывают тебе на ушко, посмеиваясь в маленький кулачок.

Вы знаете, наверное, все-таки можно постороннему человеку подобрать ключи к вашему Хранилищу. Ему нужно просто прочесть ту книгу, которая когда-то изменила вас. Совершенно неважно, взрослая она или детская, много ли там картинок или их нет вообще. Эта книга заключает в себе вас самих, но это восхитительное, не только добровольное, но и обоюдное заключение! И если однажды другой человек почувствует эту цепь чувств и событий, идущую сквозь времена, то уже с завтрашнего раннего утра в дверь вашего Хранилища робко постучатся... И вот уже на том самом пушистом ковре задумчиво разглядывая струйки пыли в солнечных лучах ты будешь сидеть не один, а с другом.

Аналогично так же легко и находить друзей. Просто прочти книгу. И найди в ней лицо твоего любимого человека, и вот он уже приглашает тебя в свой мир, в свое Хранилище. Пойдем?..

Наверное, с этого дня я поняла, что теперь мое Хранилище является носителем не просто множества содержаний и оглавлений, а заключает настоящую связь между миллионами мировых тайн и нераскрытых секретов, которые разгадать могут только... дети. Дети, которые не боятся взрослеть.

Мастыкина Екатерина (10 класс), Асбест

Подарок от бабушки

Книги — корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению.

Фрэнсис Бэкон

Когда я была маленькой, бабушка читала мне книги. Это всегда было впечатляюще и вызывало множество эмоций. Сейчас, когда я уже выросла, я читаю книги сама.

И вот бабушка подарила мне книгу — повесть Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков», сказав, что, когда она ее прочитала, жизнь круто поменялась. Она стала ценить то, о чем ранее даже не думала, и стала искать радости в мелочах.

Сначала я подумала, что это немыслимо, что книга как-то может повлиять на жизнь. Но когда я ее открыла, то сразу прониклась ею и не могла оторваться. Я ощущала все то, что ощущал главный герой, и прочувствовала цену жизни так же, как и он. Каждое слово вызывало у меня то чувство радости, то грусти, то улыбку или слезы. Изю дня в день, когда я не могла читать, строки прокручивались у меня в голове: «Каждый человек для себя — один-единственный на свете, и это участь всех людей, а смерть — это когда кто-то близкий не возвращается домой». Читая, я будто погружалась в другой мир, в детство, вновь и вновь узнавала себя. Я так же помогала дедушке, каталась на трамвае, у меня были цели, у меня было любимое лето. Для меня одуванчики были необыкновенными, волшебными. Они всегда были яркими и светили радостью, как солнце.

Однажды ночью мне приснился главный герой книги — Дуглас. Он водил меня по своему городу, знакомил с друзьями, с дедушкой. А затем отвел меня в свой овраг и рассказал все свои тайны и мечты. Мы делились друг с другом заветным и личным. В этот день я проспала, опоздала в школу. Весь день думала о Дугласе, хотела скорее вернуться домой. Вернувшись, я опять взяла в руки книгу и начала читать. Я чувствовала зависимость от этого мира, чувствовала, как меняюсь внутренне. И вот, два месяца спустя, дочитав ее, я навестила бабушку, рассказала все, что я чувствовала. У меня было огромное впечатление от всего прочитанного, оно вызывало бурю эмоций. А бабушка сидела и слушала меня, улыбаясь и глядя меня по голове.

Когда я закончила свой рассказ о книге, мы пошли пить чай. И бабушка рассказала мне, что когда она была в моем возрасте и читала эту книгу, то испытывала все то же самое и так же рассказывала моей прапрабабушке. А когда я пове-

дала про сон, бабушка с удивлением ответила мне, что видела то же самое. Дуглас также водил ее по гостям, знакомил с друзьями и рассказывал свои секреты. У меня возникло ощущение чуда, и я села в раздумьях над чашкой ароматного чая.

Спустя какое-то время я поняла, что моя жизнь на самом деле поменялась. И все это благодаря книге! Книге, открывшей мне глаза. Каждый раз, читая книгу, я представляю, что все это случилось со мной, и так оно всегда при мне и останется: хорошее или плохое, восторги, печали и сожаления, люди и места. Книга, подаренная бабушкой, — это не просто книга, а окно в мир, в котором я живу. Книга стала для меня советницей, утешительницей, подругой.

*Медведева Елена (8 класс),
Гатчина Ленинградской обл.*

Книга жизни

С самого раннего возраста родители открывают своим детям удивительный и невероятный мир. «Что же это за мир?» — спросите вы... Это книга. Да, всего лишь обычные листы бумаги с текстом в переплёте, но сколько скрытых между строк смыслов жизни несёт в себе эта ничем не примечательная вещь.

Книга — это величайшая колыбель мира, способная дотронуться до любого человеческого сердца и открыть ему новую страницу жизни. Она — наш учитель, незаменимо сопровождающий по пути становления личности от рождения до глубокой старости. Многие из читателей могут усомниться в моих словах, чтобы доказать их, я расскажу небольшую историю о том, как ветхая и всеми забытая книга привнесла в мою жизнь свет и радость.

День ото дня я росла, и с каждой минутой мой внутренний мир обогащался и наполнялся жизненным опытом. С детства мне казалось, что люди, как любила говорить моя мама, — это цветы, каждый расцветает в отведённое ему вре-

мя, так и я — маленький цветочек в этой большой Вселенной, населенной живыми существами. Обо всем многообразии мира мне рассказывали не только родители, но и книги, которые я читала с таким удовольствием, что, иногда задумавшись о вновь охватившем меня эпизоде, не могла слышать даже того, что бабушка звала меня на обед. Так, за два года мне удалось перечитать все книги в нашей маленькой домашней библиотеке.

Однажды, когда я уже превратилась из маленькой девочки в полноценного подростка, у меня начались проблемы: недопонимание, упрёки со стороны одноклассников по поводу моей внешности и прочие недостатки переходного возраста. Несмотря на все замечания, приходящие в мой адрес, моё собственное «я» не давало даже повода сдаться или сойти с пути сильного человека, так как герои прочитанных книг и родители с детства учили меня стоять до конца. К сожалению, в один «прекрасный» день стена безразличия дала трещину и развалилась на многочисленные кирпичики. Никто тогда не смог мне помочь, кроме одной замечательной вещицы, которую мне посчастливилось найти. «Книга жизни» — так она называлась. Видимо, мои родные забыли мне о ней рассказать, она лежала в старом чулане и давно уже обветшала. Заголовок книги так и манил заглянуть в содержание и познать все тайны жизни, и я начала читать. Всего за несколько часов я ее прочла. Благодаря главному герою мальчику Лукасу и нашему с ним «книжному диалогу», всё то, во что я верила столько лет, в один миг перевернулось с ног на голову. Жизнь, любовь, счастье, человеческая личность... Люди за множество лет так и не смогли раскрыть загадку души, которая кроется во внутреннем мире человека, но Лукас смог, доказав мне на своём примере, что человек, в какой бы ситуации он не находился, всегда может сохранить в себе доброту, тепло и человеческий разум, и открыть в себе настоящую Вселенную.

Дочитав книгу, переосмыслив новые для меня вещи, я пошла на занятия в школу. По пути меня догнал мальчик

и сказал, что уже давно хотел познакомиться со мной, но всё никак не мог решиться заговорить. Естественно, я была рада такому знакомству, всю дорогу в школу мы разговаривали. Я узнала, что его зовут Юра и учится он в параллельном классе. Юра говорил о своей жизни, и мне показалось, что он очень на кого-то похож, но не могла вспомнить, на кого. Когда я пришла домой, то вспомнила о Лукасе, герое прочитанной книги. Я вспомнила, что в детстве его тоже звали Юра.

«Не может этого быть»,— подумала я, когда подошла к столу и увидела, что «Книги жизни» нет, вместо неё лежала записка, где было написано: «Спасибо, благодаря тебе, я жив».

«Всё-таки недаром эта книга называлась «Книга жизни»,— подумала я. И на душе стало так легко и свободно.

Морозова Виктория (7 класс), Екатеринбург

Книга, изменившая мою жизнь

Пятнадцатого февраля учительница литературы сказала нам, что этот день считается Днем воинов-интернационалистов. В этот день, оказывается, чествуют тех воинов, кто прошел дорогами Афганистана и Чечни, тех, кого везли на родину в «черном тюльпане» хоронить:

Скорбная птица через границу
К русским зарницам несет ребятишек домой.
В «черном тюльпане» те, кто с заданий
Едут на родину милую в землю залечь...

Когда я слушала песню «Черный тюльпан», у меня по щекам текли слезы. Так жаль было молодых ребят, их родителей. После урока я спросила учителя о том, в каких книгах можно прочесть об этой войне. Учительница сказала: «Цинковые мальчики» для ребят одиннадцатого класса, а ты учишься в седьмом. Тебе будет трудно читать. Можешь прочесть рассказ «Пасха» Алексея Борзенко. Правда, он о чеченских событиях. И тоже очень тяжелый».

Придя домой, я все же решила прочесть «Пасху»: во-первых, что-то такое светлое в этом слове, что хочется верить в лучшее, во-вторых, глянула на объем — небольшой (уроков много делать, а почитать-то хочется).

Когда я прочла этот рассказ, была вся зареванная. Мама пришла с работы, увидела меня, спросила, в чем дело. Я сказала, что читала рассказ о чеченских событиях, и спросила: «Мама, зачем люди воюют? Почему в век цивилизации гибнут люди? Почему такая жестокость и ненависть?» А еще я сказала маме: «Я понимаю, нужны защитники, нужно, чтобы рождались сыновья. Но я хочу, чтобы у меня были дочери! Я не хочу терять своих детей! Я буду молить бога о том, чтобы, когда я вырасту, бог послал мне дочек!»

Я рассказала маме о событиях, что описаны в рассказе, вновь заливаясь слезами. Вот я вижу, как сержант Сергей взят боевиками в бессознательном состоянии в плен, как они его мучили и издевались над ним, а потом распяли его, как Христа: «У кафириков сегодня праздник, Христова Пасха. Так распни его, Руслан. Прямо здесь, перед окопами. В честь праздника! Пусть кафиры порадуются!.. Гвозди оказались “сотка”, крупнее не нашли в селе, поэтому вбивали их в руки и ноги по несколько штук сразу. Сергей тихо стонал, пока прибывали руки. Ему уже было все равно. Но громко закричал, когда первый гвоздь пробил ногу». Мое сердце сжималось от боли.

Надо сказать, что чеченцы распяли двух наших ребят. Мне даже трудно об этом писать — настолько впечатлил меня этот рассказ. Я все спрашивала маму, можно ли это простить врагам, может, надо мстить. Мама мне сказала, что насилие приводит к большему насилию, что худой мир лучше войны.

Когда летом я читала «Тараса Бульбу», я думала, что больше не будет героя, способного на такое самопожертвование ради товарищей. Оказалось, что в «Пасхе» сержант Сергей, тоже погибая, помогал боевым товарищам не попасть в окружение к чеченцам. Будучи распятым!

«Мы еще живы! Мы можем продержаться еще пару часов! Впереди окопов “духовское” минное поле! — проартикулировал в тишине Сергей. Он знал, где-то в прямой видимости сидит наш снайпер. Он готов в оптический прицел читать его по губам. Пулеметчик медленно повторил свои слова три раза. Пуля снова щелкнула по тому же месту... Останови “коробочки”! Там фугасы впереди, управляемые! — объяснил снайперу Сергей».

Сергей помог нашим ребятам выбить чеченцев. С Никитой они не дожили до того момента, когда наше войско уже было у крестов. «Разведчики Шаманова — «Кобра» и «Гюрза» — поклялись отомстить. Сергея и второго солдата бережно сняли с крестов... отправили “грузом 200” на родину».

Жила я и не знала о таких событиях современной истории. Не понимала я и того, что месть приносит еще большее зло: «... говорили, что это послужило поводом для ответных зверств со стороны федеральных войск. Говорили, что потом двоих гелаевцев незаметно вывезли в лес и зашили живыми в свиные шкуры: казненные так не попадали в рай — они умирали в шкуре нечистого животного...»

Рассказ изменил меня, а значит и мою жизнь: пока не знаю как, но я буду бороться за мир.

Наливкина Александра (10 класс), Воронеж

В городе неоновых взглядов

Искрами забытой вселенной пылинки бороздят сонные просторы комнаты. Олово неба отзвучало, и синие тени расплываются, словно одинокие странники ночи. Усталость тяжелым покоем, в котором отсутствует смысл сопротивляться, окутывает тело. Как далеко мы находимся, когда закрываем глаза? Звуки перестают иметь очертания мыслей, я растворяюсь... Засыпаю...

И снится:

Я много лет безрадостно и бессмысленно брожу по заснеженным улицам унылого города. Где тусклые фонари

освещают грязные улочки, и каждая бродячая собака знает мое имя. Витрины магазинов в этом городе отливают отчаявшимся благополучием, некой иллюзией спокойствия, обмана счастливой жизни, ведь люди здесь похожи на манекенов с заранее заученными слоганами в истерично бегущих клетках пикселей: смерть — «это то, что бывает с другими; война идет где-то далеко».

И с каждым шагом во мне растет жалкая попытка сформулировать свой крик отчаяния, шепот сопротивления этой ночи, когда призрачные тени существ под неоновым взглядом редких прохожих исполняют свой дьявольский танец, больше похожий на судороги, судороги истлевших душ.

Я давно привыкла спать на жесткой доске подоконника в темно-фиолетовых тенях дня. А ночью, очнувшись от тягучего сна, я всегда наблюдаю, как медная монета луны снова и снова манерно умирает, как молодая и бездарная актриса кем-то случайно увиденного спектакля. К утру... Но разве можно сумерки назвать утром?

Порою, около полуночи (хотя время здесь — весьма относительное понятие) в душе моей просыпается такая дикая, неудержимая печаль, что неизбежно тянет отправиться в душные квартиры знакомых, непременно кричащих о свободе на дне стакана, за границей рамок, за пределом понимания обывателей. Только кажется, что нервно покачивающаяся лампочка на потолке светит гораздо ярче, чем огонь людских идей.

Каким-то гулким приглушенным голосом разум твердит, что это сон, ускользающий, петляющий в лабиринтах воображения, липкий и неуправляемый, в виске пульсирует фраза из давно забытой сказки: сны имеют свойство сбываться. Последняя мысль моего гаснущего мироощущения: может ли сон являться явью, или явь в прохладе нашей безразличной эпохи стала сном? И я обратно погрузилась в преломленную реальность.

И вновь сон:

Однажды после очередного вечера, полного печали и размышлений, в городе неоновых взглядов я шла заснеженным парком. В ветвях деревьев мерцали запутавшиеся звезды. Мне не давала покоя мысль, что у каждого фонаря в душе — осколок луны. Повернув, неожиданно увидела льва, лежащего под ярким фонарем. Первая мысль, промелькнувшая в голове, была не отчаянная идея спастись, нет, а внутренний вопрос: «Интересно, на какой книге лежит его широкая лапа?» Приближаясь к нему, я терялась в догадках. Было неясно, от чего исходил теплый свет: от фонаря или от золотистой шерсти. Лев посмотрел пристальным взглядом, переполненным тоской.

— Ты всегда задавала слишком много вопросов, девочка...

Меня одновременно охватило негодование и чувство, будто всеобъемлющая пустота вдруг зашептала, испугавшись его спокойного, глубокого голоса, похожего на рычание. Да как он смеет утверждать, что знает меня (за время пребывания в этом печальном городе, где редко приходилось хоть с кем-то общаться, в моей душе поселилось гнусное недоверие), но взглянув еще раз в его лицо (да, именно лицо, а не морду), я почувствовала прикосновение вечности, которая была свидетелем нашей дружбы.

Казалось, будто то, что мы не встречались раньше, было жутким недоразумением, насмешкой этой непроглядной ночи, появилось чувство, словно мы старые друзья, надолго затерявшиеся и вот вновь нашедшие друг друга среди тысяч прохожих с пустыми взглядами, стремящимися в пятый угол.

После долгого времени общения Лев все удивлялся моим печалям, хотя сам неумело пытался скрыть свои за пристрастием к валерьянке. Мы оба принадлежали к такому типу существ, что хотят видеть дальше, чем окна соседа напротив, слышать не скрежет ржавчины об асфальт, а шепот крон могучих деревьев. К тем, кто вечно мучается вопросом: тлеет ли он идеей или сгорает за нее. С момента

нашей встречи многое изменилось внутри. В душе бабочки будто заснули у лампы.

По вечерам читали ту самую книгу, которая была у Льва в день встречи. Изучая ее, мы словно переживали великие приключения, и казалось, что даже застывшее в этом городе время искренне умиляется нам. В книге было написано о существах, что развешивают звезды, словно гирлянды, каждую ночь на протяжении тысячелетий, об огромных одиноких рыбах-котах, поедающих туман в поле, когда брусничный сок нового дня разбрызгивается по земле, о людях, вплетающих в волосы ветер, о тех, кто сорок лет прятал крылья на пыльном чердаке, пока перья не стали прахом, о тех, кто предавал друг друга поцелуями, о мирно спящих рабочих после тяжелого трудового дня на фабрике по изготовлению стульев из деревьев гофер, о несбывшихся надеждах обитателей дома Грохольского, о том, что в отчаянии и серый бетонный потолок становится небом Аустерлица, о сожженных рукописях и о тех, кому нечего больше сжигать, о пыльной дороге Костэлло, кричащей невинной кровью, о мыслях, оставшихся наедине со свинцом, о том, как нежностью можно расцарапать облака, о том, как ворота в Эдемов сад сшибли танком, о том, кому кричали «мертв!», а он задумчиво посмотрел на толпу и лишь улыбнулся...

Это была самая завораживающая и чудовищная повесть самых изощренных пыток и возвышенных чувств, одухотворенных идей, написанная кровью и слезами, жаркими поцелуями и возгласами «вперед!» Мы читали книгу — историю человечества... Надменную и глухую к мольбам, беспощадно справедливую, великую в крайнем проявлении этого качества, где за каждой фразой скрывался пролог. Шерсть на спине Льва становилась дыбом, а по моему телу бежали мурашки от осознания всепоглощающей обреченности... Мы смотрели друг другу в глаза и не понимали...

Я проснулась, нервно хватая воздух ртом. В горле пересохло. Бегающим взглядом я окинула комнату. Все было как обычно: предметы хранили воспоминания, за окном

брезжил рассвет, немой будильник злорадно ждал предательского мгновенья. Льва нигде не было... Я почувствовала себя бесконечно одинокой.

Весь следующий день прошел будто по сюжету истории, в которой персонаж медленно впадает в кому душой. В попытке излечиться я зашла в уютный книжный магазин, долго бродила меж широких стеллажей (продавцы уже стали с подозрением поглядывать на меня). Вдруг я чуть не вскрикнула, ибо боковым зрением уловила теплый свет от золотистой шерсти. Быстро повернув голову в сторону, откуда исходило тепло, я не застала ни Льва, ни даже котенка. Почудилось ли? Подойдя к полкам с книгами в той стороне, я почувствовала, как мной овладел страх. «История человечества» — гласило название книги, которую я сразу узнала. В голове в тот миг звучали слова песни: «... Было неоновое и темно...; семь миллиардов подавило друг друга и что из этого нового вытекло?..» Молча дрожащими руками взяла знакомую книгу в коричневом переплете и прошла к кассе.

По дороге домой я зашла за валерьянкой...

*Немеренова Асель (9 класс),
Костанай, Республика Казахстан*

Книга — спаситель заблудших душ

Тусклая настольная лампа горела на деревянном столе и освещала небольшое пространство в маленькой комнате. Темное небо, украшенное звездами, заглядывало в небольшое окно, словно пытаясь утолить свое любопытство и узнать, кто же это маленькое чудо, спящее в колыбели. Ребенок смешно двигал крошечным носиком во сне и отдыхал в объятиях Морфея, убаюканный тихим голосом своей матери.

Молодая женщина с добрым открытым лицом и милыми веснушками с любовью взирала на свое чадо и легко покачивала колыбель, напевая мелодию. Ее темные волосы свободно ниспадали на белое бесформенное платье. Жен-

щина, закончив свою песню, устремилась к столу, чтобы открыть книгу и оставить в ней след гусиным пером.

— Что делаешь? — тихий шепот коснулся ее ушей, и она слегка вздрогнула из-за неожиданного появления своего мужа.

— Хочу написать книгу о себе, тебе и нашей жизни, чтобы прочитать ее и порадовать нашу малютку,— не поворачиваясь, ответила женщина и улыбнулась лишь уголками губ. Высокий, статный черноволосый мужчина тихо рассмеялся и приобнял свою спутницу за плечи.

— Не устаю удивляться твоим поступкам, зачем же так делать, если можно будет ей все рассказать?

Женщина снова тепло улыбнулась и вернулась к своему занятию, бросив лишь мимолетный грустный взгляд на колыбель. Она понимала, что не успеет. Не успеет поведать дочери о тех счастливых минутах, прожитых ею.

— Кто знает, что может случиться с нами в будущем. Прошу тебя, сбереги эту книгу для нее в любом случае,— тихо попросила она и с мольбой посмотрела в столь любимые карие глаза.

— Обещаю,— прошептал мужчина и улыбнулся супруге, не совсем понимая ее мыслей. Женщина отвернулась и вновь приступила к работе. Она должна торопиться. Ведь жить ей осталось не так долго...

С того вечера прошло около десяти лет. Мудрая женщина часто являлась в снах юной Амины. Это была ее давно потерянная мать. Невысокая женская фигура в белом бесформенном платье торопливо вышагивала по небольшой комнате и с грустью в глазах взирала на колыбель. Она иногда сидела у стола и беззвучно плакала, а иногда долго искала что-то и тяжело вздыхала, не находя свою вещь. Что же мамочка делает? Зачем она здесь? Эти мысли все чаще проскальзывали в голове у Амины, и девочка просыпалась с тяжелым чувством.

Ее отец был так сильно потрясен смертью жены, что пропил все богатство семьи, пытаясь унять боль в душе. На дочь он не обращал особого внимания, и она жила так, как могла. Кайсар, отец девочки, не забыл об обещании, данном им своей супруге, однако он то ли не мог простить ей столь скоропостижной кончины, то ли у него не хватало духу открыть книгу и узнать о своем потерянном счастье. Кайсар так и не отдал предсмертный труд своей избранницы любимому чаду. А через несколько лет он и вовсе забыл о том, где находится эта книга.

Кайсар с Аминой жили в небольшом домике в пригороде. Отец ее часто пропадал с друзьями и оставлял свою дочь дома одну. Однажды эта его привычка привела к неожиданным последствиям.

Однажды вечером, когда Кайсар привычно оставил дома девочку, в домик пришли воры. Они были прекрасно знакомы с характером хозяина и знали, что его не бывает ночью в своей обители. Два соседа, не добившиеся от жизни ничего хорошего, промышляли воровством.

— Эй, Серый, тихо! Девчонку ведь разбудишь! — чуткий слух маленькой Амины уловил громкий шепот и звук скрипящих досок пола. Она мгновенно насторожилась и тихо приоткрыла дверь, чтобы убедиться в подлинности своих подозрений.

— Лучше замолчи! Проснется — уьем, все равно никто горевать и не будет, — прошипел второй посетитель. Девочка испуганно замерла и огляделась в поисках путей для отступления. Крохотное сердечко часто забилося, и на глаза выступили слезы.

— Мамочка, мамочка, спаси меня, — еле слышно прошептала она.

— Мяу, — подала голос белая кошка. Она спала на кровати и проснулась от метаний своей хозяйки. Эта кошка была в их доме, когда мама была жива, и была любимицей своих хозяев. У нее были необычайно мудрые глаза. Мурка (так звали питомицу) прыгнула с кровати на подокон-

ник и внимательно посмотрела на девочку, словно человек. Амина заметила это и, быстро оказавшись у окна, открыла его и бросилась бежать куда глаза глядят. Было еще темно, она, не разбирая дороги, юркнула в старый сарай и спряталась за шкафами, пытаясь отдышаться. Ее сердечко сжималось от страха, и она замирала каждый раз, когда слышала громкие звуки.

— Мяу,— оказавшаяся здесь неизвестным образом Мурка тихонько подошла к девочке и принялась ласкаться. Амина обняла подругу и беззвучно заплакала, выплескивая все свои эмоции. Они просидели здесь долгое время, и кошка, увидев, как успокоилась ее хозяйка, начала исследовать сарай.

Амина подтянула к себе колени и думала: за что ей все это? Почему она не может жить так же счастливо, как и все ее друзья? В чем она так провинилась, что небеса отняли у нее мать так рано и наградили таким отцом? Девочка была готова заплакать еще раз, как перед ней упал странный предмет, подняв пыль с земли. Амина закашлялась и несколько раз чихнула, а потом взяла тот самый предмет и удивленно повертела его в руках. Это была книга в старинном переплете. Девочка усмехнулась: такие книги не выпускаются уже лет десять, так что же здесь делает это чудо? Наверное, кто-то выбросил ее как ненужную. Девочка открыла первую страницу и легонько подула на нее, очищая бумажную поверхность. То, что ее там ждало, поразило девочку до глубины души.

«Моей дорогой малютке Амине!» — гласила первая строка.

«Так как меня скоро не будет, я не смогу позаботиться о тебе должным образом, моя малышка. Прости меня, но так распорядилась Судьба. Я не знаю, отдал ли тебе эту книгу твой отец, но надеюсь, что он свое слово сдержал. Солнышко мое, если будет грустно тебе, не плачь. Просто открой мою книжку и знай, что я здесь, на этих самых страницах».

Девочка удивленно посмотрела на мокрое пятно, вдруг появившееся на бумаге, и обнаружила, что плачет. Она

впервые улыбнулась, почувствовав себя живой и любимой. Хоть это и была улыбка сквозь слезы, но все же девочка почувствовала тепло. Это было столь хрупкое и фантастическое чувство, что Амина прижала книгу к груди и просидела так несколько минут, просто смотря в одну точку. Ее мать всегда была здесь, в этой книжке. А она узнала об этом только сейчас. Так вот что пыталась найти та женщина в ее снах! Она хотела поведать дочери о книге...

Нужно спросить все у отца! Амина не боялась его, как многие дети боятся своих пьющих родителей, и в какой-то степени даже любила. Девочка встала и вышла из сарая. Она решила разыскать своего папу и рассказать ему о книге, но вдруг с удивлением обнаружила, что близок рассвет.

Кайсар, как обычно, сидел на скамейке во дворе своего друга и думал. Он думал обо всем на свете. Почему-то именно сегодня Кайсар не мог даже прикоснуться к выпивке и не хотел ничего забывать. Его мысли все чаще возвращались к ней... к его доброй и красивой супруге, Айше. Он прикрыл глаза, и легкая улыбка тронула эти жесткие губы, когда Кайсар вспомнил тот самый вечер...

Оказавшись во дворе друга своего отца, Амина встала как вкопанная. Она не ожидала увидеть родителя таким. Он был таким живым, естественным...

— Папа,— осторожно позвала его Амина.

Черноволосый мужчина вздрогнул и взглянул на дочь, открыв глаза. «До чего же они похожи», — мелькнула у него такая мысль. Действительно, Амина была копией своей матери. Тот же взгляд, наполненный добротой, те же черты лица, так выделявшие Айшу красавицей среди сверстников в свое время.

Кайсар вопросительно поднял брови и сильно удивился, когда дочь бросилась в его объятия и сильно зарыдала. Он растерялся и не знал, что делать, лишь гладил ее по голове и говорил какие-то бессмысленные фразы.

Наконец, когда первый шок прошел, Кайсар все же опомнился:

— Что случилось, Амина?

И девочка начала все рассказывать. То, как она услышала скрип, про диалог между ворами, так сильно испугавший ее, про побег и ее страхи. Мужчина резко посуровел и направился в сторону своего дома, однако, подходя все ближе, он начал понимать, что там уже никого нет. Кайсар открыл дверь и замер, увидев опустевший дом. Там больше не было старых картин, телефона и прочих вещей, имеющих столь высокую цену в этом мире. Однако не это волновало этого человека. Он сожалел, сильно сожалел о том, что оставил свою дочь одну.

— Прости меня, Амина, я больше не оставляю тебя,— тихо сказал Кайсар девочке, которая стояла у порога и широко раскрытыми глазами осматривала дом. Она перевела взгляд на отца, осмыслив услышанное, и благодарно улыбнулась, удивив своей улыбкой родителя.

Вечером Кайсар ходил по дому, надеясь найти средство утешения, как вдруг услышал голосок своей дочери, доносившийся со стороны ее комнаты.

— Сегодня мы с твоим отцом играли в «Монополию», ты не поверишь, как это весело. Солнце мое, когда вырастешь, обязательно поиграй с ним в эту игру. Он так забавно морщится, когда проигрывает, ты должна это видеть! Не забывай, что я люблю тебя, я всегда с тобой,— читала она, и мужчина с удивлением почувствовал теплую влагу на щеке. Это была она, его Айша, это ее слова! Кайсар приоткрыл дверь и увидел ту самую книгу в руках своей дочери и резко выдохнул, то ли от удивления, то ли от облегчения. Ведь он так корил себя за утрату этого сокровища!

— Где ты взяла ее? — собственный голос был ему столь незнаком. Девочка подняла голову и снова улыбнулась своей теплой улыбкой.

— Мурка ее нашла... Хотя, может быть, это была мама... Наверное, это мама мне помогла,— сказала она, поглаживая белую кошку, и протянула ему книгу.

Кайсар с трепетом взял ее и пролистал, узнавая труд своей избранницы. Они вместе с Аминой провели весь вечер, читая книжку. С тех пор мужчина не пил, потому что он смог обрести душевный покой, и больше уделял внимания дочери. Он снова вспомнил те счастливые дни, и ему казалось, будто Айша все еще здесь, на этих самых страницах.

Таким образом, книга может быть не только проводником знаний и мудрым учителем, но может оказаться и спасительницей двух заблудших душ...

Никифоров Артем (11 класс), Нижний Тагил

Поле июньских цветов

Лучи солнца сонно расплзались по полю, усеянному июньскими цветами. Роса неспешно исчезала с задорно шелестящих трав, а мышонок уже что-то грыз подле садового забора. И хотя представитель рода кошачьего, кот Барбароска, видел копошащегося серого, он был слишком ленив, чтобы покинуть пригретое место на клумбе, которая стояла у входа в изящный усадебный домик. В доме этим утром было пусто. Причиной стали следующие события... Георгий Евгеньевич, глава малого семейства, вместе с супругой уехал в город, находившийся в двадцати верстах от места нашего повествования. Мальчишка, названный Северусом, в это время упорно перебирался с дерева на дерево по лестницам, которые находились на спортплощадке, что для него построил его отец, уехавший этим утром в город.

Несмотря на юный возраст своего чада, родители не боялись за одиннадцатилетнего Северуса, ибо верили, что только сам ребенок знает, что ему нужно и в какой мере. Сам мальчик беспокоился исключительно о том, как именно ему провести сей день: побегать ли за бабочками, почитать ли в папиной библиотеке, пособирать ли ящерок, чтобы научить их есть капусту, или поиграть во что-нибудь на отцовском компьютере.

Однако в это тихое утро случилось то, что всегда случается не вовремя, то, что всегда несет горечь, то, что ставит под вопрос завтрашний день — стратегический бомбардировщик наблюдал одинокий домик, а затем выплюнул снаряд. Тот безразлично взглянул на красную крышу, садовый забор и цветочное поле, а затем столь же безразлично устремился вниз, ускоряясь с каждой секундой. Снаряд рухнул на дом, пробил крышу и яростно рванул, разнес в щепки дом и, плеща напалмом, поджег июньское поле цветов... В это же время прогремели тысячи таких же взрывов в разных уголках планеты. Началась Третья Мировая Война.

Северус рухнул с дерева и ошарашенно захлопал глазами. Взрыв, произошедший на месте его дома, был слишком страшным, чтобы быть реальностью. Вскочив, мальчишка побежал в сторону дома, уже издалека видя зарево огня, но не веря своим глазам.

Сначала на мальчика прыгнуло что-то ярко-рыжее, оно больно впилося в плечо и жалобно мяукнуло. Скосив голубые глаза, Северус разглядел своего кота Барбароску, тот таки погнался за серым мышем и успел добежать до середины поля, когда прозвучал взрыв, после чего пушистому стало не до мышонка. Мальчик ласково погладил своего питомца, и на душе стало чуть спокойнее. Затем прозвучал второй взрыв, не такой сильный, но все же взрыв. И после него Северус заметил летящее, снова в него, темное неопознанное тело.

Тело это летело по дуге от эпицентра взрыва и, промелькнув мимо пригнувшегося человечка, рухнуло в песок спортплощадки. Упавшим оказался старый Томик в обгоревшей обложке внушительных размеров. Северус уже с любопытством подошел посмотреть на столь живучую книжку, что и в огне не горит... В это мгновение Томик подпрыгнул, раскрыл большие, древесного цвета, очи и с той же степенью любопытства, с которым удивленно смотрели на него мальчик и кот, стал разглядывать их.

— А-а-а... Северус! Мальчик мой! Вот ты где! — у Томика отросла бородка темно-серого цвета сразу под глазами,

так что было непонятно, откуда идет голос.— А я тебя уж обыскался! Ну чего смотришь? Иди же, обними меня!

У Томика откуда-то с боков повылезали маленькие ручки, а сам он побежал на едва видимых ножках. Мальчишка так и сидел истуканом, пока Томик не забрался к нему на колени и не заговорил вновь:

— Ну, чего ты на меня так смотришь? Ах, да, точно, ты меня не помнишь... Я живая книга, выращенная твоими родителями для того, чтобы помогать тебе и им по хозяйству. Ох, помню время, когда меня оставили нянчиться с тобой... Сколько же ты тогда повыврывал из меня страниц... Благо новые отрасли! Ну, пойдём-пойдем, нечего здесь стоять... Конечно, жалко, столько цветов на поле погибло, а я даже и половины не перенюхал. Но ничего, новые цветы будут еще ароматнее.

Движимая неким общим чувством образовавшаяся троица повернулась посмотреть на догорающее пламя и останки их бывшего дома. Северус чувствовал легкую нежность к этому Томику и потому решил довериться ему, в конце концов, может быть, он подскажет, как теперь быть.

— А потом твой отец решил, что если ты меня запомнишь, то можешь случайно поведать обо мне миру раньше срока, и тогда не видать никому покоя... Будут кричать: «Живая книга! Вау! Хочу такую же!» Поналетят гарпии... Мода же... Поэтому после того, как тебе исполнилось четыре года, я видел тебя только издали... Грустно немного жить под боком и постоянно прятаться, но я был рад наблюдать за твоим развитием и счастлив сейчас разговаривать с тобой в такой вот затейливой обстановке. Пытался твой отец как-то раз научить меня рыбачить...— бесперебойно рассказывал мой спутник из бумаги, энергично жестикулируя своими маленькими ручками.

Томик просил называть его Мэллон, говорил, что это означает «друг» и взято из какого-то старого фильма мои-

ми родителями. Вот уже час как мы шли в направлении деревушки N, которая в пяти верстах от нас, по крайней мере, так сказал Томик. Барбароска сиротливо жался ко мне. Кажалось, что кот лишь слегка растерян, однако нервное подрагивание хвоста выдавало его волнение. Идти по лесу оказалось нудновато, уж больно много было летунов кусачих, да и есть хотелось. Вроде как, в той деревне должны быть люди, которые помогут нам, дадут еды, воды и предоставят ночлег. Но в голове крутились совсем иные мысли.

— Мэллон! Остановись, пожалуйста... — чуть потупившись, сказал я.

— Да, мальчик мой, я тебя внимательно слушаю, — несколько не смутившись, тем же добродушным тоном ответил мне Томик.

— Почему это случилось? Для чего кому-то потребовалось разрушать мой дом? Зачем оно им? Мы с мамой и папой что-то сделали не так? Или они как-то узнали о тебе и пришли уничтожить? Мне непонятно, и оттого страшно...

— Северус, конечно, я расскажу тебе все, что знаю, — Томик задумался, в его взгляде была видна грусть. — Понимаешь, люди, по сущности своей, крайне могущественны в этом мире. Им под силу менять течение рек и погоду. Всю Землю может изменить один-единственный человек, если он будет достаточно силен, чтобы выстоять под натиском всего света.

— Значит, если я буду самым сильным, то смогу изменить мир? — удивился я, — неужели все так просто?

— Безусловно, мальчик мой. Однако не было еще настолько сильных людей. Потому, чтобы изменить все сущее, один человек вынужден объединить вокруг себя других людей и вместе с ними бросить вызов остальному миру. Так весь свет разделился на разные общности людей, каждая со своим мировоззрением.

— И все эти люди теперь противостоят друг другу, чтобы изменить мир для себя?

— А ты быстро схватываешь, — усмехнулся Мэллон, — в течение многих столетий люди учились противостоять

всем и вся. Человек изобрел оружие и совершенствовал его. Сегодня ты видел одно из них — бомбу...

— Одно из? Их так много, оружий? Это не конец? — страх холодным комом поселился в моем животе — ведь если это только начало, то мир может быть уничтожен, как было уничтожено поле июньских цветов...

Томик замедлил ход и, кажется, погрузился еще сильнее.

— Как же ты прав, Северус, как же ты прав... Но устройство мира таково, что волю одних может сломить лишь более сильная воля других. Таким образом, или мы все погибнем в этой борьбе, или найдется кто-то сильнейший, и в результате жестокой, очень жестокой борьбы Земля покорится воле одного...

— Так что же получается, война была неизбежна?

— Почему же, все могли покориться Сильнейшему и без войны, просто не было его. Не было такого человека, за которым пошел бы весь свет.

— А сейчас он есть?

— Должен быть. Где-то да должен быть. Ведь если его нет, то мы все погибнем... Знаешь, Северус, бога может быть и нет, но что-то капризное и могущественное однозначно есть. Ведь мы с тобой живы, и Барбароска цел. Чудом ведь!

После этого мы долгое время шли молча. Размышляя каждый о своем.

Гром. Поток воды устремился вниз с двух тысяч метров в виде капель и безжалостно разбивался о землю. Как будто небо плакало. Ветер протяжно выл и свирепо трепал деревья. Погода была, мягко говоря, скверной.

Тем не менее, Северус, Мэллон и Барбароска упрямо шли через поле. Сырое, продуваемое со всех сторон, с хлюпающей почвой... Сил нашим героям добавляла видневшаяся впереди деревня. Барбароска и Мэллон, конечно, не могли ее видеть, ибо были низки, а трава высока, но вот Северус видел и координировал направление движения. На вопрос мальчика о том, не развалится ли Томик, состоя-

щий из бумаги, тот ответил, что он не только не развалится, но и при необходимости поплывет. Барбароска, хоть и мало что понимал в диалоге своих друзей, уважением к бумажной двуножке проникся.

И вот, промокшие и усталые, голодные, но довольные собой, наши герои добрались до своей цели, где их встретил удивленный постовой. Не так уж часто в деревню под вечер и в грозу приходит мальчик с книгой и котом. Гостей привели к старосте, коим был Петр Васильевич — полковник в отставке и близкий друг Георгия Евгеньевича, отца Северуса. Староста хотел было начать спрашивать неожиданных визитеров, но Марья Григорьевна, супруга полковника, с фразой «балбес старый» увела наших героев сушиться и ужинать.

Наконец, сытый и довольный Северус поблагодарил Марию Григорьевну и поискал взглядом своих друзей. Барбароска и Мэллон (под видом обычной книжки) развалились близ печки. Мальчик понял, что отдуваться придется ему одному и, тяжело вздохнув, пошел к Петру Васильевичу отвечать на мучившие того вопросы.

— Еще раз здравствуйте... — робко начал Северус.

— Ну здравствуй, сынок, — староста оглядел гостя и, кивнув своим мыслям, продолжил, — как жив-здоров? Зачем из дому ушел? И, в общем-то, чем обязан?

— Я? Жив. Здоров. Вот... Из дома? А нет его... дома-то... бомба такая... бдыщ! И дом в разные стороны по всему полю... А пришли мы сюда за папой моим и поесть.

— А-а-а... — неопределенно потянул Петр Васильевич, брови его сползли к переносице, а взгляд затуманился. — Что ж, а ты молодец, да... Иди-ка ты спать, Северус. Устал поди. Не зря говорят: «Утро вечера мудренее».

— Доброй ночи, Петр Васильевич! — сказал мальчик, повеселевший от мысли, что деда-полковник не такой уж и страшный, и заторопился к Марье Григорьевне за указаниями ко сну.

В предрассветных сумерках был слышен гул дизельного мотора старенького БТР. Полковник вез Северуса с группой «вызвавшихся деревенских мужиков», вооруженных потертыми винтовками. Сам мальчик сидел и листал Томик, который на своих страницах выводил разные рассказы, Барбароска беспокойно подпрыгивал на кочках, но уверенно держал хвост кверху.

На подступах к городу, когда полковнику начало казаться, что обойдется без происшествий, прогремел взрыв, и БТР слетел с дороги в овраг. Северус едва-едва успел разобратся, где верх, а где низ, когда его вынесли из машины. Звуки выстрелов резали слух мальчишки, а все происходящее было слишком нереальным, чтобы быть правдой. Лишь ощущение Томика в руке и боль от когтей Барбароски в ноге напоминали, что это не сон.

Петр Васильевич с окровавленной головой выкарабкался и огорченно пробормотал: «Достали-таки, гады. Здесь, значит...» Затем полковник собрался с силами и склонился над мальчиком.

— Жив?

— Д-да... — чуть заикаясь, ответил Северус.

— Слушай меня. К северу отсюда, в тридцати минутах, город. Тебе надо добраться до него и найти отца. Ты меня понял?

За спиной полковника упал один из «мужиков», и горячая капля крови попала на щеку мальчишки. Северус неверящим взором наблюдал, как жизнь уходит из упавшего тела. В это время Мэллон понял, что дело плохо и притворяться более нельзя. Томик вскочил пред ошарашенным старостой и затараторил:

— Я уведу его отсюда и верну Георгию Евгеньевичу. Не беспокойтесь, с ним все будет хорошо. — Не дожидаясь ответа, он подбежал к Северусу, заглянул тому в глаза, подпрыгнул и нанес звонкий удар по щеке.

— Ты чего? — только и смог вымолвить мальчишка.

— Нет времени! Все потом! Сейчас нам надо бежать! Понимаешь, Северус? Мы в опасности, и все эти люди в опасности! Но они будут защищать тебя, пока ты не будешь спасен, и лишь потом будут спасаться сами, потому нам надо бежать, ради всех нас!

Мальчик понял. Он подхватил кота, Томика и бросился мимо полковника в указанном направлении, лишь моргнув на прощание влажными от слез глазами. Рыдания душили его, но Северус сжимал кулаки и делал то, что от него требовали — бежал.

Добравшись до города, друзья были встречены и «перенаправлены в соответствии с указаниями». Мальчика несколько раз передавали из рук в руки, возили на машине и спускали на лифте. В конце концов, Северус, Барбароска и Томик оказались в маленькой уютной комнатке под землей, где их закрыли и велели ждать. Барбароска, получив долгожданный перерыв, разлегся и, кажется, уснул. Мэллон тут же обрел свой «живой» вид и начал активную болтовню:

— Мальчик мой, ты в порядке?

— Да, вроде бы. Я с трудом понимаю, что произошло... Однако, со мной все хорошо,— Северус устало посмотрел на своего собеседника и завалился на аккуратно заправленную постель.

— Нас пытались убить, затем мы бежали, потом упали, но нас понесли, повезли, и вот мы здесь. Что ж здесь непонятного?

— Мэллон, зачем нас кому-то убивать? Для чего нас привезли сюда? Отца-то здесь нет! И вообще, что нам теперь делать?

— Северус, мой мальчик, дело в том, что это — война, на ней положено всех убивать. Вот нас, например, за то, что мы не хотели с ними воевать. Ну-у... с теми, кто нападал на нас. А привезли сюда, чтобы защитить и дать убежище, пока не кончится война или твой отец не придет за нами,—

убежденно закончил Томик, затем нахмурился, повертелся на месте и заговорил вновь,— Вообще я не знаю, но я так думаю. Вернее, так написано в книге. Ну, во мне! Я же книга... А как я могу читать самого себя... Так я думаю или читаю? — в конец запутался Мэллон.

Северус, хоть и слушал своего бумажного друга и даже был растроган его заботой, но помочь ничем в этом нелегком вопросе не мог. И потому с некоторой тоской наблюдал за ходом мыслей Томика.

Внезапно дверь в комнату открылась. Взлохмаченные, с темными кругами под глазами и в классических белых халатах Георгий Евгеньевич с супругой стремительно ворвались в помещение и, увидев что все трое живы-здоровы, тяжело выдохнули. Широкие улыбки расплзлись на их лицах, а руки подхватили Томика и кота. Затем все семейство завалилось на маленькую кровать и превратилось в один большой ком. Нарadowаться они, конечно же, не могли.

После воссоединения семейство плавным образом перешло в блок экспериментальных установок. Место это было таким приличным ангаром, под добрый двенадцатизэтажный дом кубической формы. Здесь было довольно прохладно, а от огромного количества электронных приборов в округе вымерли все тараканы.

Центром всей аппаратуры являлся огромный прозрачный шар, предназначение которого было загадкой, судя по всему, для одного только Северуса. Мэллон при взгляде на машину отчего-то поник и, как будто боясь не успеть, стал тараторить различные истории внимательно слушающему мальчику. Барбароска немного помяукал и устроился подле Томика.

Несмотря на то, что людей вокруг было много, никто не обращал внимания на странную компанию из ребенка, говорящей книги и слушающего кота, все были заняты сво-

им делом. Георгий Евгеньевич с супругой вынуждены были оставить своего сына с Мэллоном и взяться за настройку сферообразной машины.

— Мэллон... — тихо сказал Северус и в счастливом порыве нежности обнял своего бумажного друга.

— Ты чего? — удивленно пробормотал Томик, — все же хорошо, мальчик мой...

— Я просто счастлив. Ведь мы пределали такой долгий путь, и все это время ты помогал мне, направлял и поддерживал, — искренне признался мальчик и улыбнулся. — Спасибо тебе.

— Это суший пустяк. Помогать ближнему своему — это обязанность любого живого существа, если они, конечно, не едят друг друга... — смутился Томик.

Мальчишка весело рассмеялся, но почувствовал резко смену настроения собеседника и внимательно на него посмотрел.

— Северус, я должен тебе кое-что рассказать... — неуверенно начал Мэллон. — Ты ведь не знаешь, для чего этот аппарат? Конечно, не знаешь... Эта машина была создана твоими родителями за год до твоего появления и запрограммирована твоим отцом в день твоего рождения. Георгий Евгеньевич собрал ее так, что запустить механизм может лишь капля твоей крови. Ее суть — остановить все оружие на всей планете. Гранаты, ракеты, пули — ничего из созданного человеком не будет работать.

— Это же великолепно! Войн не будет! Никто больше не погибнет! Разве это не замечательно? Мэллон, отчего ты такой грустный? — осторожно спросил мальчик.

— У этой машины есть одно пассивное свойство... — с легкой тоской в голосе говорил Томик. — Все созданное человеком перестанет работать, будь то даже обычные часы на батарейках.

— Постой. Значит, и ты перестанешь работать? — обескураженный шепот мальчишки прозвучал громом для него самого.

Испуганный взгляд ребенка встретился с ласковым, грустным взором книги в подгоревшей обложке и с измятыми от влаги страничками.

— Не бойся, мой мальчик. Эта машина спасет Землю от вымирания. Сейчас ей грозит ядерная война, которая не оставит ничего живого на планете, а это куда страшнее пары десятков лет без телефонов, компьютеров и одной живой потертой книжки... — добродушный говор Мэллона успокаивал, но слова его были страшны. — Ты, главное, постарайся покорить этот мир. И... береги себя, Северус.

Мальчишка мог лишь прижимать Томика к груди, с трудом сдерживая рыдания. Расставаться с другом, зная, что можно больше никогда не встретиться, зная, что через пару минут придет отец и попросит уколоть палец, тем самым начиная обратный отсчет необратимого изменения мира... Откуда мальчик знал, что этот момент скоро? Дело было в том, что именно сейчас отец с жалостью смотрел в глаза сыну, а тот с тяжелым сердцем согласно моргнул на немую просьбу своего родителя. Мама же, тихо подойдя к Северусу, обняла его, разделяя всю скорбь предстоящей утраты. Кот Барбароска издал протяжный звук, похожий на плач.

Мальчишка протянул ладонь отцу. Сверкнула медицинская игла. Капля нехотя проступила на поверхности кожи. Палец соприкоснулся с поверхностью пульта активации. Блокировка была снята. Мерный гул машины наполнил ангар. Пути назад больше не было.

Эпilog

Статный высокий человек шел той походкой, которая бывает только у людей, что прошли чрез саму смерть и ныне не боялись сделать неверный шаг. Ледяной взгляд голубых глаз этого человека помнил всех, кого он отправил на гибель. Человек ловко спустился по сплетенному канату под землю, в заброшенный бункер. Зажженный факел тускло освещал дорогу среди паутины, мхов и проросшей травы. Но все такой же мерный гул не давал сбиться с пути.

— Я сделал это. Война окончена, мой друг. Но этого мало... Миру нужен мудрый правитель, а правителю — учитель... — спокойно, но тихо, как будто самому себе, сказал мужчина, входя в большой зал с огромным механизмом в центре.

— Настало время тебе очнуться ото сна... — человек достал старую потертую книгу из заплечной сумки.

Мозолистые руки стерли пыль с малого механизма. Во мраке сверкнуло лезвие ножа, и капля крови упала на табло активации. Гул затих, последний раз отразившись от стен многократным эхом. На обгоревшей обложке книги медленно распахнулись два больших глаза древесного цвета.

— Северус... Мальчик мой, как же я рад тебя видеть! Пойдем, посмотрим на поле июньских цветов?!

*Овчинников Олег (9 класс),
Новое Десяткино Ленинградской обл.*

Домовая книга семейного счастья

Я хочу рассказать вам о нашей старинной семейной книге, документе на наш родовой дом. Мой прадедушка построил дом в 1934 году, своими руками укладывая с любовью каждое бревно. В этом доме родились и моя бабушка, и мама, и я. Заглянув в домовую книгу, я открыл для себя историю моей семьи.

Книга была предназначена для регистрации людей, проживавших в этом доме. Первым был записан прадедушка, далее по порядку я нашел имя прабабушки, других родственников, а также тех, кто останавливался в нашем доме. Наш городок находится в приграничной зоне, он является закрытым для въезда людей. Приезжающие к нам в город могут посетить его только по приглашению родственников или знакомых. Все они обязательно должны были зарегистрироваться в домовых книгах.

Однажды наш дом посетил народный артист РСФСР Валерий Сергеевич Золотухин. Это случилось в 1988

году. В нашем городе этот прекрасный актер был с концертом. Там он и познакомился с моими бабушкой и дедушкой. Конечно, они пригласили его к нам домой на ужин. Валерий Сергеевич был очень удивлен тем, что дом был построен около пятидесяти лет назад, и в его постройке участвовал только прадедушка и его друг. Построить вдвоем дом для моего времени кажется чудом. Именно из домовой книги я узнал о визите в мою семью заслуженного артиста.

Еще в домовой книге я нашел имена гостей из столицы нашей Родины, это были работники первого канала из детской телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Они приезжали снимать телевизионную передачу и останавливались у моих родственников.

В нашей необычной рукописной книге имеется запись о приезде ненецкого поэта Алексея Печкова. Он гостил у прабабушки с прадедушкой полтора месяца. Каждый день перед сном поэт рассказывал стихи детям, проживающим в доме, об этом он упомянул в своем стихотворении. Родители бережно хранят пожелтевший листок с написанным на нем стихотворением Алексея Печкова.

Получается, что по домовой книге можно изучать историю своей семьи, узнать о жизни людей, которые жили в доме. Я увидел, сколько радушия и доброты по отношению к посторонним людям проявляли мои родственники! Я уверен, если взять любую такую книгу любой другой семьи, там будет не меньше записей, чем в нашей. К сожалению, не все семьи так бережно относятся к своей истории и доверяют ее своим друзьям и хранителям — рукописным книгам.

Одной из важных для меня записей в домовой книге считаю регистрацию меня, я самый младший член семьи, проживавший в нашем доме. Найти себя в такой ценной для моей семьи книге — большое счастье.

Реликвия

На полках стоят книги. Они теснятся плотными рядами каждый на своём месте: где-то корешок к корешку, где-то вразброс, словно пытаются вытеснить друг друга с переполненного насеста. Корешки у этих книг разные: некоторые толстые со свеженькой вычурной краской, некоторые ничем не примечательные, скромные в мягком переплёте, иные уже потрепанные руками жадных до чтения людей. Эти, последние, стоят в сторонке отдельной кастой высшего книжного чина — любимые книги. У них особый запах старой бумаги и человеческих рук. Если взять такую книгу, то на торце можно заметить неровные, выбившиеся из общего строя листы, а их множество делает торец книги похожим на годовые кольца дерева. С загнутыми уголками страниц и уже расслоившимися картонками обложек, эти книги хранят память о тех, кто брал их в руки и жадно вглядывался в черноту отгиснутых букв. Да, эти книги хранят память о тех членах моей семьи, кто собирал нашу библиотеку. Среди этих раритетных изданий есть одна маленькая тоненькая книжица, которая почти ничего не стоит у букинистов, но бесценна для моей семьи, — «Мойдодыр».

Это простая книжка с пожелтевшей обложкой всего-то 10 листов, да и те страницы уже начинают рассыпаться от неловких движений. От сгиба ровно посередине у неё остался шрам. Глядя на книжицу и без того маленькую, пятнадцать сантиметров в длину, задаешься вопросом, кому пришлось в голову складывать её и делать ещё в два раза меньше? В этой книге нет ярких иллюстраций, нет причудливого оформления, все картинки чёрно-белые, и лишь на паре страниц они подкрашены красновато-кирпичной краской. Сверху на тоненькой обложке с названием и гордой надписью «Издательство газеты «Сталинское Знамя» есть пятно и полоса в сторону от этого пятна, как будто кто-то

капнул водой и попытался быстро стереть влагу. Эта книга была издана в 1944 году, во время войны, той самой страшной войны, которая отнимала жизни, разрывала семьи и калечила человеческие судьбы. Именно в это время в семье моего прадедушки, тогда ещё майора Константина Николаевича Кочина, росла маленькая дочка Лина, которая родилась в 1938 году, ей шёл уже шестой годик. Семья жила в Москве в одном из тех старых кирпичных домов, которые стоят на Ленинском проспекте кучками, словно шушукаясь о чём-то. Это были времена, когда люди жили одной большой семьёй, когда во дворах под деревьями на лавочках вслух читали газету с последними сводками с фронта, а Левитан объявлял об очередной большой победе советских войск или об освобождении маленькой деревушки в тысячах километрах от того места, где слушали об этом. Это было то время, когда женщины ждали мужей домой с войны живыми, и лучиками надежды на такое возвращение были письма-треугольники, прилетавшие с фронта к матерям и жёнам, но если вереница треугольников вдруг иссякала, то темнота входила в тот дом. Ещё хуже было, если вместо треугольника в дом приходил сложенный квадратик, который взрослые называли шёпотом «похоронка».

Так было и в семье Кочиных. Маленькая Лина не помнила отца в лицо, она смогла бы узнать его только по единственной фотографии, на которой был изображён улыбающийся мужчина, о котором мама говорила: «твой папа». Когда от него приходили письма, то мама радовалась им, читала вслух, но Лина мало что понимала, она лишь чувствовала: всё хорошо. И вдруг... писем не стало. Первое время девочка не замечала изменений, всё было как всегда: радио, двор, игрушки и мама. Но вскоре она почувствовала, что «тревожное» одеяло вдруг накрыло её семью. В их доме словно была тетива, которая натягивалась сильнее и сильнее, напряжение висело в воздухе неделю, другую, месяц, вот уже весна подходила к концу. И однажды это случилось: мама что-то поняла, что-то внутри неё вдруг изменилось,

натянулось очень сильно и словно бы беззвучно и невидимо оборвалось. Она стала молчаливая, потом её движения замедлились и стали вязкими, потом в теле появилась какая-то сутулая неловкость, плечи поникли, опустились, и что-то странное стало с глазами: иногда они были красными и опухшими, иногда просто мутными. Лина смотрела в них, видела маму, но никак не могла понять, что происходит. Она решила, что маме грустно и принесла ей своего старого затасканного мишку, который смотрел на мир только одним коричневым глазом-пуговкой. Лина протянула маме игрушку и прижалась к её коленкам. И вдруг произошло то, чего девочка совсем не ожидала. Мама вместо того, чтобы обрадоваться мишке, вдруг заплакала, и заплакала как-то так горько, безнадежно и тихо, так, что внутри у Лины словно что-то завьело и забилося. Она обхватила руками мамины коленки и заплакала вместе с ней, не до конца понимая, что происходит, но не в силах сдерживать тоску, рвущуюся из груди.

На дворе было почти лето. Но в их доме стало пустынно, серо, будто постоянно моросил унылый осенний дождик. В тот день Лина сидела на подоконнике, ожидая маму,— скоро должна была кончиться её смена. Она смотрела из открытого на кухне окна на дворовую ребятню, на невнятную собачью возню под уцелевшей после бомбёжек берёзой, смотрела, как соседский мальчишка катался на самокате, который ему смастерил дворник дед Василий. Дворник был старый, бородатый, еле ходил и ужасно бранился, когда мальчишки что-то делали, по его мнению, не так. Он уже не мог работать на заводе как все, но не любил тунеядцев, поэтому стал дворником, хотя ему еле сил хватало держать метлу. И сейчас, сделав ею пару взмахов, он стоял и пыхтел, прислонившись к углу дома. Вдруг между домами появилась почтальонша тётя Катя. Эта шустряка полноватая женщина что-то сказала деду Василию и чуть не вприпрыжку побежала к дому Лины. Её форма ей очень шла. Тёмные приглаженные волосы, заплетённые в косы,

в заходящем солнце были каштановыми. Увидев в окне Лину, она замахала ей, что-то держа в руке:

— Лина, мама дома?

— Нет. Она на заводе, — крикнула Лина в открытое окно.

— Спускайся ко мне! Скорее давай!

Лина спрыгнула с подоконника на пол и вышла из квартиры, осторожно притворив за собой дверь. Подъезд был тёмный и сырой, ноздри щекотал запах мокрых кирпичей. Спустившись на первый этаж и выйдя на улицу, Лина вдруг окунулась в тепло и солнечный вечерний свет. Девочка подумала, что это хорошо. У подъезда её ждала почтальонша, она улыбалась, словно включённая лампочка, а ямочки на её полных щеках дополняли её круглое лицо и делали похожей на нарисованное солнышко. Почтальонша протянула Лине что-то бумажное, квадратное, к которому крепко-накрепко был привязан верёвочкой треугольник. Лина стояла и смотрела на него.

— Ну, что же ты? Бери, беги к маме! — сказала почтальонша и сунула Лине в руки бумажку.

И не зная почему, Лина, прижимая странный квадратик к груди, бросилась со всех ног к заводу. Ещё не преодолев и половины пути, она услышала гудок — закончилась мамина смена. Лина пыталась бежать ещё быстрее, но маленькие ножки не поспевали за её желанием взлететь. И вот проходная. Люди уже выходили со смены. Усталые лица, пыльная одежда, опущенные плечи. Выходя за ворота, они натыкались на девочку равнодушным взглядом, который на секунду оживлялся, когда они замечали прижатую к груди бумажку.словно застывшая, Лина выискивала в веренице людей маму. И вот она заметила её. Вспорхнув, Лина кинулась к ней, вытягивая вперёд руку с квадратной бумажкой.

— Мама!

Мама увидела её и замерла, лицо стало ледяным и даже серым. Лина, подлетев, протянула ей бумажку. Дрожащими, испачканными чем-то чёрным пальцами мама взяла её

у дочери, перевернула и, увидев треугольник со знакомым почерком, вдруг тут же опустилась на дорогу, как-то облегченно вздохнула и заплакала. Она осторожно сняла верёвку и развернула письмо. Папа писал о тяжёлом ранении, о том, что долго был без сознания в госпитале, но теперь ему лучше и скоро он снова поедет на фронт и надеется, что книжка, которую он отправляет, не потеряется в пути, и Лина её получит. Мама отложила письмо и развернула сложенный пополам квадратик маленькой книжки, на обложке которой было написано «Мойдодыр», 1944 год.

Через год мой прадедущка вернулся домой.

*Плотникова Римма (7 класс),
п. Первомайский Воронежской обл.*

История одной книги

— Мр-р-р... Мр-р-р... И что же было дальше? — лениво потягиваясь и переваливаясь на другой бок, спросил Тимофей.

— Так мы долго стояли на темных холодных полках в тишине. Иногда появлялись какие-то люди, складывали стопки книг в железные тележки и куда-то увозили. Каждый из нас тихо вздыхал: «Что нас там ждет?»

И вот наступил наш черед! Мы лежим, тесно прижавшись друг к другу, а тележка мчится так быстро, что все мелькает перед глазами. И вдруг — море света! Тепло. Нас выхватывают и ставят на белые полки: направо, налево, вверх и вниз. Повсюду голоса, много людей... Мы — в большом книжном магазине!

— Мр-р... Знаю, слышал... Мне знакомый старый кот р-рассказывал...

— Там стоять было уже веселее: мы беседовали, рассказывали друг другу свои истории, мечтали о том, чтобы нас поскорее купили, чтобы мы могли принести пользу людям.

— Мр-р-да... Я тоже был мр-раньше ничей...

— Мне нравилось рассматривать людей, приходивших в магазин. Вот суровый дядя осмотрел полки и рявкнул: «Вы куда это меня направили? Тут какие-то детские книжки! Где канцелярский отдел?!»

Вот мальчик в очках и белой рубашке с любопытством рассматривает моих соседей. Он провел пальцем по золотым буквам на моем корешке (щекотно!), достал меня с полки и погладил...

— Мр-р-р... Мр-р-р... Обожа-аю, когда гладят, это так приятно...

— «Сказки. Ганс Христиан Андерсен,— прочитал он и воскликнул,— мои любимые! Здорово! А картинки какие!!!»

Я заволновалась. Может, меня наконец купят? Мне так этого хотелось!

Но тут подошла строгая тетя в костюме и сказала: «Игорь! Ты что тут делаешь? Мы пришли за учебниками, а ты со сказками возишься! Пойдем быстрее, я же могу опоздать!»

Вот идет молодая женщина. От нее веет какими-то волшебными ароматами. Платье на ней легкое и нарядное. По полу стучат тонкие каблочки. У нее яркие губы и пушистые ресницы. Она показалась мне сказочной принцессой. Какие же книги ищет она? Женщина перебирает пальцами в блестящих колечках книги... И вот протягивает руку ко мне! Берет меня с полки! Меня покупают!!!

— Хор-р-рошо!.. Мр-р-р... Я помню день, когда меня подобрали на улице... Мр-р-р-р... — кот довольно зажмурился. — Счастливый день...

— На какое-то время стало темно: меня упаковали в шуршащую бумагу и перевязали яркой ленточкой. Я слышала шаги, голоса, шум машин. Опять тишина. И вдруг — топот детских ножек и звонкий голосок: «Ура! Мама подарки привезла!» Кто-то нетерпеливо срывает ленточку, бумагу, солнечный свет брызнул на мою яркую обложку! Я трепетала от радости!

«Эт-то что еще тако-ое? — негодующе прошептала девочка... — Какая-то книжка?! — голос ее становился громким и угрожающим... — Для меня что, не нашлось подарка получше?!» — она зажмурила глаза, скривила рот и так заревела!

— Бр-р... Мяу! Не люблю детских криков...

— Злые слезинки так и брызгали из-под ее ресниц. «У Кристинки — планшет! У Дианки — тоже! Артему крутой смартфон подарили! А мне — книжку?! А!.. А!.. А!.. Ты меня не любишь! Какая же ты жадина, мамка!» Та беспокойно заговорила: «Что ты, что ты, моя зайныка, не расстраивайся! Мы эту противную книжку сейчас же выбросим! Смотри, здесь еще есть коробочки. В них ты и планшет, и смартфон найдешь. А эту гадость мы Светке-Конопатке отдадим».

Ох, как горько было моему бумажному сердечку! Я и не знала, что симпатичные с виду люди могут быть злыми и жестокими. Жаль, что книги не умеют плакать — может, стало бы легче...

— Мр-р... Хозяйка моя первая кр-расавицей была, вы-бр-росила меня в самый мор-роз. Бр-р-р... — кот свернулся клубком.

— Я снова лежала в темноте. Пахло гнилью. Серые пушистые зверьки с черными бусинами-глазками и тонкими хвостиками с любопытством принюхивались к моим страницам, от которых сладко пахло новой бумагой и типографской краской. Я думала, что они хотят прочесть мои сказки...

— Пр-р-рочитать??? — Тимофей, привстал, сверкнув зрачками.

— Вдруг один из них впился зубами в мой корешок! Больно! Он похрумкал, попыхтел, да как пискнет! Все остальные, как по команде, бросились на меня! Они грызли обложку, страницы...

— Мр-р!!! Мяу!!! Жаль меня там не было!!! Уж я этим сер-рым звер-рькам пр-рочитал бы сказки! — грозно выпускающая острые когти, прорычал кот.

— Вдруг распахнулась дверь. Серые зверьки вмиг разбежались.

«Мы тебе, Света, на день рождения ничего не дарили, уж извини, — раздался ехидный голос, — но теперь у нас для тебя есть чудесная книжка, хи-хи-хи. Вон она, в кладовке. Сходи, сама возьми». «Спасибо, Карина», — проговорил кто-то тихо в ответ. И я оказалась в маленьком рюкзачке.

Я снова услышала звуки улицы. Потом раздался топот ног и крики: «Идет наша Конопатка, у нее рыжая даже пятка!» И в рюкзак ударился камень.

— Фр-р-р-р... Это мальчишки с нашего двор-ра. Они так Светика нашего дразнят за то, что она... мр-р-рыженькая. Мне от них доставалось р-раньше, — Тимофей нервно дернул хвостом.

— Принесла она меня домой, положила на стол, а сама не открывает меня. Сидит и молча слезы ладошками вытирает. А слезинки-то словно алмазные капельки!

«Ты что это? Опять дразнили? — проговорил мягкий старческий голос. — Мое ты солнышко, ничего-то они в красоте не понимают, золотко ты мое. Иди, я тебя обниму... Вот так... Светик, а это что ж такое?» «Тетя Аня с Кариной какую-то книжку отдали, она им не нужна. В кладовке валялась. Вон ее всю мыши обгрызли», — всхлипывая, ответила девочка. «Ну-ка, ну-ка, давай посмотрим... Ох, внученька, а книга-то какая!!! Это же сказки Андерсена!!! И «Снежная королева», и «Дюймовочка», и «Дикие лебеди», и «Гадкий утенок»! А картинки-то — просто чудо! Как живые! Ну-ка, переставай плакать, неси скорей клей, ножницы, кисточку, а я тесемку нарядную поищу», — ласково проговорила бабушка.

Тут у них работа закипела: смазали мне клеем корешок, края обложки, приложили тесемку, обрезали ее аккуратно, и Светик засмеялась счастливо: «Смотри, бабушка, она совсем как новая!»

А потом Светик принесла старый плед, они сели на диван рядышком и до вечера просидели, обнявшись, читая

меня по очереди. Уже стемнело, они зажгли лампу, но все не шли спать. Мне так хорошо было в их руках... Тепло... Они так бережно переворачивали страницы, так внимательно рассматривали картинки, так искренне переживали за героев! Лучшей судьбы для книги не пожелаешь!.. А знаешь, куда кладет меня Светик на ночь?

— Мр-р-р... наверх-рное, н-на полку?

— Нет!.. Себе под подушку! А я ночью нашептываю ей свои сказки. И тогда ей снятся чудесные сны...

— Мр-р-мяу! — оживился кот. — А знаешь, после твоих сказок Светик изменилась! Она всегда была доброй, а теперь стала еще и смелой, как Герда из «Снежной королевы»... Мр-р-р... Помнишь, как она плакала над «Гадким утенком»? Она думала, что она такая же гадкая и несчастная, как он. А когда дочитала до конца, сказала: «Я обязательно стану такой же, как те лебеди!» Теперь она ходит в кружок балльных танцев. Мр-р-да... ее уже взяли в основной состав! — кот хитро прищурился. — Мр-р-р... И мальчишки больше не дразнятся, а спорят, кто из них понесет ее портфель... Она их простила... Это ведь ты ее всему научила!..

— Я так рада, что принесла пользу! Ради этого меня и создавали, и печатали! Но... знаешь... Мудрая книга, которая стояла в магазине на соседней полке, открыла мне один секрет: мы ничему не учим, а только помогаем человеку увидеть то, что уже есть у него в сердце. Читая книги, добрый станет лучше, сильнее и чище, научится любить и прощать. А злые ничего не увидят на наших страницах — только буквы...

— Мр-р-да... Мудр-р-о... Ты сделала то, о чем мечтала... Теперь — на полку?.. Выр-растает Светик, другие книжки читать будет.

— Мне кажется, что она про меня не забудет, будет беречь. У нее доброе сердечко. И я чувствую, что моя история на этом не заканчивается...

— Мр-р-р... Посмотр-рим, посмотр-рим...

Плацебо

Книга — лекарство от всего. Почему? Человек, задающий такой вопрос, должно быть, никогда не читал. Он, вероятно, брал по настоянию учителя в руки книгу, возможно (если учитель был очень настырен), даже осилил «Войну и мир». Но такой человек не читал. Он не умеет задерживать дыхание, строчка за строчкой пробегая глазами момент смерти Базарова; он не умеет смахивать текущую по щеке непрошенную слезу, сохраняя от ее попадания страницы «Евгения Онегина»; он не умеет искренне, всем сердцем рваться куда-то в неведомое: на скалистые берега Волги, тщетно стремясь остановить, спасти Катерину Островского. Он смотрит в книгу, он изучает книгу, но он проходит мимо нее. Как в школьной программе, где книги должно «проходить», а не «читать».

А тот, кто читает — счастлив. Такой человек знает, что сидеть вечером в компании книги — это высшее счастье на свете. Чудесны люди, обращающиеся к книге в любые минуты жизни. В минуты грусти ли, обиды, или напротив, безграничной радости. Книга для таких людей — истинное лекарство, позволяющее от всего отойти, все пережить и со всем справиться. И вот о таком человеке сегодня наш рассказ...

Стуча небольшими каблучками по бетонному тротуару, по одной из обычных петербургских улиц на окраине города бежала куда-то прелестная девушка. Хотя почему «прелестная»? Многие посчитали бы ее напротив, далеко не привлекательной. Она была очень стройной, даже, скорее, худой, ее тоненькие ножки, казалось, вот-вот подкосятся, и она рухнет прямо на холодный асфальт. Слегка сгорбленная от постоянного усердного труда спина, острые черты лица, большие линзы очков, небрежно собранные в подобие хвоста волосы — все это выдавало в ней этакую дурнушку,

которая и за своим внешним видом-то не особенно следит, не говоря уже о молодых людях, отношения с которыми так увлекают ее сверстниц. Одна деталь в ее образе должна привлечь нас, и именно эта деталь и позволяет автору с легкой руки называть ее «прелестной» и никак иначе. Она бежала, сложив руки на груди, сжимая потрепанную временем книжку.

Что это за книга мы, вероятно, узнаем позднее, ведь девушка так сильно прижимала ее к груди, что надпись на обложке различить было невозможно. А пока она быстро семенила по улочке под тенью сирени, расцветавшей под теплым майским солнцем. Бульвар даже так и назывался — «Сиреневый», ибо сирени на нем было столько, что весь тротуар был закрыт от солнца, кроме маленькой яркой полоски света у самого его края. Остальная часть улицы была покрыта своеобразным камуфляжем, из-за которого изредка кое-где просачивались единичные солнечные лучики. Только что прошел дождь, напоминавший те самые известные всем петербургские дожди в мае, которые начинаются, разочаровывая собой жителей, а затем, когда те решительно отказываются от выхода на улицу, вдруг перестают идти. Небо, как обычно бывает в такие моменты, было разделено на две части. Над нашей героиней и городом простиралось голубое небо без единого облачка, а где-то на севере, за городом, нависала над горизонтом огромная, нескончаемая гряда туч, заставлявшая жителей останавливаться на улице и вглядываться туда, вдаль, поражаясь громадам грозových облаков и пытаясь спрогнозировать, как скоро это дойдет до города.

Но нашей героине было все равно. Она не обращала внимания ни на небо, ни на зевак — она стремилась к своей цели, готовая, судя по настрою, смести все, что подвернется у нее на пути. И смела...

Прямо перед ней, будто из ниоткуда, возникла юркая женская фигурка, метнулась куда-то в сторону, пытаясь увернуться от неминуемого столкновения, но, не справив-

пись с задачей, приняла на себя удар всего тела бегущей девушки. Обе пострадавших рухнули на асфальт.

— Поля, ты? — обратилась к нашей героине столкнувшаяся с ней.

Полина, все еще держась за голову, гудящую от неожиданного удара, подняла глаза чуть выше. Перед ней, опершись на руки и вальяжно улыбаясь, сидела Маша — хорошая подруга девушки. «Хорошая», потому что далеко не лучшая. Маша и Полина были знакомы с детства, но общего языка часто не находили. Маша была этаким «парнем в юбке», как принято говорить: всегда водилась больше с мальчишками, но не потому что имела к ним интерес, а потому что находила интересными все их занятия. Она любила футбол, агрессивную музыку и была без ума от типичных боевиков. Потому, несмотря на частое общение и неплохие отношения между девушками, Машу можно было назвать только «хорошей» подружкой Поли.

— Маша... я, да, — отозвалась наконец Полина, привстав с асфальта.

Маша быстро вскочила на ноги, отряхнула чуть испачкавшиеся брюки и тут же затараторила своим быстрым, похожим на нескончаемый треск или писк, голосом:

— Слушай, как здорово, что я тебя встретила сегодня! Я же хотела с парнями в футбол погонять, посмотришь на меня?..

— Я... — девушка замешкалась. — Я не знаю. Я хотела в библиотеку...

— В библиотеку, ты серьезно?! Кто сейчас вообще ходит в библиотеку, у всех же уже давно техника есть, что ты как пещерный человек-то?! — тут Маша бросила мимолетный взгляд на книгу, выпавшую из рук Полины во время падения. — А что это у тебя?

И она схватила и подняла небольшой томик быстрее, чем Полина успела что-либо сообразить. Однако не тут-то было, Поля так резко схватилась за книгу, когда она была уже в руках Маши, что та невольно отпрянула, но хватки не

разжала. Вот и стояли две наших героини, пытаясь завладеть одной книгой.

— Отдай... — настойчиво и четко проговорила Полина.

— А что за книга хоть? — Маша так сильно рванула книгу, что Полина пошатнулась и, избегая падения, инстинктивно разжала руку.

Завладев добычей, Маша суетливо повернула ее обложкой вверх и едва сдержала смешок не то умиления, не то иронического презрения.

Полина, однако, несмотря на хрупкий внешний вид, была девушкой боевой (об этой ее нестандартной черте мы еще упомянем позднее), а потому быстро выхватила свою собственность из рук подруги и снова прижала к груди. Маша хмыкнула, но «любезно согласилась» пройти с Полиной до библиотеки (на самом деле, она просто увязалась за подругой, так как горела желанием рассказать ей множество интересных и не очень деталей своей жизни). И хотя прогулки в компании Маши доставляли Полине весьма относительное удовольствие (подруга девушки постоянно громко кричала и очень активно реагировала на слова Поли и происходящее вокруг), она была рада тому, что до библиотеки будет идти не одна — как-никак, вдвоем всегда веселее.

У дверей библиотеки стоял молодой человек. Был он невысокого роста, бледный, молчаливый и, кажется, очень деликатный. Он стоял, сжимая в руках какой-то затертый учебник не то по физике, не то по астрономии, и с интересом изучал табличку на дверях заведения. Сколько он стоял там, Полина не знала, но стоял явно бесцельно. Он смотрел вроде бы на дверь, но взгляд у него был совершенно пустой, потерянный где-то в бескрайних просторах его буйного мозга и безграничной фантазии. О последних двух составляющих характера этого молодого человека Полина узнала несколько позднее, но я решил сразу познакомить вас с этим уникальным по-своему персонажем. Звали его

Андрей. Был он увлечен физикой страшно, знал по этой теме материалов на порядок больше сверстников. В руках сжимал томик учебника по физике за курс вуза, который проштудировал за неделю, при том являясь лишь учеником десятого класса какого-то физико-математического лицея. Как человек он, правда, был не из приятных. Знания его создавали в нем своеобразный полярный характер. То есть, если он знал, то приобретал вид напыщенный и самодовольный, а если нет — впадал в долгие депрессии, сопровождаемые изрядной долей самоуничужения на людях и достаточно частым выносом мозга его друзьям.

Сейчас на его лице виднелась явная грусть, причем не та, которая вызвана его собственным незнанием. Это была досадная грусть, гневная грусть, которая приводит в бешенство. Сдерживало Андрея от какого-нибудь резкого и грубого поступка только осознание собственного бессилия. Полина и Маша подошли к дверям, и Поля машинально, не обратив ни малейшего внимания на Андрея и даже не удостоив того взглядом, дернула дверную ручку. Та не поддавалась. Девушка нахмурила бровки и дернула еще раз. Результат тот же. Сзади послышался саркастический, но притом грустный смешок.

Андрей убрал учебник в наплечную сумку, резким рывком засунул руки в карманы замшевой куртки и кивком головы указал Полине на дверь библиотеки.

На старой деревянной двери, краска на которой обветрилась и местами обвалилась, висела табличка: «Библиотека закрыта. Открытие нового продуктового магазина — уже в июне».

Полина с трудом сохранила самообладание, ругнувшись себе под нос. Она еще раз дернула ручку, но решила-таки, что это бесполезно. Тщательно обыскав крайне информативную табличку на предмет номера телефона или еще какой-нибудь информации о возможностях связи с администрацией библиотеки, она, что неудивительно, потерпела катастрофическое фиаско. Маша постояла с ней еще

пару минут, взрывая носком асфальт, но потом заскучала и, бегло извинившись, побежала куда-то в обратном направлении, видимо, в сторону дворового стадиона.

Полина начала обзванивать знакомых, друзей, с которыми вместе ходила в библиотеку. Те чуть ли не хором отвечали ей, что уже в курсе ситуации и не видят в ней ничего критичного, мол, книги и дома читать можно. Полина весьма эмоционально откликнулась на подобные заявления, а потому где-то на десятый раз (а знакомых у нее было много), уже выйдя из себя, она бросила трубку так резко и так зло, что будь ее собеседник поблизости, он бы непременно бросился наутек.

Только после этого Полина обратила внимание на то, что Андрей еще стоит неподалеку и с гримасой легкой иронии на лице поглядывает то на нее, то на дверь библиотеки.

— Что?! — все еще злясь, резко спросила Полина.

— Да ничего. Просто забавно. Вы так себя ведете, будто конец света случился.

— Да, а Вы знаете, как много эта библиотека значила для меня?! Я еще детсадовской сюда ходила! Я здесь уже больше десяти лет книги читаю!.. Что мне теперь, дома, что ли, время проводить?!

— Вы тут просто читаете... А я приезжал сюда с другого конца города последние пару месяцев. Потому что здесь есть редкое прижизненное издание Менделеева в двух томах и издание «Ньютоновской физики» 1856 года. Мне эта литература для исследовательской работы крайне необходима. Больше их нигде нет — только в частных коллекциях. Вот и где их искать теперь ума не приложу.

Полина, уже изрядно разочарованная днем, вспомнила вдруг про свою воспитанность и поумерила пыл. Да, пожалуй, ей стоило вести себя посдержанней. У Андрея ситуация была посложнее — а у Полины-то дома была целая библиотека, зачитайся хоть!

Но, вдобавок ко всем несчастьям девушки, внезапно пошел дождь. Причем не тот грибной дождик, что шел с утра,

взбивая пыль и, в целом, освежая город, а настоящий ливень, обрушивающийся на Петербург, будто тяжелейшая серая стена, накрывая его внезапно и сразу начиная лить как из ведра. Девушка стояла на крыльце закрытой библиотеки, сжимая книгу в руках, облитая с ног до головы проливным дождем, и просто не знала, что может пойти еще хуже. Андрей тем временем изъясил из сумки небольшой зонтик, хладнокровно раскрыл его, будто вообще не обращая внимания на то, что на него сверху низвергались потоки воды, поднялся по ступенькам библиотеки и накрыл Полину. Все это он сделал, не издав ни единого звука, будто делал такое каждый день, это было для него настолько рутинно, что даже не вызывало эмоций.

— Спасибо,— проговорила Поля, зажимаясь под сень зонта.

— Да не за что... Вы где живете?

Шокированная неожиданным вопросом, Полина инстинктивно отстранилась от молодого человека. Она не привыкла доверять мужчинам. Одному особенно настырному однокласснику однажды нос чуть не сломала. Но это уже другая история... Лицо Андрея, в свою очередь, совершенно не выражало эмоций. Он выглядел очень грустным или уставшим.

— Нужно же мне проводить Вас до дома. А то промокнете. И книга вон испортится,— Андрей прервал напряженное молчание.

— А-а-а,— протянула Поля.— Недалеко, я покажу.

Андрей учтиво и сдержанно кивнул, и оба двинулись в сторону дома Полины. Жила она, к слову, и правда не так далеко. Ходьбы было минут пятнадцать. Андрей, несмотря на кажущуюся молчаливость, которую он старался сохранять поначалу, оказался собеседником для Полины весьма интересным и крайне активным. Сразу уяснив, что в физике Поля хоть и смыслит что-то, но ничего занимательного не видит, Андрей ловко и умело переменял тему разговора на более нейтральную. Обсуждали они всякое. За образом

этакого умника, маниакально одержимого физикой и иже с ней, в Андрее скрывалась сущность человека разностороннего, умеющего с равным успехом говорить о политике, философии, биологии, психологии и даже поэзии.

Диалог не затихал ни на минуту. Андрей уже вел себя совершенно раскрепощенно, не стеснялся шутить, смеяться вместе с Полиной, которая и сама уже перестала испытывать стеснение в связи с новым знакомством и столь неудачным днем. Даже струящиеся ручейки воды, которые девушке все чаще приходилось перепрыгивать, несколько не мешали ей оживленно общаться с новым знакомым.

— А вот Пушкина я не люблю. Ну вот переоценен он, на мой взгляд. Да, стихи у него очень хорошие. Но ведь есть же не менее талантливые поэты. Тютчев, Фет, Блок, Есенин. Маяковский вообще мой любимый! А вот Пушкин хоть и талантлив, но, на мой взгляд, получает слишком много славы. Вот чуть ли не на каждом углу: «Пушкин» да «Пушкин». Будто бы на нем свет клином сошелся, — рассуждала Полина, уже окончательно перестав испытывать дискомфорт при общении с Андреем и не стесняясь рассказывать ему самые откровенные свои мысли и мнения.

— Ну, насчет Пушкина ничего не скажу. Я сам Тютчева предпочитаю. «Silentium» вообще мое любимое стихотворение уже на протяжении едва ли не половины жизни. А у Пушкина любовная лирика мне нравится... А что за книга у Вас?

Только сейчас Полина обратила внимание на то, что она все еще шла, сложив руки на многострадальном томе, все так же сильно прижимая его к груди передней стороной обложки к себе. При неудобном вопросе девушка еще сильнее прижала книгу и ответила максимально непринужденным тоном:

— Неважно. Но моя любимая!..

— Это здорово. Но могу я узнать о предпочтениях?

— Может быть. Только позже...

Тем временем они уже подошли к подъезду Поли. Дождь все не утихал, но девушка уже вовсе перестала обращать на

него внимание. Она была настолько увлечена новым знакомством, что, наплевав на дождь и манеры, которые так заботили ее обыкновенно, дерзнула попросить Андрея постоять с ней подольше. Молодой человек искренне улыбнулся этой просьбе и легко согласился. Стояли они еще минут десять, обсуждая вещи, которые не успели обсудить по дороге.

— Ну, полагаю, книгу ты мне все же не покажешь? — спросил Андрей под конец разговора, когда они уже успели перейти на «ты».

— Ну извини. Это личное. Ты смеяться будешь...

— Не буду, обещаю.

Полина опустила взгляд в землю и смущенно ответила:

— Все-таки нет.

— Ну как скажешь... Просто есть у меня один друг. Он замечательный человек. И я очень хочу быть на него похожим. Он умеет почти все: и прозу, и стихи пишет, и рисует неплохо, и учится достойно, и в общении всегда приятен. Правда, сам он считает, что умеет мало. Но не мне судить о его талантах, для меня он, можно сказать, кумир. Но не в этом дело. Он мне сказал однажды: «Книга — лекарство от всех болезней. Если тебе плохо — читай книгу, она погрузит тебя в другой мир, и ты отдохнешь от реальности. Если тебе хорошо — читай книгу, она будет искренне радоваться вместе с тобой лучше всякого человека. Если ты не знаешь, что делать и как быть — пиши книгу, все эмоции она впитает, и родится шедевр — ты сам, твои истинные мысли и чувства в книжном переплете». Я склонен ему верить. Просто подумай о том, что твоя любимая книга, возможно, — лекарство от всех твоих проблем. А если она тебя излечит, какая разница, где принимать эту таблетку плацебо — в лазарете-библиотеке или на дому?

— Но библиотеку нашу все равно жалко.

— Ужасный век! — Андрей пожал плечами. — Библиотеки вымрут. Возможно, скоро. Но вымрут рано или поздно. Вымрут ли книги? Это уже зависит от тебя. От человека, который любит книгу. От человека, который любит читать...

Расстались они как-то бегло, Андрей торопился — сказал, что и так задержался дольше положенного...

Разговор с ним, а именно последние фразы молодого человека, несмотря на общий позитивный фон диалога, оставили в Полине какой-то непонятный тяжкий след. Она вдруг осознала всю суетность и всю бессмысленность того, что она устроила у стен закрытой библиотеки. Первым делом, придя домой, девушка поставила книгу на полку. Она сделала это быстрым, отрывистым движением, будто боялась, что кто-то еще следит за ней и узнает ее тайну, вот-вот поймет, что за книгу она так тщательно укрывала. Протолкнув том между двумя соседними книгами, она еще немного постояла, держа руку на переплете любимого издания. Опустив голову в пол, девушка напряженно думала над чем-то. Затем она пробежала взглядом по книжным полкам, так и не выпустив из руки корешок. Резко и неожиданно она подошла к другому концу длинной череды из трех стоящих вплотную книжных шкафов домашней библиотеки, достала с полки три запылившихся старых тома, положила их на письменный стол пустого кабинета и под солнечным светом, проникавшим в комнату после прекратившегося внезапно ливня, упаковала книги в оберточную бумагу. Сделав так, девушка схватила телефон и, не произнося ни слова, только напряженно дыша, набрала сообщение... Получив через несколько секунд ответ, она радостно кивнула, взяла в охапку стопку книг и понесла их прочь из пустой квартиры...

Все закончилось неплохо, в общем. Хотя почему закончилось? Все только началось: Полина и Андрей нашли друг в друге интересных и приятных товарищей, а последний получил долгожданные два прижизненных тома Менделеева и «Ньютоновскую физику» середины девятнадцатого века (вот я даже не сомневаюсь, что эту маленькую загадку Читатель разгадал с самого начала). А что с другой загадкой? Ведь как-никак эта история о книге, если вы еще не заметили.

О книге, которую Поля несла в библиотеку, которую так берегла и тайну которой оберегала от всех. Именно она познакомила двух людей. Именно она помогла Полине пережить, как той сперва показалось, колоссальный удар. Должен же Читатель этого маленького и ничтожного в масштабах Вселенной труда, преодолев несколько страниц моей писанины, наконец узнать, что это была за книга? Автор? Название? Что угодно!

Вероятно, должен. Но не узнает. Уж так устроена эта жизнь. Загадки иногда остаются неразгаданными. Эту историю я рассказал ради книги. Самой по себе книги, а не ее названия, автора или содержания.

Читатель, прошу, пойми простую вещь: книга для каждого своя. Ты можешь читать что угодно и чьим угодно мнением руководствоваться в выборе чтения. Но когда ты найдешь свою книгу, ты это поймешь. Это будет твоя и только твоя книга, твоя интеллектуальная копилка. Это может быть что угодно: детектив или любовный роман, антиутопия или беллетристика — все это не имеет значения. О своей книге ты будешь заботиться, над ней ты будешь проводить томные одинокие вечера, только о своей книге ты будешь вспоминать всегда — в минуты радости и грусти.

Вот и у Полины есть такая, ее и только ее книга, которую она по своей воле никому не покажет. Желаю и вам найти себе такую.

Ведь книга — лекарство от всех болезней. Если тебе плохо — читай книгу, она погрузит тебя в другой мир, и ты отдохнешь от реальности. Если тебе хорошо — читай книгу, она будет искренне радоваться вместе с тобой лучше всякого человека. Если ты не знаешь, что делать и как быть — пиши книгу, все эмоции она впитает, и родится шедевр — ты сам, твои истинные мысли и чувства в книжном переплете...

Читайте, люди, ведь это прекрасно! Пишите, люди, ведь так вы познаете себя и мир! Любите, люди, любите все вокруг, и особенно любите свой большой мир в маленьком томике, созданный кем-то другим для масс, но принятый именно вами!

*Пошехнова Татьяна (7 класс),
Гатчина Ленинградской обл.*

Теперь со мной рядом Мэри и Роберт

— Нашему классу нужно подготовить рекламу фильма «В поисках капитана Гранта», — сказала Вика, посмотрев сначала на Светлану Геннадьевну, а потом на ребят 7 «А».

— Все: завтра смотрим фильм и выбираем самый интересный эпизод, чтобы сыграть его на сцене, — решительно заявила Светлана Геннадьевна, наш классный руководитель.

— А я знаю: фильм этот снят по роману Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Я прочитал эту книгу летом, — сообщил одноклассникам Никита. — Там такие приключения!

На следующий день мы всем классом смотрели первую серию фильма режиссера Станислава Говорухина «В поисках капитана Гранта», снятого по мотивам романа французского писателя Жюль Верна.

— А в книге не такое начало, — прошептал несмело своему соседу по парте Никита, как только начался фильм.

— При чем тут книга, когда нам надо выбрать эпизод фильма, — тихо произнесла я, посмотрев с недоумением на Никиту.

— Ты пьесу пишешь? — спросила героиня фильма.

— Нет, повесть.

— О чем же?

— О путешествии на воздушном шаре, — сказал Жюль Верн своей возлюбленной. Но она стала его упрекать в том, что не мешало бы кое-что купить на ужин... И отправилась просить лавочника о продлении кредита.

Далее сцена за сценой, эпизод за эпизодом. И вот перед нами уже Лорд Гленарван, отправившийся в опасное плавание на поиски пропавшего капитана Гранта, взяв с собой его детей — Мэри и Роберта.

И, как это всегда бывает, на самом интересном месте фильм прерывается — прозвенел звонок с урока. Нужно было идти на алгебру.

Елена Юрьевна стояла у доски и объясняла новую тему. А мне не давала покоя мысль: что же будет во второй серии. Но тут я подумала, что фильм можно досмотреть дома — достоинство современных технологий. Нет... Это отпадает: вечером как всегда братик сядет за компьютером и будет играть или смотреть мультики. А мне придется делать уроки.

Но вот — идея! У моей бабушки столько книг! Уж эта наверняка есть! Попрошу у нее. Она обрадуется. Бабушка всегда говорит: «Книги надо читать!»

И уже вечером, уютно устроившись в кресле, я погрузилась в мир необыкновенных приключений: «26 июля 1864 года при сильном северо-восточном ветре мчалась, на всех парах вдоль Северного пролива великолепная яхта. На верхушке ее бизань-мачты развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты виднелись расшитые золотом, увенчаные герцогской короной инициалы «Э. Г.» Яхта носила название „Дункан“». На ней находились лорд Гленарван, его молодая жена леди Элен и двоюродный брат — майор Мак-Наббс. Яхта возвращалась из пробного плавания, и вдруг... акула. С нее-то все и началось.

В брюхе хищницы оказалась бутылка с письмом, в котором сообщалось о том, что 7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия» затонуло у берегов Патагонии в Южном полушарии. Капитан Грант и два матроса могут оказаться в плену у жестоких индейцев и погибнут, если им не помогут.

«24 августа Гленарван, леди Элен, майор Мак-Наббс, Мери Грант и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард яхты, и его жена, миссис Олбинет, состоявшая горничной при леди Элен Гленарван, покинули Малькольм-Касл. Слуги, преданные семье Гленарван, трогательно прощались с ними», — с большим интересом читаю я строки романа.

И передо мной уже — берега Северной Африки, экватор, высокие горы, пролив Магеллана, тюлени, киты и... бурное море. И я уже точно знала, куда держит путь «Дункан».

Вместе с героями книги я перешла через Чили, провела ночь с путешественниками у подножия сьерр — первых ступеней огромного хребта Анд. Преодолела высоту в двенадцать тысяч футов, спустилась с Кордильер, побывала на Аргентинской равнине, в Австралии и в других необычных местах, прежде чем оказалась на пустынном острове Табор, на котором ставшие уже моими друзьями герои романа и нашли капитана Гранта. Разве можно забыть просторы Атлантического океана, индейцев, опасные и удивительные приключения путешественников, которые возвратились в Англию и осуществили свои самые сокровенные желания.

Через несколько дней мы досмотрели все серии фильма. Но я уже заранее знала, что приготовила судьба Мэри и Роберту — детям капитана Гранта, что Айртон оставят на острове Табор за совершенные им преступления, где он проведет двенадцать лет — вплоть до событий романа «Таинственный остров». Знала, что финал будет счастливым.

Нельзя переоценить достоинство книги! Когда читаешь, ярко представляешь себе все события, героев, вместе с ними преодолеваешь преграды, испытываешь лишения, совершаешь подвиги. А главное — начинаешь на мир смотреть другими глазами, открывая его заново.

Конечно же, выступление нашего класса прошло на ура. И я вернула книгу бабушке. Но удивительно, теперь на уроках я стала меньше волноваться, когда называют мою фамилию. И одной в комнате ночью оставаться уже не страшно: ведь со мной рядом отважные Мэри и Роберт, дети капитана Гранта, да и сам Гарри Грант всегда готов дать совет, как поступить. Так книга изменила мое отношение к действительности, мою жизнь.

И еще: теперь я обязательно прочитаю роман-робинзонаду «Таинственный остров» Жюль Верна, продолжение «Детей капитана Гранта». Так хочется отправиться в новое

увлекательное путешествие и узнать, изменил ли Айртон свое отношение к людям, к жизни или опять пытается поднять бунт против моих любимых героев.

*Прямикова Елена (7 класс),
Оленегорск Мурманской обл.*

Я, Маринка плюс повесть «Динка»

Сегодня я успешный писатель, автор многих детских книг. Вы, конечно же, мне не поверите, если я скажу, что в детстве меня совсем не интересовало такое скучное и нудное занятие, как чтение, а привила мне любовь к книгам моя младшая сестра Маринка. Хотите, расскажу, как это было? Тогда слушайте.

В то время, о котором пойдет речь в моем рассказе, я предпочитал играть в футбол, лазить по деревьям и все свободное время проводить на улице. А вот моя младшая сестренка, наоборот, просто обожала книги. С раннего детства они заменяли ей любые игрушки. В то время Маринка еще плохо читала, и маме приходилось часами просиживать в кресле, чтобы удовлетворить Маринкину страсть к книжкам. Мама со вздохом открывала очередной томик и погружалась в чтение. Я совсем ее не слушал, мне больше нравилось наблюдать за сестрой, которая буквально проглатывала каждое слово, при этом то открывала рот, то подавалась вперед, временами у нее вытягивалось лицо, принимая забавное выражение. Мне становилось смешно, я не выдерживал и начинал хихикать, мама прерывала повествование и с упреком смотрела на меня, грозя пальцем. Тогда я тихонько выскальзывал из комнаты и довольный шел на улицу.

Однажды мама прочитала Маринке книгу Валентины Осеевой «Динка». Она настолько потрясла сестру, что та всюду ходила с ней: гулять с «Динкой», обедать с «Динкой» и, даже отправляясь спать, бережно укладывала «Динку» под подушку. Сначала Маринка хотела навязать исто-

рию дружбы детей своим сверстникам, но ребята не горели желанием читать толстую, тяжелую, без единой картинки книжку, поэтому сестра переключилась на домашних и постоянно пыталась рассказать мне про какого-то Леньку с баржи и про Динку с какой-то мышью. «Ты представляешь,— таскалась за мной Маринка,— этот шарманщик ей только пяточок дал. А она много пела, много!». Обычно в таких случаях я цыкал на сестру, и она бежала донимать маму или отца.

В один из летних деньков, когда солнышко светило ярко-ярко, ко мне забежал мой лучший друг Сашка.

— Ванька,— заорал он с порога,— ты чего дома сидишь?! Одевайся быстрее! Ты что, забыл? Ребята во дворе сейчас в разведчиков играть будут!

— Точно,— хлопнул я себя по лбу,— я мигом!

Пока я собирался, Сашка тараторил:

— Только нам нужно придумать, как донесения в штаб передавать!

— Я знаю,— вспомнил я все просмотренные мною фильмы про шпионов,— их нужно съесть!

— Да как же их в штабе прочитают,— удивился Сашка,— если ты их съешь?

— Да, нестыковочка,— почесал в затылке я.

Тут дверь Маринкиной комнаты приоткрылась, и сестра высунула оттуда свою хитрую физиономию:

— А я знаю! — загадочно сказала она. — Записку нужно в бублик засунуть. Динка с Ленькой всегда прокламации в бублики прятали и ниткой бублик перевязывали.

— Какие прокламации? — удивились мы.

— Ну, листовки революционные. А чтобы нитку не видно было, они ее в крепком чае вымачивали.

Мы с уважением посмотрели на Маринку.

— Ух ты, действительно! Ванька, тащи бублики,— требовательно произнес Сашка.

Маринка говорила что-то еще, но мы уже не слушали. Схватив со стола связку бубликов, мы бросились на улицу.

Игра затянулась до вечера. Идея с бубликами понравилась всем мальчишкам во дворе. Каждому хотелось спрятать свое донесение в бублик. В завершении игры я залез на дерево, чтобы посмотреть, не сидит ли где-нибудь в кустах шпион, но тут ветка громко хрустнула, подломилась, и я упал на землю, по пути напоровшись на что-то острое. Боль пронзила все тело, мне показалось, что спину разрезало на две половинки. Продолжать игру я больше не мог, поэтому тихонечко поплелся домой. Я шел и думал о том, как же мне попадет от мамы. После того, как в прошлом году я свалился с ветки и сломал руку, мне к деревьям близко подходить запретили. За такую провинность могли и прогулки лишить на неделю или даже на две. Кое-как я заполз в квартиру, и тут же в коридор выбежала Маринка.

— Что с тобой?! — ахнула сестра. — Я сейчас маму позову!

— Не смей! — зашипел я. — Пойдем со мной.

Я схватил Маринку за руку и потащил за собой. Мы вошли в мою комнату и плотно закрыли дверь.

— Ты понимаешь, — стал объяснять я, — я с дерева свалился, и у меня спина развалилась. Вот, посмотри!

Я задрал футболку.

— Ого! У тебя на спине такой шрам вздулся! — испуганно прошептала сестра, потом немного подумала, крикнула: «Я сейчас!» — и исчезла за дверью.

Вернулась она с большим полотенцем, смоченным холодной водой, плюхнула его мне на спину и сказала:

— Вот так и лежи. За ночь все как рукой снимет.

Маринка не обманула. Утром я проснулся бодрый и свежий. Забыв о вчерашних страданиях, соскочил с кровати и побежал на кухню. Сестра сидела за столом и пила чай.

— Маринка, — заорал я, — и правда не болит! Где ты такой хороший способ выискала?

— Это все Динка! — важно отозвалась сестра. — Она так делала, когда ее Ленькин хозяин мокрой веревкой высек.

У нее знаешь, какая спина была — вся в багровых рубцах. Не то что у тебя.

«Опять эта Динка», — подумал я, а вслух язвительно спросил:

— Если твоя Динка такая умная, может она нам подскажет, с каким боевым кличем нам в бой идти, а то мы с ребятами ничего новенького придумать не можем.

— Подскажет, конечно, подскажет, — весело закивала головой Маринка, — нужно кричать «Сарынь на кичку!». С этими словами сам атаман Стенька Разин на врага шел.

Тут мое терпение лопнуло.

— А ну, тащи сюда свою «Динку», — разозлился я.

Сестра радостно побежала к себе в комнату и вернулась с «Динкой». Я взял книгу, выгнал Маринку и начал читать. Признаюсь честно, первые десять страниц я едва осилил. Несколько раз я порывался бросить это занятие, но каждый раз в дверях появлялась Маринка и, заглядывая мне в глаза, спрашивала:

— Ну что, Ванечка, интересно?

Я хмуро кивал головой, и дверь захлопывалась. Незаметно для себя я увлекся, забыл обо всем на свете, и оторвать меня от чтения было уже невозможно. Книгу я прочитал на одном дыхании. Она оказалась очень интересной. Над некоторыми местами мы с сестрой смеялись до слез: и как Динка вела душевные разговоры с бабушкой Никичем, и как торговала рыбой на базаре, и как прятала крупу и котлеты, пытаясь подкормить Леньку, и как отваживала жениха Сахарную Голову от Кати, и как мыла посуду после отъезда Лины и еще многое-многое другое. А когда Динка привязала себя к стулу, чтобы ее не увезли без Леньки, я чуть не разрыдался.

Перевернув последнюю страницу, я позвал сестру. Дверь тут же открылась, и Маринка заглянула в комнату.

— Марин, а у тебя есть еще..., — окончить фразу я не успел, потому что сестра выскочила из комнаты и вернулась с целой кипой книг.

После этого случая я навсегда полюбил чтение. Что может быть более увлекательным, чем окунуться в мир приключений и забавных историй. Сначала я читал книги по выбору Маринки, но освоившись, стал предпочитать более «взрослую» литературу. Некоторые произведения я предлагал сестре, потом мы вместе обсуждали их.

Сейчас моя младшая сестра работает в издательстве. Она до сих пор обожает читать книги. И прочитывая то или иное удачное творение, мы обязательно советуем его друг другу.

Вот так одна книга изменила всю мою жизнь. Уже будучи взрослым человеком, я сам пишу истории для детей, надеясь убедить моих читателей в том, что чтение — отнюдь не скучное, а очень увлекательное и интересное занятие.

Пушинева Юлия (9 класс), Санкт-Петербург

Не суди книгу по обложке

В детстве я очень любила слушать бабушкины истории про ее жизнь, про то, чем она занималась в годы юности. К началу Великой Отечественной войны ей было четырнадцать лет. Бабушка рассказывала, какое трудное время это было, вспоминала, как они с семьей голодали. По словам бабушки, самым ценным для нее на тот момент была книга. Книга, которую она умело ото всех скрывала, потому что всё, что можно было сжечь, отправлялось в печку-буржуйку.

Когда я подросла и стала старше, бабуля подарила мне эту книгу на день рождения. Потрепанная книга предстала передо мной. Ее вид не очень впечатлил меня, читать я ее стала не сразу. Долгое время она пылилась на самой верхней полке книжного шкафа, прежде чем мои пальцы коснулись ее пожелтевших от старости страниц. Иногда она все же попадалась мне на глаза, но я не осмеливалась ее открыть и погрузиться в ту фантастическую историю, которая таилась в книге. Так прошел год, потом еще один. Наступило долгожданное лето.

Как-то раз, вернувшись домой с прогулки, от скуки я решила что-нибудь почитать. Когда я открыла шкаф, то обнаружила пропажу моего позабытого подарка. Долгие поиски не были напрасны, я нашла книгу на своем столе, к ней прилагалась записка, написанная бабушкиным почерком, в ней было сказано: «Не суди книгу по обложке...» И, немного поразмыслив, я решила прочитать ее во что бы то ни стало!

На обложке уже почти стертыми печатными буквами было написано: М. А. Булгаков «Собачье сердце». Я углубилась в чтение и спустя несколько часов выполнила поставленную задачу. Повесть очень впечатлила меня, я никак не ожидала такого интересного содержания от такой внешне ничем не примечательной книги. Я читала ее на одном дыхании, желая узнать, что же дальше будет происходить с Шариком, позднее — с Полиграфом Полиграфовичем Шариковым. Потом я еще несколько дней ходила под впечатлением от прочитанного и даже взялась посмотреть фильм В. Бортко, снятый по книге.

Я действительно благодарна своей бабушке за то, что она подарила мне самое ценное, что у нее было: память, надежду и веру, которые поселились в книге в годы войны и продолжают жить в ней и по сей день. Бабушка научила меня, что у не самого привлекательного предмета есть душа, которая иногда скрыта, прочитанная книга стала для меня наглядным тому примером. Сейчас, зная эту мудрость, я никогда не ошибусь ни в выборе друзей, ни в выборе книг, ведь не все то золото, что блестит.

Пятин Артем (8 класс), Санкт-Петербург

Демон книги

Часть 1. Безумец

Кофе успел остыть, но все равно взбодрил, что несказанно обрадовало Алексея. Он был библиотекарем, а значит ему нужно было быть бодрым в это утро понедельника, дабы не потерять чего-нибудь при обязательной ежене-

дельной инвентаризации. Собираясь на работу, он думал о своем странном сне. Он ходил среди полок, казалось бы, своей почти родной библиотеки, но не узнавал ни одной книги и не мог найти выход из бесконечных рядов стеллажей. Вдруг откуда-то сзади послышался глухой стук. Перед тем как проснуться, Алексей успел увидеть позади себя человека, чей образ теперь не давал ему покоя. Если бы не работа, библиотекарь провел бы за размышлениями весь оставшийся день. Однако необходимо чем-то зарабатывать на хлеб, поэтому через десять минут Алекс (так его называл младший брат) стоял на автобусной остановке среди зимнего тумана и классической русской слякоти.

Дима, как обычно, опаздывал на работу, что позволило Алексею снова впасть в размышления. Человек из сна не был похож на нормального человека из этого мира, скорее, на фанатика из каких-нибудь фантастических романов, которые Алексу не особо нравились. И теперь он понимал почему: этот «фанатик» не был уродлив или противен внешне, но производил впечатление человека, который видел то, чего никто не должен видеть. В его глазах играло что-то...

Дверь негромко скрипнула, и Алексей чуть не закричал. Вошел Дима, паренек двадцати трех лет, помогавший в библиотеке.

— О, привет, вы уже здесь? Я немного проспал, ничего без меня не случилось? — немного вздрогнув, спросил он. По-видимому, его тоже сегодня посетил неприятный сон.

— Нет, проходи, давай начнем инвентаризацию.

— Ага, точно, сегодня же понедельник, — рассеяно произнес парень.

— Все хорошо, Дима? — поинтересовался библиотекарь.

— Да... Да, просто приснился странный сон. Я его забыл, но помню, что он мне не понравился.

— Сон говоришь? Хмм... Ты знаешь, а мне ведь...

Дверь со стуком распахнулась. Алексей уже хотел предупредить посетителя, что библиотека еще закрыта, но, по-

смотрев на него, опешил. Перед ним стоял человек из сна. Он выглядел достаточно молодым, но из-под капюшона его странного балахона показался клочок спутанных седых волос. Из-под того же капюшона сверкали глаза, которые могли принадлежать кому угодно, но не здоровому человеку. Когда он открыл рот, оттуда сначала донеслось шипение. Затем разразилась буря из слов.

— Это Хранилище? Конечно, это оно, я слишком долго шел сюда, чтобы это было не оно. О-о-о, прекрасно, хорошо, замечательно, теперь я смогу... Да, теперь мне есть куда... А как вас зовут? Впрочем, неважно, скоро вы все равно исчезнете из этой книги и попадете в ту, что... Ах, да, я же не представился, хотя это тоже не имеет значения, ведь я уже в Хранилище и я хочу... Да, я хочу отдать вам книгу. Что за книгу, вы спросите? Не знаю, хотя знал, когда нашел ее, и именно поэтому хочу передать ее вам. Держите, теперь это ваша ноша, — выдал он, развернулся, махнув своим плащом, и выбежал из здания библиотеки.

Оторопелые работники библиотеки смотрели на книгу, которую принес безумец. Массивная, в переплете из темной кожи, украшенная странными узорами, она производила впечатление. Углы переплета были укреплены каким-то необычным желтоватым металлом, из него же был сделан сложный замок и ключ, висевший на цепи, закрепленной на корешке. На лицевой стороне был символ в виде круга, пересеченного несколькими линиями, напоминающий не то сатанинский круг, не то скандинавские узоры.

— Давайте не будем ее открывать, — робко предложил Дима, и Алексей был полностью согласен. Они поставили книгу на полку в подсобке (подальше от своих рабочих мест) и работали до обеда, почти не разговаривая, потому что оба думали о странном посетителе и о своем сне...

Часть 2. Странности

— Слушайте, Алексей, может быть, осмотрим книгу? — спросил Дима после обеда.

— А не ты ли полчаса назад предложил не открывать ее и убрал куда подальше? — недоуменно ответил ему библиотекарь.

— Да, я знаю, просто... Ну мне кажется, мы должны это сделать, это же новое поступление, мы должны зарегистрировать его...

— Дима, ты хоть сам себе поверил? Хотя ладно, признаю, теперь я тоже хочу ее открыть, — честно сказал Алексей.

Книга лежала на столе. От нее пахло старой бумагой, морем и восковыми свечами. Замок был открыт. Работники библиотеки внимательно изучали надпись на титульной странице. Надпись гласила: «*Meminisse debet tenebrosi Dei libro exacuendum*». К сожалению, ни библиотекарь, ни его помощник не изучали латынь, а жаль: это могло бы спасти их. Первая страница, судя по всему, была оглавлением, которое тоже было написано на латыни. Дальше начинался хаос символов, схем, иллюстраций, напоминающих алхимические, но с оттенком безумия. Переворачивая страницу, Дима порезался о край, но ничего не почувствовал, потому что был слишком увлечен книгой. Парень очень любил все фантастическое. Алексей этим не страдал, поэтому через пару минут у книги появился кармашек для регистрационной карточки, наклейка с номером, и очарование пропало.

Книга была выставлена в витрине в углу читального зала, и через пару недель о ней перестали спрашивать завсегдатаи библиотеки. Тогда и начались некоторые странности.

Дима засиделся в библиотеке допоздна, дочитывая новый выпуск научно-фантастического журнала. Алексей давно ушел, было уже темно, и библиотека была закрыта. Те, кто позже смотрел записи с камер видеонаблюдения, видели, как парень бросает журнал на середине, встает и медленно направляется в читальный зал. Подходит к витрине с книгой. Внимательно смотрит на нее. А потом скрывается в слепое пятно камеры. На следующий день он не пришел в библиотеку.

Алексея это не удивило. По субботам его помощник иногда не приходил после веселой вечеринки, но библиотекарь справлялся и один. Намного больше его удивила стопка книг, лежащих на витрине со странной книгой. Ее не было, когда он уходил, а Дима всегда убирал все книги на место. Парень, как обычно опоздавший в понедельник, никак не прокомментировал это, очень аккуратно сменил тему. Раньше за ним это не водилось... Даже такой человек, как Алекс, почувствовал мистику, хотя никогда раньше не имел с ней дело.

Следующая странность не заставила долго ждать. Как-то раз в рабочее время сотрудники библиотеки сидели и занимались своими делами. Посетителей не было. Вдруг слышался звук падающего шкафа. Дима буквально взлетел и ринулся туда, откуда этот звук раздался. В течение минуты стояла тишина. Алексей от неожиданности застыл, направив взгляд в пустоту. Дима не подавал признаков жизни. По прошествии минуты он выглянул из-за полку. «Ничего не падало...» — вот что он сказал. Была среда.

Часть 3. Примум

Алексей в ту ночь долго не мог уснуть. Они обыскали всю библиотеку, но все стояло на своих местах настолько, насколько это вообще возможно. Библиотекарь не верил в магию, волшебство и «прочую чушь» — он был слишком зрел и серьезен для этого, как и подобает типичному старорежимному библиотекарю. И это определял не возраст, а склад ума.

Тем не менее, эта ситуация была нездоровой. Насколько Алекс мог знать, звуки падения обычно вызваны падением чего-нибудь. Это могла быть и чья-то глупая шутка, но у библиотекаря было странное чувство... Он уснул. И ему снился сон.

Те же бесконечные темные ряды полку, но теперь безумец не появлялся за спиной, а ходил рядом, то в соседнем ряду, то далеко впереди. Алексей шел уже очень много вре-

мени, когда вдруг попал в просторное помещение, в центре которого возвышался постамент. Как только Алексей начал подниматься, все вокруг начало рушиться, и он проснулся. Посмотрел время на телефоне. Была пятница, шесть утра. Это было вдвойне нездорово.

Работа встретила библиотекаря всегда пунктуальным, но теперь отсутствовавшим гардеробщиком и Димой, который выглядел как наркоман со стажем. На него больно было смотреть. При этом вел он себя абсолютно нормально, даже весело — шутил, каламбурил и задорно смеялся. На вопрос «Что с тобой?» предпочел не отвечать. В остальном день прошел нормально, не считая одного факта, который испугал Алексея даже больше, чем все остальное: стекло витрины, в которой лежала таинственная книга, еле заметно вибрировало, издавая тихий низкий звон.

В ту ночь Алексей не спал вовсе. Несмотря на полное одиночество и не особо большой заработок, у него был ноутбук, подаренный младшим братом, который работал в одной небезызвестной нефтепромышленной компании. Библиотекарь его не любил (и ноутбук, и брата), но на эти семь часов компьютер стал его лучшим другом. Целью исследования были древние, якобы магические, книги. Уже под утро где-то на захудалом форуме кто-то очень увлеченный этой темой написал, что у него была именно эта книга, что она называется «Примум», что на латыни обозначает «первый» (первый сборник демонологических формул, если быть точнее) и что эта книга — сборщик душ для древних богов. Алексей читал Лавкрафта. Алексей видел очень много странного в последнее время. И он понял, что от книги нужно избавиться любой ценой. Потому что ее возможности непредсказуемы.

На пути в библиотеку Алексею не встретилось ни одной живой души. У двери его слуха достигло дребезжание витрины. Теперь оно было намного сильнее. Настолько, что резало слух. Прикрыв уши руками, библиотекарь распахнул дверь. Внезапно звук стих, чтобы через секунду смениться

оглушительным звоном взорвавшегося стекла. Еще спустя мгновение раздался тихий вскрик Димы. Алексей вбежал в читальный зал. Парень лежал на полу в куче осколков, спиной ко входу, книги не было видно.

— Дима, ты как? — воскликнул библиотекарь, подбегая ближе. — Послушай, эта книга...

Алексея отшвырнуло метров на десять. Весьма чувствительно ударившись об пол и сломав пару пальцев на левой руке, он ошеломленно посмотрел туда, где стоял менее секунды назад. Там, в дальнем конце читального зала, безвольное тело парня поднялось в полуметре над полом и повернулось. В его глазах горели адские символы из Примума, а сама книга находилась у него в руках... Точнее, левитиговала возле них, покачиваясь вверх-вниз. «Здравствуй, Хранитель», — произнесло существо голосом, от которого у Алексея что-то в горле сжалось.

Часть 4. Врата

Как понял Алексей, дальше разговор шел на телепатическом уровне, причем говорить могла только сущность книги. И она начала монолог.

«Итак, это Хранилище. Что ж, мои странствия приводили меня и в более достойные места, но могу сказать, что бывало и хуже. Как ты мог заметить, Хранитель, я завладел волей твоего ассистента. Очень жаль, что мне пришлось прибегнуть к этому, однако в этой области Рерума это единственный способ общаться со смертными. Ты, наверное, задаешь себе вопрос: «Что он от меня хочет?» Я удовлетворю твое любопытство: мне нужно переместиться дальше, чтобы продолжить сбор душ для моего Архонта — здешняя эссенция слишком испорчена, она лишь навредит ему. Насколько я могу судить по психологическим установкам твоего ассистента, с которыми я ознакомился, ты думал, что мне нужно так называемое мировое господство. Однако эта реальность наполнена настолько примитивной тьмой, к примеру, жадностью, что захватывать ее было бы

скучно и бессмысленно. Итак, я просто хочу, чтобы ты не мешал мне провести ритуал и продолжить восстановление Архонта. Я думаю, ты понимаешь, что в таком случае эта реальность будет уничтожена, но могу сказать, что по вашим меркам это произойдет очень скоро. В общем, мое предложение таково: ты покидаешь это место, позволяя мне возобновить путь, выживаешь. Либо ты можешь попытаться противостоять мне и погибнуть, унеся с собой несколько сотен тысяч жителей этого города. Такой вариант глуп даже для уровня интеллекта вашей реальности. Итак, сейчас я позволю тебе говорить и хочу услышать твое решение».

Алексей сказал только одну фразу, которая была достойна любого великого героя: «Если реальность погибнет из-за тебя, то неважно, когда это случится — я попытаюсь остановить тебя». К сожалению, он не был великим героем. «Глупо», — промолвил Примум. Алексея отбросило еще метров на пять назад, двери читального зала захлопнулись, и вход заслонил завал из книжных полок. Алексей потерял сознание.

Когда он пришел в себя, первые секунды не было видно ничего — мрак, абсолютно черный и будто бы материальный, заволакивал все вокруг. Отовсюду доносились неясные звуки, шепот, сдавленные крики. По положению ног Алексей понял, что читальный зал прямо впереди. С трудом поднявшись, он устремился туда. Мгла, тяжелая и маслянистая, сковывала движения. В какой-то момент библиотекарь услышал детский смех и понял, что это его дети, хотя всю жизнь был одинок. Это сводило с ума. У самых дверей читального зала на Алексея, кажется, что-то упало, придавив насмерть, но каким-то чудом, тот все еще шел, словно ничего не произошло. Вокруг зависли неясные фигуры в разных положениях. Это был Алекс — все его возможные варианты, которые погибли на пути к дверям. Добрался только он. Какофония звуков уже сводила с ума, когда он дотронулся до ручек, хотя библиотекарь даже не заметил, когда эта какофония возникла. Двери распахнулись снова. Мрак исчез, но с той стороны окон не шел свет, потому что снаружи ничего

не было. В середине читального зала, выглядевшего теперь как какой-то безумный амфитеатр, был круг, а в нем на коленях и с задранной головой стоял Дима, судя по всему, уже полностью потерявший волю. Перед ним лежал открытый Примум и испускал волны огненно-оранжевого света.

Алексей бросился вниз по ступеням. Рядом с ним то бежали различные сущности, то проносились книги, устремляясь куда-то вверх. Когда библиотекарь достиг круга, его накрыла очередная волна света. Примум почти открыл Врата. Алексею ничего не пришло в голову, кроме того, чтобы перелистнуть страницу. В тот момент, когда он это сделал, наверху, там, куда слетались книги, открылся разлом. Раздался голос книги: «Что ж, это, возможно, была самая успешная попытка меня остановить. Теперь я попаду в реальность, где умеют мне сопротивляться. Неплохо, Хранитель. Но я невероятно мстителен». Вспышка яркого света и финальный вопль Дмитрия оглушил библиотекаря. Он успел увидеть, как за долю секунды книгу и паренька, точнее пустую оболочку из-под его души, всосало в разлом, как и добрую половину здания. Секунда между закрытием воронки и обрушением библиотеки (которая, к слову, находилась на первом этаже жилого дома) растянулась на несколько минут. Алексей молча смотрел, как с потолка падали книги, каждая из которых шептала возможную историю его жизни. Это его добило. Здание обрушилось в тот же момент.

Уже позже, когда спасатели разгребали завалы, они обнаружили чудом выжившего человека. Единственного выжившего. Он был сед как первый снег, раскачивался из стороны в сторону, обхватив голову руками и постоянно твердил: «Один слишком слаб, многие слабы, все непобедимы. Но они не объединятся. Они думают только о себе».

А где-то там, на другом конце Рерума, один простой мальчишка, еще не посвященный в секреты мироздания, нашел горстку пепла, в центре которой лежала большая книга. Но там знали, что с ней делать...

Моим будущим детям вместо завещания

Отраженье исчезнувших лет,
Облегченье житейского ига,
Вечных истин немеркнущий свет —
Это — книга. Да здравствует книга!

Т. Щепкина-Куперник

Недавно в нашей школе прошел семинар для руководителей школ района. Эмоциональным предисловием к нему стала литературно-музыкальная композиция «Возврати себе храм...» по стихотворениям Николая Рубцова. В каждом сердце человеческом самым святым является Любовь. Любовь к семье, к женщине, к родной земле, к природе. «И к книге тоже», — мысленно добавляла я, осознавая вместе со всеми сидящими в зале, как важна для нас сегодня экология души, экология слова.

... Вечер. Медленно иду домой. В голове рой мыслей, навеванных увиденным и услышанным. Как хочется кому-нибудь рассказать о том, что меня волнует, что греет душу! Но рядом никого. А может, попробовать составить завещание своим потомкам? Ведь скоро придет пора прощаться со школой и отправляться во взрослую жизнь. Что ж, попробую.

Итак, вместо завещания моим будущим детям.

Любовь к книге. Она у меня в крови с детства, и это не случайно. Я выросла в атмосфере почитания книг, которую создала моя бабушка, филолог по образованию. Сейчас она уже не работает в школе, но остается учителем русского языка по характеру и по призванию.

Книг дома у нас очень много, наверное, можно найти книги обо всем. У нас все очень любили читать.

Когда я была совсем маленькой и еще не знала буквы, с интересом слушала чтение взрослых. Быстро запоминала

рассказы и сказки. Не расставалась с «Федориным горем» Корнея Чуковского.

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть,
Чтоб посуду воротить...

Эту сказку я знала наизусть. Всегда просила, чтобы мне ее читали, и никогда не дослушивала до конца, потому что начинала рассказывать стихи сама с удивительной легкостью. Они казались мне волшебными!

Еще мне нравилась история кота Леопольда. Я без конца повторяла его знаменитое: «Ребята, давайте жить дружно!». И постепенно понимала, что в этом призыве — один из секретов человеческого счастья.

Домашняя библиотека, собранная бабушкой и дедушкой, долгое время была для меня тайной. С некоторыми книгами я отважилась познакомиться только недавно. А сколько еще интересных книжных сокровищ мне предстоит открыть! Чего стоит, например, «Библиотека всемирной литературы» в двухстах томах! Или собрание сочинений Шолом-Алейхема, многочисленные издания «Роман-газеты»... Изрядно постаревшие и пожелтевшие от времени, они не являются украшением полок, это голос ушедших поколений, поступь истории, это сокровища памяти, души, сердца. К этим сокровищам я стараюсь обращаться как можно чаще. У меня нет любимого жанра, мне нравится абсолютно все.

Недавно прочитала роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Какое серьезное и глубокое произведение! Мне кажется, оно не каждому под силу. Понять его, снова и снова не перечитывая, практически невозможно. Мне булгаковское творение понравилось. Но важно другое: мы обсуждали эту книгу всей семьей. «Все, что написано, — интересно, если человеку есть что сказать...», — писал Ю. Оле-

ша. Писателю Булгакову было что нам сказать, поэтому его роман волнует, будоражит, тревожит, радует, именно поэтому нам, читателям, есть что сказать автору и друг другу.

Вот, например, мой папа. Это очень коммуникабельный человек. Легко находит общий язык с любым человеком. Но самое главное для меня — с ним всегда можно поговорить практически на любые темы. А «виной» всему — книги: папа всегда любил читать, причем не только школьную литературу, но и то, что требует его душа. Бабушка говорит, что в детстве настольной книгой папы был энциклопедический словарь. Если он что-то не знал, не понимал, обязательно искал в справочниках нужную информацию. Эрудиция помогает ему и сегодня оставаться интересным собеседником.

Очень начитанной была в школе и папина сестра. Красиво и грамотно излагала свои мысли, была творческой и мечтательной натурой — и опять благодаря книгам.

Бабушка. О ней можно составить целый трактат. Умная. Грамотная. Эрудированная. «Ходячая энциклопедия», — называли ее коллеги в школе. Для меня бабушка как магнит: ее остроумие, красноречие, жажда новых знаний и впечатлений не может не притягивать. Красивое, точное, мудрое Слово — это ее стихия, согретая любовью и безграничным уважением к книге. От бабушки я научилась доверять книге, обращаться к ней как к спасательному кругу.

Да, книга всегда выручает меня. Со своими друзьями я общаюсь с помощью интернета, но читаю произведения, нахожу какую-то информацию только из книг. Книжный вариант греет мою душу больше, чем электронный. Думаю, что это не делает меня старомодной.

Очень мудрую вещь сказал Л. Н. Толстой: «Есть ум ума, а есть ум сердца». Я уверена, что у человека, который не читает книг, происходит истощение ума и сердца. Чтобы сохранить себя, мы должны много читать. Мы должны питать себя. Саморазвиваться.

На примере своей семьи я убедилась в том, что книги умеют объединять людей, сближают поколения. Они учат

нас любить. Любить природу, беречь ее. Любить животных. Людей. Учат любить самих себя. Любить жизнь. Книга — и это, может быть, самое главное, — учит мыслить. Она учит нас ценить остроумие, показывая, что иногда в шутке больше серьезного и полезного, чем в длинном и тягучем поучении. Я бы сказала, что книга напоминает ограненный алмаз: кажется, он эфемерен, в нем нет материальной основы, а на самом деле это самый твердый из природных камней. В книге читатель найдет твердую «породу» неизменно развивающегося, совершенствующегося человеческого сознания.

Смело могу сказать, что в нашей семье любовь к книгам стала добрым наследием. Сами книги мы воспринимаем полноправными членами семьи, это неотъемлемая часть нашей жизни. А коллективное обсуждение прочитанного — это хорошая, объединяющая нас традиция. Как только я закрываю последнюю страницу, у меня возникает непреодолимое желание обсудить книгу с родными, ведь мои родители, моя бабушка старше и опытнее меня, они могут открыть мне глаза на то, что я не заметила во время чтения, а я как представитель молодого поколения могу поделиться с ними своими взглядами, убеждениями. От наших душевных бесед, споров всегда остается ощущение близости и с пользой проведенного досуга.

Еще одна деталь: у нас в семье никто никого не заставляет читать. Мы читаем абсолютно разные книги, но это нас не разъединяет, наоборот, мы становимся дружнее, интереснее друг другу.

Книги — это наше зеркало. Для того чтобы узнать самих себя мир вокруг, нужна книга. Без книги-зеркала мы не увидим своего лица. А жить безликим невозможно...

Не допустите этого! Не выпускайте книгу из рук! Читайте, дорогие мои!

Я из мало читающей семьи?!

Гоголь, Достоевский, Набоков, Шекспир, Хемингуэй... Я посмотрела на слой пыли, осевшей на обложках, и постаралась представить, когда в последний раз кто-то из членов моей семьи вел беседу с выдающимися классиками, произведения которых теперь стояли на нашей книжной полке. Здесь были и книги современных авторов, многие имена которых мне были незнакомы. «Глаголом жги сердца людей», — вспомнилась мне строчка из пушкинского «Пророка». Мне было обидно оттого, что многие месяцы, вероятно даже годы, бессмертные творения, оставленные великими мастерами нам, ненужно простаивают на прибитой к стене деревяшке.

Ведь и правда, я очень давно не видела маму или папу, сидящих за книгой. Я не могу назвать своих родителей необразованными или нечитающими. Помню, как папа пытался напугать меня, пересказывая сюжет «Кладбища домашних животных» Стивена Кинга. Или он описывал удивительный мир, созданный братьями Стругацкими. Помню, как мама вместе со мной наизусть читала отрывок из лермонтовской «Думы», который нужно было выучить в соответствии со школьной программой. Почему они не находят времени для чтения сейчас? Если честно, не знаю. До этого момента я никогда не задумывалась об этом, поэтому не хочу как-то оправдывать действия своих родителей. Но, думаю, я обязательно поговорю с ними о сложившейся ситуации. Что ж, похоже, дело за мной.

Для меня удивительный мир книг открылся в возрасте десяти лет. До того лета (переход из третьего класса в четвертый) чтение для меня было словно наказание. Помню, как хитрила, читала текст, что называется, по диагонали, мечтала о том, чтобы побыстрее поставить галочку напротив прочитанного произведения. Часы тянулись как жева-

тельная резинка. Первой книгой, поглотившей меня с головой, была сказка Алана Милна «Винни Пух и все-все-все». Начало было положено. Тогда я прочитала все книги из летнего списка, кроме одной. Чуть позже начала составлять собственные перечни для прочтения, и отныне могу с уверенностью сказать, что для того чтобы получать от книги истинное наслаждение, нужно учиться понимать ее, читать медленно и вдумчиво, никуда не торопясь, анализировать текст, воспроизводить картины в голове. Каждая книга — это проводник. Взяв ее в руки, мы можем оказаться на берегу Тихого океана или на улицах Лондона девятнадцатого века. Книга — это целый мир в шаговой доступности. Признаюсь, что я не безумный книголюб, но если увидите меня, читающую книгу, прошу не беспокоить. Потому что на несколько часов я становлюсь капитаном своего корабля, на котором предстоит отправиться в далекое и преинтересное путешествие...

Злободневная проблема нашего общества заключается в том, что современные родители с малых лет приучают свое чадо к просмотру телевизионных программ или же дают в руки портативное устройство, дабы чем-то занять внимание ребенка. Все это может перейти в настоящую болезнь — телеманию. Психика детей очень подвижна и ранима, у ребенка развивается настоящая зависимость от мерцающих голубых экранов. Многие ученые солидарны в том, что долговременное пребывание перед телевизором преимущественно имеет негативные стороны и мало способствует умственному развитию. Одумайтесь, молодые мамы и папы! Кто, как не вы, являетесь примером для своих детей! Еще несмышленные, они полностью копируют ваше поведение, во всем вам подражают. Я знакома с семьей, в которой зародилась и укоренилась замечательная традиция: каждый вечер мама, папа и их шестилетняя дочь усаживаются в гостиной с чашкой горячего чая и по очереди читают вслух выбранную на совете семьи сказку. Удивительно, но никто из них не делает это по принуждению. И родители

осознают, что именно они ответственны за воспитание своего ребенка и, по-видимому, понимают, насколько важно привить у нового поколения любовь к чтению.

Как было бы замечательно, если бы в каждой семье были традиции, подобные этой. И в моей тоже... Только что я прочитала это сочинение маме. Вы можете мне не поверить, но прямо сейчас она сидит за столом, горит ночник... Не могу разобрать название... Кажется, «Собачье сердце» Михаила Афанасьевича Булгакова.

*Сакенкызы Нурдана (10 класс),
Астана, Республика Казахстан*

Век Мехатроников, или Секрет Великого Техно

Лиза с большим трудом подняла тяжелые веки и, наконец, проснулась окончательно. Легкий ветерок растрепал ее волосы, яркий свет резал глаза и не давал толком рассмотреть место, где она лежала. Чувствовалось мягкое шуршание травы, слышался шелест густых деревьев, в воздухе стояла приятная свежесть, которая извещала всех о новом дне. Наконец, прищурившись, Лиза осмотрела местность: она лежала на небольшом зеленом холме с частыми деревьями. Дальше ближних холмов она не видела, поэтому не могла понять, где находится. Вдруг к ней приблизилась небольшая книжка с красивой красной обложкой и золотистым переплетом.

— Ты здесь давно лежишь? — спросила книжка.

— Не знаю, — растерянно пролепетала девочка.

— А ну-ка, вставай! Нельзя здесь лежать, на это место в любой момент может упасть новый друг!

— Какой «новый друг»? — удивилась Лиза. «Как, да и откуда может упасть этот новый друг?» — подумала она про себя.

— Нет времени объяснять, пойдем-ка отсюда, — книжка взяла ее за руку и повела в сторону леса, туда, откуда Лиза ощущала прохладный и освежающий ветерок.

Несколькими часами ранее

Лиза, как всегда, была полностью увлечена рассмотрением вечернего пейзажа за окном, закатное солнце красиво окрашивало нежно-голубое небо разными оттенками оранжевого, красного и фиолетового. Поездка к бабушке — единственная причина, почему она сейчас не сидела за просмотром любимого сериала. Летние каникулы проходили медленно и уныло, Лиза не могла найти чего-то по-настоящему интересного, поэтому подолгу смотрела телевизор и засиживалась в социальных сетях. «Возможно, поездка к бабушке — неплохая идея», — думала девочка.

На даче у бабушки было тихо, спокойно и мирно. Городская суэта теперь казалась каким-то мелким шумом, медленно отдаляющимся прочь. Лиза давно не была на даче, однако все здесь осталось на своих местах, будто время останавливается в этом доме, пока она в отъезде. То же любимое бабушкино кресло, в котором Лиза так любила подолгу сидеть и рассматривать картинки в какой-нибудь книжке, тот же стол, за которым она могла часами рисовать — все оставалось прежним. Однако приглядевшись, Лиза заметила книжку, необычную, красочную и совсем новую. Успев только прикоснуться к ней, она попала на тот самый зеленый дуг...

— Подожди, а где это я, и куда мы идем? — спросила Лиза книжку.

— Ты не знаешь, где ты? Это странно, обычно люди сразу начинают искать выход отсюда... Видишь ли, люди — очень занятые существа, у них нет времени на такие пустяки. Но если бы они хоть иногда обращали внимание на мелочи, возможно, они нашли бы намного больше, чем искали.

Лиза не особо понимала, о чем говорила книжка, и решила пока помолчать.

— Мы в Лостайленде, в месте, где оживают нерассказанные истории, — ответила книга через некоторое время.

Тут Лиза увидела множество маленьких домиков, из которых выглядывали разноцветные края книжек. Когда

она прошла вглубь леса, все эти книжки начали с любопытством рассматривать нового гостя уже вблизи. Девочка заметила, что каждая книга была особенной, их внешний вид был так похож на настоящего человека, кажется, это были главные герои рассказов.

Все книжки были практически бесцветны и несчастны, обложки были потрепанные и потемнели от собравшейся на них пыли.

— Это их последнее убежище, где они могут спастись от ужасного Т, — коротко объяснила красная книжка.

— Ужасный Т? — переспросила девочка.

— Он приходит и раз за разом забирает одного из нас. Все мы живем в страхе перед Ужасным Т, однажды он поглотит нас всех, и в поселении не останется никого. Но каждый день к нам в поселение добавляются книги, падающие сверху.

— Зачем же он вас поглощает? Зачем вы ему нужны? — поинтересовалась Лиза.

Но ответа не прозвучало. Вместо этого книжка с зеленой обложкой и золотыми кудрями подошла к девочке и коснулась ее руки. В этот момент Лиза видела перед собой не лесную опушку с множеством книжек, а безграничную золотую пустыню с оранжевым солнцем на горизонте. Она парила над землей и видела на одном конце что-то смутно похожее на оазис, а на другом — стену, отбрасывающая длинную тень в сторону востока. Тут она заметила еще две фигуры, приближающиеся к оазису.

— Это же Маленький принц! — воскликнула Лиза. Золотые кудри, длинный красивый шарф и этот громкий звонкий смех помогли распознать одного из странников. Лиза наблюдала, как они с взрослым летчиком напился воды из поющего колодца, как маленький принц весь день разговаривал с колодцем, ожидая летчика, как разговаривал со змеей. Все это происходило так стремительно, что Лиза не заметила, как принц уже собрался улететь, и ему оставалось сделать всего один шаг. Однако в этот момент он

резко остановился. Все начало превращаться в маленькие песчинки пыли, которые начали улетать в огромную темную бездну забвения.

— Теперь маленький принц никогда не сможет улететь на свою планету, а роза так и останется ждать его под куполом, летчик так и останется в этой пустыне, и змей не сможет выполнить своего поручения,— сказала вдруг зеленая книжка.

— Но почему? Почему все исчезает? — воскликнула Лиза.

— Потому что мы больше никому не нужны,— ответила книжка тихим и печальным голосом.

Через несколько мгновений они вернулись обратно в лесную чащу, где книжки все так же стояли, столпившись вокруг девочки.

— Чем больше событий в нас сотрется, тем быстрее мы попадем в руки Ужасному Т,— объяснила зеленая книжка.

— Но неужели вас никак нельзя спасти? — спросила Лиза. Унылые лица книжек вдруг загорелись новым огоньком надежды: кто-то, наконец, попытался их уберечь от неминуемой гибели.

— Если ты сможешь победить Ужасного Т, то, возможно, спасешь все поселение и всех тех, кто еще не успел к нам присоединиться! — воскликнули книжки вокруг.

— И как же мне его победить?

— Мы не знаем, ведь те, кто его видел хоть однажды, больше не возвращались. Никто не знает, как его победить, это ты должна узнать сама,— ответила красная книжка.

Лиза была полна решимости спасти книжки. Многие из них были ей знакомы, они были ей как давние друзья, с которыми больно было бы так расстаться.

Девочка пошла в противоположную сторону от того места, где проснулась и встретила красную книжку. Солнце медленно заходило, а Лиза все брела, точно не зная, правильное ли направление выбрала.

Лесная тропа давно закончилась, и девочка наткнулась на еще одно поселение. На этот раз это были не книжки,

а небольшие человечки из различных шестеренок и болтов. Они были высотой в двадцать сантиметров, но очень резвые. Они выглядели как большие муравьи, каждый был занят своим делом. Вдруг Лиза почувствовала, как что-то стукнулось об ее ногу, это оказался один из тех человечков.

— Ой, простите меня,— пролепетал человечек. У него был такой потерянный и грустный вид, что Лизе невольно стало его очень жалко.

— Ничего страшного! Ты ведь случайно,— хотела подбодрить его девочка. В этот момент человечек резко поднял глаза и пристально посмотрел на девочку.

— Ты... ты меня понимаешь? — спросил металлический человечек.

— Да, прекрасно понимаю. Как же мне не понимать? — удивилась Лиза.

— Видишь ли, в поселении мехатроников я единственный, кто все еще не забыл русский язык. Наш народ дошел до того уровня развития, когда необходимость в общении пропадает. Никто не обращает внимания на что-то другое, каждый занят только тем, что работает или обустроивает свой дом. Вот я и удивился, что кто-то еще способен говорить,— ответил мехатроник.

— То есть они совсем не общаются и не говорят? — переспросила девочка.

— Да, общение им заменила электроника. Даже если тебе нужно срочно что-то сказать, ты должен написать это им на почту. И то они ее не проверяют и не любят, когда им мешают заниматься их любимым делом. Поэтому мне не с кем было разговаривать,— сказал мехатроник.

— А как тебя зовут, мехатроник?

— Меня никак не зовут, меня звать некому. Тут все мы — просто мехатроники, а различаемся по числам. Я, например, номер 521,— разъяснил мехатроник.

— Ну что ж, мехатроник, ты не знаешь, где находится Ужасный Т или как мне его найти? — поинтересовалась Лиза.

— Ужасный Т? Может, ты имеешь в виду Великого Техно? Когда-то его могли называть Ужасным Т...— сказал мехатроник.

— Ты знаешь, где он находится? Мне нужно остановить его, чтобы спасти поселение книг,— спросила Лиза.

— Поселение книг? Они все еще существуют? Мой дедушка встретил одну книгу, когда странствовал по миру, он рассказывал, что они на грани полного исчезновения. И мы никогда о них много не слышали, как я уже говорил, мехатроники не интересуются многим,— ответил человек.

— Ну, а я встретила целое поселение, когда только попала сюда... А кто такой этот Великий Техно и почему он поглощает книги?

— Я знаю, что Великий Техно — один из прародителей мехатроников... Он всемогущ, поэтому мы и зовем его Великим. А про книги я ничего не знаю, никогда не слышал о том, чтобы Великий Техно поглощал книги...— сказал мехатроник.

— Ты сможешь провести меня к Великому Техно или хотя бы указать, куда мне идти? — спросила Лиза.

— Я знаю одного друга дедушки в соседнем городке, который знает про Великого Техно и, возможно, сможет помочь нам его найти,— ответил мехатроник.

— Что ж, тогда пойдем вместе,— предложила девочка. Так мехатроник и Лиза отправились вместе искать Великого Техно.

Долго ли, коротко ли шли наши путешественники, но увидели они, наконец, тот долгожданный городок только к следующему вечеру. Мехатроник под номером 521 оказался на удивление разговорчивым, он болтал без устали, что делало их путь менее длинным и скучным. За время их разговора Лиза узнала, что мехатроники появились только после появления Великого Техно, он породил их с помощью какого-то магического инструмента. Дедушка номера 521 сам был не сильно осведомлен о событиях происхождения мехатроников, но его любовь к странствиям и исследованию дала ему возможность чуть больше узнать о мире.

Городок оказался не таким большим, каким представляла его себе Лиза, однако в сравнении с предыдущими поселениями это был настоящий мегаполис. Высокие серые дома, машины, дороги и множество мехатроников создавали впечатление общего хаоса и постоянного движения.

— Этот городок чем-то напоминает мне мой родной город, — тихонько заметила Лиза.

— Лиза, со своим большим ростом ты можешь облегчить нам поиск того самого мехатроника, кажется, его номер был 12 или 13... — с задумчивым видом номер 521 зашел в город и начал осматривать окрестности. Лиза в это время не знала, как бы она могла облегчить поиск, ведь она не может даже ступить внутрь. Мехатроники, как обычно, ничего не замечали и резво бегали с одного места в другое, каждый был занят каким-то очень важным делом.

— Тут очень сложно найти хоть кого-нибудь, кто мог бы нам помочь! — с негодованием сказал мехатроник, выходя из городка. — Мехатроники только и знают, что работать и все время куда-то торопиться!

— А что это за надписи на крышах домов? Они выглядят как штрих-коды, — заметила Лиза.

— Точно! По коду можно узнать, где живет номер 12! — воскликнул мехатроник от неожиданного появления хорошей идеи.

Лиза начала рассматривать домики, что были поблизости, код выглядел как обычный штрих-код с разными цифрами. Девочке пришлось разбираться в каждом из них отдельно, цифры были ужасно мелкими, так что было очень трудно их разглядеть. Лиза потратила много времени, но не могла найти нужного номера.

— Мне нужно пройти глубже в город, здесь нет номера меньше 135. Мне кажется, номера поменьше находятся ближе к началу, — сказала Лиза.

— Тогда тебе нужно будет его обойти либо пройти прямо по главным дорогам города, на самом деле, никто этого

и не заметит...— с двояким чувством радости и горечи ответил мехатроник.

Тут Лиза вспомнила их разговор во время пути:

— Троник, а дети у вас есть? — спросила Лиза. — Почему-то я видела только взрослых мехатроников.

— Нет, детей у нас нет. У нас есть Создатель — тот, кто создает нас и дает нам наши номера. Я его толком не помню, это было очень давно. Мой дедушка взял меня к себе, когда я искал себе работу. Кажется, Создатель забыл закрутить одну гайку во мне, поэтому я никак не мог найти себе дельную работу, а дедушка помог мне ее найти. Я начал записывать все, что узнавал себе на Полифам, это и было моей работой, — отвечал мехатроник.

— Полифам? — переспросила девочка.

— Да, Полифам. Это такая удобная вещь, на которой можно записывать что угодно и сколько угодно. И кстати, очень удобно носить с собой! — мехатроник показал девочке свое запястье, на котором красовался небольшой светящийся экран размером с ладонь.

— А ты пробовал читать книги? Люди раньше записывали все свои знания в книги, — спросила Лиза.

— Книги? А разве это удобно? В Полифаме все коротко и ясно, в книгах все непонятно и мудрено. Мне дедушка рассказывал, что книги хоть вещь интересная, но бесполезная, поэтому они должны были исчезнуть со временем, — рассуждал номер 521.

— Но как же так? Книги ведь тоже нужны... Вот когда ты записываешь в Полифам свои знания, ты ведь делаешь это с любовью? Ты бы хотел, чтобы весь твой труд испарился когда-нибудь, превратился в пыль и никому не принес пользы? — спросила девочка.

— Наверное, нет. Я бы хотел оставить это тому, кому это действительно помогло бы в жизни, — отвечал мехатроник.

— Вот так и писатели разных времен хотели оставить свои знания другим поколениям... Да вот только другим поколениям это, кажется, уже не нужно, — заметила Лиза.

— Мехатроникам вообще ничего не нужно! Они ни в чем и не нуждаются, пустые железяки! Им только дай работой своей заниматься, на остальное они и ухом не поведут! Можешь писать и не писать, стараться и не стараться, они этого не заметят,— вдруг разозлился Троник.

«Никто этого и не заметит»,— повторила Лиза про себя. Она попыталась как можно аккуратнее наступать на пустые переулки, свободного места было очень мало, Лизе всякий раз приходилось останавливаться и ждать, пока мехатроники разойдутся. И вот, наконец, долгожданный домик с заветным числом показался на окраине города. Он оказался намного меньше остальных многоэтажек, и вокруг было намного меньше народа. Троник забежал внутрь и долго оттуда не выходил. Лиза ждала его снаружи и уже совсем заскучала, когда Троник радостно выбежал из дома вместе с мехатроником под номером 12.

— Я же говорил, что он здесь! Он нам поможет, Лиза! — радовался Троник.

— Лиза — вот как тебя зовут, милая девочка. Я — номер 12, но можешь называть меня дедушкой, я один из самых древних мехатроников в этом городе,— обратился номер 12 к девочке.

— Здравствуйте, хорошо, дедушка,— ответила Лиза.

— Дедушка обещал нам показать, где живет Великий Техно! — с воодушевлением сказал Троник.

— Идемте за мной,— дедушка махнул рукой в сторону выхода из города. Лиза и Троник последовали за ним.

— Великий Техно, Ужасный Т, Всемогущий Технотрон... Так, кажется, его называют. Однако мало кто знает, что он такое на самом деле,— рассказывал древний мехатроник по дороге к невысокому холму.— Для чего вы хотите найти его?

— Я хочу узнать, почему он поглощает книги, и спасти поселение книг,— ответила Лиза.

— Я хочу узнать, кто он на самом деле, и помочь Лизе,— ответил Троник.

— Что ж, ответы на ваши вопросы могут быть не совсем такими, какими вы их себе представляли. Когда мы дойдем до этого холма, вы узнаете о нем все, — отвечал дедушка.

До самого холма они шли молча, каждый думал о своем. Когда они дошли, дедушка направился дальше в темную пещеру, находившуюся в правой части холма между двух больших валунов и множества деревьев. Лиза и Троник последовали за ним. Вокруг начало темнеть, и в пещере невозможно было рассмотреть хоть что-нибудь. Но тут резкий поток света ослепил вошедших внутрь. Когда Лиза смогла открыть глаза и различить отдельные предметы, то увидела перед собой огромный склад металла, и среди них стояло несколько машин-роботов, которые продолжали что-то делать и издавать рабочий шум.

— Добро пожаловать к Великому Техно, Ужасному Т и Всемогущему Технотрону! — торжественно представил дедушка.

Лиза и Троник долго не могли ничего понять, они ожидали увидеть какого-нибудь огромного мехатрона, который создавал бы маленьких мехатроников на вершине какой-нибудь горы. Вместо этого перед ними стояли несколько роботов и груды металла.

— Великий век технологий — для кого-то он великий, для кого-то он ужасный, но, бесспорно, он всемогущий, — продолжал дедушка, видя изумленные лица Лизы и Троника. После некоторой заминки Троник все же спросил:

— То есть здесь и создают мехатроников?

— Да, именно так нас и создают, — ответил дедушка.

— А зачем же им нужны книги? — спросила Лиза.

— Им не нужны книги, роботы их просто уничтожают, когда книги становятся пустыми, — ответил дедушка.

— А становятся они пустыми, потому что... — печально продолжала Лиза, — потому что никому они не нужны, и знания просто теряются, превращаются в пыль и улетают...

— Так вот почему все мехатроники бездушные! Они же созданы роботами! — расстроился Троник.

— В каждого мехатроника вкладывается небольшая частичка души, которая может быть использована, а может быть забыта,— спокойно сказал дедушка.

— Но как я тогда смогу спасти книжки? Если я не в силах остановить их исчезновение? — испугалась Лиза.

— Это ты должна узнать сама,— сказал дедушка ровным голосом.

Троник и Лиза вышли из пещеры совсем подавленными. Они нашли ответы на свои вопросы, но их проблемы этим не решались. Троник был огорчен тем, что среди мехатроников нет таких, как он, а Лиза не знала, как помочь бедным книжкам.

— Троник, слушай, пойдем вместе со мной в поселение книг! Тебе будет интересно поговорить с ними! Ты сможешь узнать много нового от них,— предложила девочка.

Троник согласился, он надеялся найти хороших собеседников, а дополнительные знания только обогатят его записи в Полифам. Так они отправились обратно в поселение книг. Книги были очень рады возвращению Лизы, а дополнительный гость только еще больше обрадовал их.

— Дорогие книги, это Троник — мой друг, он очень нуждается в вашей помощи, поделитесь с ним своими знаниями, и вы тоже будете спасены,— объяснила Лиза свою идею книжкам. — Если мы сможем заинтересовать остальных мехатроников книгами, то сможем помочь и книгам, и мехатроникам. Книги не потеряют своих знаний и не исчезнут, а мехатроники начнут развиваться и не потеряют свои частички души.

Эта идея понравилась всем. И в скором времени мехатроники начали жить вместе с книгами. Мехатроники нуждались в книгах, а книги нуждались в мехатрониках, таким образом они спасали друг друга от темной бездны забвения и бездушья.

Лиза, проснувшись у себя в комнате на любимом бабушкином кресле, долго не могла понять, был ли это сон на

самом деле. Однако она потом долго сидела и перечитывала свои любимые книги, боясь, что они могут превратиться в пыль и исчезнуть, когда она опять уедет.

— Ведь еще не поздно все исправить, правда? — думала она о множестве книг, которые пылятся на полках библиотек и домов, и о мехатрониках, которые в наше время забываются перед экранами телевизоров и телефонов и которые так нуждаются в книгах, чтобы не потерять свою небольшую частичку души...

Салахиева Екатерина (8 класс), Пермь

История о мальчике Мише, который считал, что в жизни все легко и просто

Эта история произошла с одним из моих родственников. Звали его Миша. Он учился в пятом классе. В школе нужно было читать, писать, считать, учить стихи и даже рисовать.

Не все у Миши получалось сразу. Бывало трудно. А Миша не хотел, чтобы ему было трудно. И все думал, нельзя ли как-нибудь побыстрее закончить учиться? Получить диплом и начать работать. А кем работать Миша уже давно решил. Он хотел быть капитаном воздушного судна.

Одноклассники говорили Мише, что есть очень интересное место, где живут книги. Это библиотека. В школе была большая библиотека, и Миша не раз проходил мимо нее. Там всегда можно было встретить ребят. Мальчик подумал: раз в библиотеке так много учеников, значит, книги действительно помогают. Помогают всем — помогут и ему. И Миша решил обратиться к книге со своей проблемой. Он каждый день стал подниматься на второй этаж, где находилась библиотека. Но застать ее пустой Мише никак не удавалось. Посвящать в свои планы он никого не хотел и потому терпеливо ждал удобного случая. И вот однажды...

У Миши закончились уроки, и он как обычно побежал на второй этаж. Дверь в библиотеку была открыта, но никого в ней не было. Мальчик, затаив дыхание, переступил порог кабинета и увидел много книг.

— Что ты хочешь? — спросила книга. — Зачем ты пришел сюда?

— Меня заставляют читать, писать, считать, учить какие-то стихи и даже рисовать. А зачем мне это надо? Я хочу побыстрее стать капитаном какого-нибудь корабля. Помогите мне.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросила книга.

— Нет, уважаемая книга, несколько. Выполни мою просьбу.

— Хорошо. Вот видишь, на столе лежит книга. Возьми ее и прочитай.

Миша так и сделал. Он огляделся и увидел, что находится в кабине вертолета. Вокруг него были разные кнопки, лампочки, переключатели. Он нечаянно задел какой-то странный рычаг, и вертолет вдруг стремительно стал падать вниз. Мальчик испуганно заметался на кресле. Что делать? На какую кнопку нажимать? Какой рычаг переключить? Он не знал.

А земля все ближе и ближе. Вертолет стремительно несется вниз. Миша в панике нажимает одну кнопку за другой, но ничего не помогает.

— Мама!!! — испуганно кричит он... И просыпается. С бьющимся сердцем мальчик оглядывается по сторонам. Это всего лишь сон. Он быстро встал с постели, умылся, позавтракал, оделся и побежал в школу. С этого дня он решил, что будет старательно выполнять все домашние задания, которые задает учительница. Ведь без знаний ни одной профессией овладеть невозможно, тем более стать капитаном. Так книга изменила жизнь мальчика Миши, теперь он будет хорошо учиться, и, я уверена, станет хорошим капитаном.

Давайте читать всей семьей

Сегодня я хочу вам рассказать об одной замечательной семье, в которой есть интересная, но, к сожалению, в современном мире забытая традиция.

Шесть лет назад моего папу пригласил главный врач городской больницы города Асбеста к себе на работу. Папа согласился. У него появились новые знакомые, но особенно он сдружился с человеком, который был старше и опытней его. Папа к нему часто обращался за советом, они вместе решали проблемы, а вскоре подружились и их семьи. И две семьи стали встречаться каждые выходные.

Так вот... Каждые выходные к ним приезжают дети, внуки и правнуки, они все живут в разных городах Свердловской области. Несмотря на это, на ритм жизни, в этой семье выходные — это время, когда все собираются за большим столом и читают книгу. Самому старшему члену семьи — бабушке — 93 года!

Семейное чтение готовит человека к общению с книгой, пробуждает и углубляет внимание, формирует потребность в чтении. Семейное чтение способствует раннему и правильному овладению родной речью, это эффективный способ социализации подрастающего поколения. Такое общение создает почву для обмена мнениями, оно необходимо и взрослым, которые благодаря общению с детьми обогащаются эмоционально. И еще семейное чтение вводит ребенка в мир книжной культуры.

В семье наших знакомых читают так: в доме у них есть большая библиотека, каждый берет себе книгу по своему вкусу. По книгам видно, что их читают и перечитывают. Я первый раз увидел, что внучки Даша и Мария прячутся на чердаке, чтобы побыть в тишине и наедине с книгой. Читая, они забывают о том, что не ели или что уже прошел день, а еще самое интересное, что, читая, девчонки подчеркивают

для себя слова, которые им непонятны. И вечером в семейном кругу идет обсуждение прочитанных книг и разъяснение внукам и внучкам каких-либо слов или фраз. Очень часто обсуждение той или иной книги проходит бурно. Мнения расходятся, так как вкусы у всех разные, мыслим и воспринимаем мы тоже все по-разному. Например, внук Григорий (ученик начальной школы) прочитал книгу «Гарри Поттер». Чтобы быть в теме, взрослым пришлось прочитать ее тоже, и не одну часть, а все. Затем они посмотрели фильм «Гарри Поттер», и тут-то все и началось: сначала было обсуждение, потом сравнение с фильмом, затем стали говорить, что в книге написано намного интереснее, более подробно. В конце бурного обсуждения все пришли к мнению, что фильм оказался менее интересным, чем лежащая в его основе книга. И читали книгу... читали вслух... по ролям... с остановкой...

Мне сначала нравилось приходить в гости к этой семье, а потом и я взял книгу. До знакомства с ними жизнь у меня была как у всех — обыденная. По выходным проводил время у бабушки, особо ничем не занимался, так как я один — сын, внук, правнук и племянник. Меня никогда ничем не нагружали и не заставляли что-либо делать.

Я сейчас понимаю, что нет ничего интереснее, чем слушать чтение книги, обмениваться впечатлениями о прочитанном, спорить, соглашаться и не соглашаться друг с другом. Сейчас я понимаю, что будущего читателя необходимо воспитывать, когда он только начинает ходить, когда познает мир, когда переживает свое первое удивление от соприкосновения с окружающим. Конечно, рядом с ребенком обязательно должны быть читающие родители, чтобы дети видели, что родители читают с удовольствием. Пример читающих детей и читающей семьи со временем становится заразительным и для других. На себе испробовал. Ведь глядя на них, я тоже захотел взять в руки книгу и прочесть, а затем и перечитать ее с мамой и папой.

И сейчас мы тоже читаем книги за столом всей семьей. По сути — это ролевая игра, где каждому предоставляется

возможность пожить какое-то время жизнью и мироощущением другого человека. Появляются неосязаемые мосты духовной близости и взаимопонимания между родителями и нами, детьми, что особенно важно.

Конечно же, заставить читать нельзя. Человек сам должен к этому прийти. Ведь лучшая книга в мире — это та, которую человек прочитал и полюбил. Но найти ее может только он сам. Мне бы хотелось, чтобы традиция семейного чтения возродилась. Ведь читать всей семьей — это так здорово!

Читайте, цитируйте, смейтесь, плачьте, заучивайте отрывки, делитесь прочитанным!

Сидорова Полина (10 класс), Санкт-Петербург

Судьба

Серое и промозглое небо раскрывало свои объятия навстречу такому же серому и блеклому свету. Облака неспешно, почти незаметно, плыли над бесцветными домами, застревая в черной паутине веток деревьев и оставляя рваные куски на проводах. Весь город, казалось, был настолько пропитан этой мрачностью, этой апатией, обездвиженностью и безликостью, что места для жизни и каких-то событий в нем просто не оставалось. Даже люди проходили как-то вяло и безжизненно, обреченно волоча ноги по бесконечным лужам и отражаясь черными пятнами в витринах магазинов.

Это был идеальный день для чего-то странного и мистического, чего так не хватает в обычной жизни и что могут принести лишь книги.

Старенькая продавщица, привычным жестом поправив очки в толстой роговой оправе, отвернулась от окна, бормоча что-то совсем нелестное в адрес погоды. Эта крошечная старушка ужасно не любила сырость и серость, которые господствовали сейчас вне маленького книжного магазинчика на углу безлюдной улицы. Она вообще предпочитала ни-

куда не выходить, слишком привыкла к царившей внутри атмосфере уюта и защищенности. В душе хозяйки книжного наступал покой, когда она обходила, мерно покачивая складками своей твидовой юбки и отбивая замысловатый ритм каблучками своих неизменных уродливых туфель, свои владения, поправляла непослушные книги, стоящие не на месте, смахивала случайные пылинки и любовалась ровными рядами книжных полок. Рутинность этой работы расслабляла, а редкие посетители совсем не нарушали умиротворения старушки.

Ираида Захаровна вообще любила постоянство и была верна традициям. Все в ее облике было подчеркнуто строго, аккуратно и несколько старомодно: седые волосы, туго скрученные в пучок, из которого никогда не выбивалась ни одна прядка, огромные очки, светлые блузки с рюшами и воротниками стойкой, темные расклешенные юбки в клетку — все это было призвано внушать благоговение и некий страх у посетителей, которые невольно вспоминали о строгой школьной учительнице из далекого детства. Но эти отголоски прошлого вмиг таяли, когда крошечная продавщица поднимала на редких покупателей свои чудесные глаза: внимательные и прозрачно-острые, но вместе с тем веселые, полные жизни, светящиеся теплом и улыбкой.

Отдельного же внимания заслуживают туфли достойной леди — такая мелкая деталь являлась одним из важнейших атрибутов магазинчика. Непомерно огромные, с чудовищным квадратным носком, они внушали ужас куда больший, чем весь напускной строгий учительский вид старушки. Всегда идеально начищенные, с новыми подметками, они представлялись какой-то музейной реликвией начала восемнадцатого века. Казалось, земля не могла вынести того, чтобы по ней ходил такой ужас, поэтому пол зачастую нещадно стонал под ногами Ираиды Захаровны. Магазинчик весь будто бы сотрясался, коробился и съеживался, как только его хозяйка вставала со своего мягкого

кресла за кассой. Тишина и покой, волнами перетекающие от полки к полке, от книги к книге и растворяющие малейшие движения в своем блеске, перепуганные грозно-скрипучими шагами старушки, забивались в темнейшие углы книжных шкафов и потолка.

В книжном магазине, на втором этаже которого помещалась крохотная уютная квартирка старушки, обитало еще одно живое существо. Это была огромная черепаховая кошка, хитро щуриющая глаза на посетителей. Ираида Захаровна держала ее по большей степени из жалости, потому что выгнать такую грациозную, хоть и наглуую, красавицу не позволяла совесть. У кошки не было имени, она считалась временным жителем магазинчика, несмотря на то, что жила там уже не первый год. Безымянная хитрюга часто обходила книжный вместе со своей владелицей, немного побаиваясь ее тувфель и шарахаясь от них. Иногда кошка забиралась на верхние полки и, казалось, пыталась поймать вязкую тишину за скользкий хвост.

В тот день покой старушки был нарушен уже утром. Не успела еще Ираида Захаровна расставить весь новый товар, как тяжелая дверь отворилась, маленький серебряный колокольчик при входе звонко зазвенел, распугивая шелковистую тишину и спокойствие, и в магазинчик буквально влетела девушка. Ее появление было настолько неожиданным, что даже всегда невозмутимая кошка, пытавшаяся утащить что-то со стола хозяйки, дико заверещала и огромными скачками скрылась с места преступления вместе с тишиной. Девушка, случайно поскользнувшаяся и теперь сидевшая в недоумении на коврикe, удивленно озиралась, обводя магазинчик своими огромными, немного косящими глазами. Придя в себя, она резво вскочила, задев что-то и густо покраснев, смущенно выдавила «Здравствуйте». Ираида Захаровна покачала головой и, улыбаясь, спросила:

— Чем я могу вам помочь?

Девушка сконфузилась еще больше, теребя в руках перчатки.

— Вы знаете, я так... Нечаянно... Случайно. Я пойду, сейчас, только... Ой, какая хорошенькая! — вдруг воскликнула гостья, увидев кошку, выглянувшую от любопытства из своего угла.

Кошка снова кинулась прочь, как только девушка протянула к ней руки. Ираида Захаровна, усмехнувшись, снова предложила гостье свою помощь.

Девушка весело затараторила, изучая глазами магазинчик и удивляясь все больше и больше: крохотный, но вытянутый и темный, он одновременно окутывал уютом и теплом, заманивая в свои глубины, и немного пугал какой-то своей потусторонностью. Чувствуя себя немного лишней в этом месте, где время, казалось, замерло навсегда, она невольно пятилась к двери, прижимая к груди пару узких перчаток и цыплячье-желтый берет. Старушка же, мягко взяв прелестную гостью под локоть и участливо кивая головой в такт рассказу, незаметно подводила ее к книжным шкафам.

— А что вы предпочитаете из нашей классической литературы, душечка?

Незнакомка немного потупилась, и на ее щеках снова заиграли предательские розовые пятнышки.

— Я приключения люблю, а где же у Гоголя или Лермонтова приключения?

— А мне казалось, что предостаточно. Вы читали «Героя нашего времени»?

— Да,— протянула девушка, и тут же с жаром воскликнула, тряхнув темными волосами,— Печорин — подлец!

— Почему же? Отнюдь, он просто запутавшийся в себе эгоист,— по решительно нахмуренным бровкам девушки Ираида Захаровна поняла, что продолжать этот разговор опасно, поэтому она вдруг с жаром схватила гостью за руки, и, подняв на нее свое сморщенное личико, заговорщическим шепотом произнесла,— Хочешь, я покажу кое-что?

Девушка закивала, видя как разгорелись глаза старушки, и последовала за ней вглубь книжного. Полки сдвига-

лись за их спинами причудливым лабиринтом, прилавок с кошкой остался где-то далеко позади, а впереди что-то таинственно светилось. Воздух в этой части магазинчика был наполнен концентрированным волшебством, именно здесь обитала та самая тишина, которая волнами растекалась по всему пространству, и только тут можно было услышать перешептывание старых книг, шелест их ветхих страниц и тяжелые вздохи переполненных полок.

Две женщины, совсем юная и совсем старенькая, стояли около высокого шкафа из красного дерева, замороженно глядя в потолок, откуда будто бы лился теплый весенний золотой свет. Пропитанный историями и временем, он казался чем-то настолько монументальным и недвижимым, что девушка даже испугалась. Книги, стоящие в шкафу, тоже светились изнутри, их потрепанные корешки блестели, как глаза пораженной гостьи. Ираида Захаровна нарушила молчание тихим шепотом.

— Как тебя зовут, деточка?

— М–Маргарита,— девушка еле смогла вымолвить свое имя, потрясенная такими сокровищами, скрывающимися в недрах древнего книжного магазина.

— Небось, еще и Николаевна, да? — старушка хитро улыбнулась, прищурив один глаз, что сделало ее похожей на нагловатую дворовую кошку.

Маргарита кивнула.

— Что ж, посмотрим...— тонкие узловатые пальцы Ираиды Захаровны перебирали корешки, как руки пианиста — клавиши,— А давай сама, пойдй посмотри, главное — не трогай!

Девушка несмело приблизилась к таинственному шкафу, но, сделав несколько шагов, переборола страх и уже с интересом стала обходить шкаф. Названия, написанные золотом, слепили глаза, корешки книг отливали какой-то непостижимой тайной, а руки сами тянулись к книгам. На втором круге Маргарита почувствовала, что ходит вокруг одного и того же места, и поспешила отойти, снова сму-

тившись чего-то. Сделав шаг в противоположном направлении, она боковым зрением увидела, как какая-то книга сверху тихо упала на пол и, мягко шлепнувшись об пол, раскрылась на середине. Ираида Захаровна, к удивлению девушки, ничуть не разозлилась, напротив, она, будто бы обрадовавшись чему-то, подхватила и книгу, и Маргариту и потащила назад, к прилавку.

Разложив книгу на стойке, старушка снова хитро и загадочно улыбнулась.

— Что ж, Маргарита Николаевна, теперь эта книга ваша.

— Почему же моя? Я ее не выбирала, она сама, случайно... — девушка неожиданно присмирела, успокоенная и разморенная атмосферой тишины и тайны, в которой она очутилась.

— Она выбрала, она, родимая, — Ираида Захаровна любовно погладила томик, — Я все думала, кому же достанется, а вот кому.

«Уж не в сумасшедший дом я забрела?» — пронеслось в голове Маргариты.

Старушка, будто прочитав ее мысли, улыбнулась и покачала головой, протягивая девушке книгу.

Потрепанный древний том «Мастера и Маргариты» в изумрудной обложке с серебристыми уголочками и цветными иллюстрациями предстал перед гостьей. Девушка аккуратно, как новорожденного, взяла его в руки и шепотом спросила цену.

Ираида Захаровна снова таинственно улыбнулась.

— Я денег с тебя не возьму, книга сама тебя выбрала, но слушай и запоминай внимательно: ровно через тринадцать лет приходи сюда же, обязательно с букетом желтых цветов, они и будут платой, но не перепутай, именно сюда и именно в этот день!

Маргарита удивленно вскинула тонкую бровь ниточкой.

— Душечка, ты можешь мне сейчас не верить, но через десяток лет для тебя это самой будет важно, уж поверь, —

Ираида Захаровна тепло улыбнулась, показывая, что все беседы закончены.

Благодарная и счастливая Маргарита, недоумевающая в душе, прошла к двери, но, как только начала ее открывать, как обезумевшая от чего-то неведомого безымянная кошка кинулась ей под ноги, отчего девушка снова поскользнулась. Она вылетела из двери и натолкнулась на проходившего мимо высокого господина в желтом клетчатом костюме. Он приподнял надтреснутое пенсне и свистяще-шипяще протянул:

— Куда летите, девушка-а?

Кошка с победоносным видом зашла обратно в магазинчик и уселась рядом со старушкой. Облизнувшись, она неожиданно сказала:

— Испортила девчужке жизнь, не стыдно ли, Захаровна?

Ираида Захаровна, дьявольски сверкнув на нее своими чудесными глазами, прогремела:

— Молчать, чертовка! Иди молоко свое пей!

Кошка, пугливо поджав хвост, кинулась наверх.

Старушка довольно откинулась в кресле, закрыв веки и расплывшись в слащавой улыбке.

Серое и промозглое небо раскрывало свои объятия навстречу такому же серому и блеклому свету. Облака неспешно, почти незаметно, плыли над бесцветными домами, застревая в черной паутине веток и оставляя рваные куски на проводах. Редкие прохожие, по случайности забредшие в этот переулок, могли увидеть удивительное зрелище: целый двухэтажный книжный магазин растворялся в пространстве, оставляя после себя едва видимое облачко.

Соловьева Ксения (9 класс), Санкт-Петербург

История одной книги

Много столетий назад стоял на земле славный белокаменный город с красивыми зданиями с высокими колоннами. В его центре — огромный собор, вокруг которого простирался дивный сад. В том саду было много диковинных

растений: от маленьких разноцветных цветов до высоких могучих деревьев. Еще он был богат обитавшими там животными.

В саду любил отдыхать бедный писец. Был он беден не в прямом смысле: он работал при дворце, был очень нужен царю, так как обладал «божественной» рукой, даже из обычных будней он умел брать события так, что было читать их интереснее, чем проживать. За его дар ему платили немалые в то время деньги.

Была у него прекрасная жена и много детей. Старшие были известными людьми, их знали даже за пределами «высоких стен», младшие обучались науке и письму, радовали родителей своим блестящим умом и талантами.

Чего еще желать?.. Но было писцу не по себе. Он часто уходил глубоко в сад, куда никто не заглядывал, и, садясь на корни могучих деревьев, наблюдал со стороны, что творилось внизу, в городе. Тут он и мог творить по-настоящему. Не имея особой любви к знатному классу, наблюдал он за жизнью обычных людей, которая привлекала его больше всего. О них он мог писать часами. Но все это делал он в тайне. Местные законы были против такой деятельности, и, узнал бы об этом кто-нибудь, все бы завершилось печально... Однако, как это часто бывает, не выдержал однажды наш герой, и, сменив свой богатый наряд на рваную одежду, взял перо, чистую книгу, направился в бедные районы города.

Много ночей он ходил туда, писал и писал, наполняя книгу своими чувствами, эмоциями, и даже тогда, когда рука уже дрожала от долгого письма, он не останавливался, будто чувствовал, что это будет его последняя книга...

В одно из таких тайных путешествий увидел он женщину, которая отбивалась от стражников. Она не заплатила налог, так как денег едва хватало на жизнь, а муж ее погиб, давно, в битве за этот город. И вот его жену вместе с ни в чем не повинными детьми пытаются отправить в тюрьму. Где справедливость? Недолго думая, заступился писец за бед-

ную женщину, отвлек стражников на себя. Взял большую палку и стал махать ею, как умалишенный, давая женщине возможность уйти. Никогда прежде он не осмеливался на такое. А когда женщина сбежала, писца схватили...

Царь был огорчен вмешательством старого друга в дела стражников, но закон есть закон... Целую неделю просидел писец в тюрьме, не ел, не пил — все писал и писал свою книгу и, наконец, когда наступил день казни, он, прижав книгу поближе к себе, отправился на плаху... Его прилюдно казнили, а все книги о простых людях, написанные им тайно, сожгли. Лишь одна книга, которую он написал перед смертью, осталась цела. Она выпала у него из рук в самый последний момент. Книгу подобрала та самая женщина, которую он спас, и сохранила ее, сбежав из города.

Много лет прошло с тех пор. Книга держалась как могла, чтобы прожить как можно дольше. Она видела и смерть, и радость, и горе, и даже бывала там, где сейчас лишь руины, видела те народы, которые больше не ступают по нашей земле. Из рук в руки шла она, наделяя людей мудростью, открывая им мир с новой стороны. Многие из тех, кто держал ее когда-нибудь в руках, кто умел перевести ее страницы, меняли свою жизнь, а кто-то лишь сильнее укреплялся в правоте того, что благое лучше худого.

Произошла с ней следующая история... Прошло несколько сотен лет со смерти автора книги, писца, к этому времени книга попала в дом к бедной крестьянской девушке. Жила она совсем одна уже давно: ее родители погибли в холодные зимние дни, а она пыталась прокормиться, продавая все, что могло иметь цену. Часто видела она проходящих мимо давних подруг с мужьями. Все были счастливы, и лишь она грустила о своей неудачной жизни. В ее руки и попала та самая книга. Нашла она ее случайно, когда ходила к берегу реки, среди камней. Случайность ли? В любом случае любовь ко всему новому заставила ее взять книжку. Днем и ночью читала она ее, погружаясь в мир, который открывали ей рукописные страницы. Переживала вместе с ге-

роями: смеялась и плакала, и наполнялось ее сердце такой теплотой, что словами не передать. Впервые пошла она на рынок счастливая, с мыслью: «Ну и пусть судьба принесла мне трудности. Кому сейчас легко? Я жива, и это здорово!»

В тот день город посещал сын одного богатого графа. Увидев девушку, торгующую цветами и самодельными фигурками, потребовал он остановить карету (снова случайность?) Молодой и добродушный, в богатом одеянии, подошел он к девушке и, мило улыбнувшись, спросил у нее, зачем столь юная красавица торгует среди старых мастеров. Девушка, ни о чем не думая, поведала ему о своей несчастной доле. Тогда молодой человек вручил ей мешочек с монетами, купив все, что было у девушки, и сказал, что теперь он будет ее частым покупателем. Спустя год она стала графиней, которая в скором времени ждала первенца. А ведь тогда привлекла юношу лишь одна счастливая улыбка, а влюбила в себя мудрость крестьянской девушки, ее грамотность. Книга, убрав грусть с лица девушки и дав ей мудрые советы, продолжила свой путь, так же загадочно исчезла, как и появилась.

Вот страницы книги совсем обветшали, пожелтели, запылились. Принесли времена ее в самый трудный период для нашей страны, книга оказалась в Блокадном Ленинграде.

Шел 1942 год... Книга попала к одному молодому немцу. И хотя немецкий солдат был на войне недолго, он без единого сожаления мог убить любого, кто вставал на пути. На его совести немало крови невинных людей. Вот именно к нему попала та самая книга. Многие люди брали ее, но такие холодные руки никогда не касались ее обложки. Читать он не любил, но, чтобы найти спасение от скуки, взял ее стал листать страницы. Его начали привлекать сначала отрывки. Потом, вчитываясь в каждое слово, он стал быстро перелистывать страницы, читать с большим интересом. Перед глазами промелькнула вся его жизнь. Он отбросил книгу в сторону, нервно заходил по комнате. Видно было, как кап-

ли пота стекали с лица солдата. Какую ужасную жизнь он прожил... А ведь все нельзя вернуть назад... Что же делать? Сейчас снова нужно браться за оружие. Нужно садиться в самолет. Звук падающих снарядов. И вдруг, видимо, впервые за долгое время, забилося сердце. Что? Зачем? В чем виноваты люди? Впервые он решился поднять бунт, он, тот, кто был хладнокровнее других. Он дал повод задуматься над тем, что все, что они делают, неправильно, и эта война чудовищна. Многие солдаты изменили свои взгляды и стали сожалеть о том, что приняли участие в бессмысленном кровопролитии. Многие изменились. А его ждала другая судьба: самолет, в котором он летел, рухнул на дом, выжила только загадочная книга.

Книга же нашла себе нового читателя уже в самом Ленинграде. В обломках здания нашла ее маленькая, худощавая девочка. Она несла водицу домой к болеющей маме и, решив остановиться лишь на минутку, стала исследовать бывшее жилое здание. Взяв книгу, она тут же побежала домой, и там, как только наступила тишина, стала читать ее. День за днем по странице смогла разбирать девочка. Написанное в этой книге согревало ее, иногда смешило, иногда заставляло переживать, девочка перечитывала ее вновь и вновь. Так не дала книга погибнуть девчонке в аду постоянных бомбежек и холодных зим.

Когда же все кончилось, книга вновь таинственно исчезла и снова отправилась искать следующего читателя, а память о ней хранится до сих пор у тех, кто когда-либо держал ее в руках.

Где сейчас та книга, не знает никто. Но многим она помогла, много судеб изменила, многим открыла глаза. Может, с нею незримо путешествует сам автор, помогая миру стать светлее, добрее, делая так, чтобы не было в мире злых царей, бедных крестьян, нищих рабочих, а были люди дружные и счастливые!

Читай!

Вот и все. Глажу черную шероховатую поверхность. Задумчиво смотрю в окно. Зеленые березы, за которыми просматривается невзрачное серое небо. Медленно выхожу из оцепенения. Слышу, проехала под окном, разбрызгивая лужу, редкая в этом месте Тихвина машина. Шум растворился где-то вдали. Только капли дождя монотонно барабанят по подоконнику, да в квартире за стенкой тихо бубнит включенный телевизор. Буднично. Привычно. Серо. И снова открываю потрепанную обложку и перелистываю старенькие страницы. Глаза выхватывают отдельные слова, яркие, звонкие, необычные, некоторые из них ранее незнакомые, понять которые смогла только с толковым словарем. Вот и дочитана последняя страница.

Вдруг открылась входная дверь.

— Мы дома.

Это бабушка с бабушкой вернулись с прогулки. Быстро захлопываю книгу и поспешно стараюсь ей придать то же положение, в котором она лежала на столе раньше. Вскрываю, стул предательски с грохотом падает на пол. В дверях комнаты показывается бабушка.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

Стою с провинившимся видом и стараюсь не смотреть ему в глаза: мне не разрешалось подходить к рабочему столу бабушки и что-то на нем трогать. Можно было брать книги из его большой библиотеки, в которой есть как современные книги, так и изданные в прошлом веке, и весь вчерашний день я провела, рассматривая их. Стол же — государство бабушки, и он очень не любит, когда на нем кто-то хозяйничает. Мой бабушка увлечен кинематографом, и поэтому больше всего книг в его библиотеке связано именно

с этим искусством. Наверное, на столе лежат самые ценные экземпляры или чем-то памятные...

А пристальный взгляд бабушки не оставляет меня в покое.

— Извини, бабушка, я брала вот эту книгу.

— Потом поговорим.

Его фигура исчезла за дверью, и до меня донесся взволнованный шепот. Но я не в силах была на нем сосредоточиться и понять, о чем говорят.

В моей голове все время прокручивался вчерашний день... Вот книги на полке... Беру в руки... Листаю... Кладу обратно... Не интересно.

Вообще-то книги в жизни всей нашей семьи занимают важное место: их у нас много, они разные, ведь интересы у каждого свои. А я раньше была какая-то не такая — не любила читать. Родители старались увлечь и меня: предлагали интересные с их точки зрения книги, порой просто заставляли их прочитать, надеясь на чудесное преобразование своей дочери. Но ничего не помогло. А здесь... Что со мной произошло? Перебирая книги в библиотеке, случайно бросила взгляд на стол в конце комнаты. Что это за старенькая черная книга в толстом переплете? Я подошла поближе и увидела: на черной обложке большими белыми буквами было написано: «Кино». Желание взять ее было настолько сильным, что не помогли никакие запреты. Хорошо, что бабушки дома не было, а бабушка хозяйничала на кухне. Приятно охладила горячие руки глянцевая обложка. Увесистая тяжесть все же заставила положить книгу на стол. Тогда я тихонько отодвинула стул, раскрыла книгу. И мне открылась жизнь, на мою не похожая — яркая, интересная, увлекательная. В книге было написано о разных актерах, фильмах, режиссерах; рассказывалось, как создавались различные фильмы. Текст сопровождали черно-белые фотографии, которые я с интересом рассматривала, все больше и больше увлекаясь чтением и погружаясь в чужую жизнь. За два дня, крадучись, я ее прочла. И вот так нелепо

попалась. Что мне будет? Самое страшное, если отправят домой...

В комнату вошел дедушка.

— Понравилась?

Ух! Я с облегчением вздохнула: нудных и ни к чему не приводящих нравоучений не будет. И домой не отправят.

— Да, очень, — все же с осторожностью ответила я.

— Расскажи, что поняла.

Я взалхлеб начала рассказывать о прочитанном, восхищаясь интересной жизнью актеров, красивыми костюмами, популярностью режиссеров.

— Вот живут интересно и в свое удовольствие! — закончила я. Дедушка меня не перебивал, а внимательно, прищурив умные глаза, слушал мои дифирамбы.

— Глупая ты. Не поняла ты, Катюха, ничего. Это только внешняя шелуха, и тебя она привлекла. На самом деле актерская игра — тяжкий труд. Пока ты этого не понимаешь, — он привлек меня к себе и погладил, как маленькую, по голове. — Тебе еще нужно почитать. А ту книгу, которую ты читала, больше не переиздают, и если она тебе еще понадобится, будь с ней аккуратнее. А пока возьми вот эту — читай!

Прошло более двух лет с тех самых пор, как я тайком, боясь быть пойманной, сидела над книгой. Так же, как и дедушку, меня теперь увлекает тема кино. И я прочла не только всю дедушкину библиотеку, но и многие другие связанные с кинематографом книги, которые смогла раздобыть. Ближе познакомившись с актерской профессией, я поняла: действительно, она сложная, но лишь ей я готова посвятить жизнь. И стараюсь идти к своей цели. Теперь я не только учусь в школе, но и посещаю театральную студию. Приходится много заучивать наизусть, обучаться сценической речи, движениям, мимике... Тяжелый труд, но какое удовлетворение испытываешь после каждого выступления. Правда, родные видят меня кем угодно, но только не актрисой. Наверное, считают мой выбор несерьезным. И вот я

учусь в десятом классе. Но мое удачное поступление в Колледж культуры и искусства о чем-то ведь говорит.

Вот так и случилось, что книга из дедушкиной библиотеки изменила мою жизнь!

Сутковая Мария (11 класс), Санкт-Петербург

Жизнь и книга — понятия неразделимые

На днях, возвращаясь из магазина, Миша Стрельников наткнулся на известных школьных задира Петьку Чирикова, Гришку Птичкина и Лёху Гвоздикова. Эта тройца часто досаждала тем, кто был слабее их. И, как и следовало ожидать, после короткого диалога на тему: «Кто здесь главный на районе?!» Миша пришёл домой расстроенный и с большим синим фингалом.

Семья Стрельниковых была небольшая и довольно обычная. Мама — юрист, папа — врач (оба заняты своей работой) и дедушка Олег Константинович, который участвовал в Великой Отечественной войне. С ним Мишка проводил почти всё свободное время. Они были очень близки, мальчик знал, что если родители лишь слегка укоризненно помотают головой, то дедушка так просто не оставит без внимания тот факт, что его любимый внук подрался с какими-то хулиганами. И вот когда время приближалось к полуночи, Олег Константинович позвал внука в свой кабинет, хотя это и не кабинет был вовсе, а скорее персональная гостиная, вход в которую был дозволен лишь единицам, и Мишка был одним из них.

Мальчик спокойно постучал, открыл дверь, вошёл и как обычно молча сел на старый красный диван, поглядывая то на заледевшее от мороза окно, то на полыхающий камин, то на дедушку, который, усевшись в своё любимое кресло за резным каштановым столом, набивал старую деревянную трубку венгерским табаком. Спустя несколько минут молчаливой идиллии Олег Константинович внимательно посмотрел на Мишу и спросил:

— Ты знаешь, что такое книга?

Такого вопроса мальчик не ожидал и был несколько смущён, ведь даже не отличаясь особенной сообразительностью, ученик шестого класса знает о том, что из себя представляет книга. Немного подождав, Миша кивнул.

— Хм. Это хорошо, что знаешь, но понимаешь ли ты, какое значение имеет книга в нашей жизни? Что она в себе несёт? Что есть книга для тебя?

Сказав это, Олег Константинович медленно открыл нижний ящик своего стола, вынул оттуда что-то прямоугольной формы, обёрнутое в старую пожелтевшую от времени тряпку, и передал этот сверток Мише. Мальчик несколько недоумённо рассматривал попавший к нему в руки предмет.

— Ну, чего ждёшь? Открывай, она не кусается.

Миша послушно развернул тряпочку и увидел красную тоненькую, но довольно тяжёлую книгу. Приглядевшись, он прочёл золотую надпись: «Великие Подвиги Скалы Остапия». Затем дедушка отложил трубку и, немного призадумавшись, сказал: «Эту книгу я прочитал в юности. Возьми. Думаю, она поможет тебе ответить на некоторые вопросы, ведь книга и жизнь неразрывно связаны, знаешь ли... А теперь ступай».

Вернувшись в свою комнату, мальчик сразу приступил к изучению дедовского подарка. Открыв первую страницу, он увидел заголовок «Сказ про то, как Остапий Скала себя победил или что такое настоящий подвиг». Прочитав несколько страниц, Миша понял, что вся книга посвящена невероятным подвигам великого и непобедимого казака по прозвищу Скала Остапий. Этот мужественный герой являл собой пример несокрушимого русского духа. И вот дойдя до момента, где говорилось о битве Скалы Остапия с семью разбойниками, Миша не удержался от чтения вслух красочного описания сего сражения: «... Скала Остапий был очень зол. Ярость охватила его душу. Он понимал, что может одним ударом уничтожить жизни несчастных плебеев. Но, за-

махнувшись своим грозным кулаком, он вдруг остановился. Скала посмотрел в глаза разбойникам и понял...»

— Что же он понял? — с нетерпением проговорил Мишка, переворачивая страницу. Но тут разочарование и негодование осколками впились в детские любопытные глазки. Последняя страница была вырвана. Мишка быстро вскочил и хотел было побежать к бабушке с просьбой рассказать, что же произошло дальше, но, увидев что время уже далеко за полночь, решил не беспокоить старика.

Всю оставшуюся ночь Мишка плохо спал. Вопросы: «Что же произошло дальше? Что скала Остапий сделал со своими врагами? И почему в заголовке сказано, что он победил себя, когда должен был победить своих врагов?» мучали мальчика. Придя утром в школу, он так сконцентрировался на этой проблеме, что не сразу услышал голос своего классного руководителя Андрея Игоревича. «Стрельников, я к тебе обращаюсь. Оставь все свои размышления и пройди, наконец, в кабинет к директору», — строго проговорил пожилой физик. Мишка был несколько удивлён. Странно, вроде он не делал ничего плохого. С чего вдруг его удостоили такой чести? Подойдя к большой железной двери, где черными буквами было написано «Директор Никанор Наомович Брегберг», Миша постучал и вошёл. Картина, которую он увидел, одновременно поразила, испугала и, как ни странно, насмешила его. Трое тех самых здоровенных амбалов всё в том же составе: Петька Чириков, Гришка Птичкин и Лёха Гвоздики — стояли напротив седовласого Никанора Наомовича и рыдали во весь голос. Чириков сквозь слёзы повторял: «Не так всё б-б-было. Нас там не-не-нее-было». Птичкин и Гвоздики стояли за ним и пытались что-то выговорить, но вместо этого у них получался жалобный плач слившихся воедино подростковых голосов. «Попрошу без истерик», — грозно сказал незнакомый голос. Тут Мишка понял, что рядом со столом директора стоит человек средних лет в полицейской форме.

— Господа, мы позже побеседуем, а сейчас попрошу вас идти на урок, — спокойно сказал директор.

Все трое зашмыгали носами и направились в Мишкину сторону. Проходя мимо него, Петька чуть остановился и посмотрел на мальчика так, словно он был его последней надеждой. В этом взгляде читалась немая просьба и даже что-то вроде извинения.

— Присаживайтесь, господин...

— Стрельников, Стрельников Михаил», — подсказал служителю порядка наш директор.

— Итак, Михаил, два дня назад на улице Вишневовка был ограблен ларёк. Время ограбления: шесть часов тридцать минут. Подозреваются три ученика вашей школы: Пётр Чириков, Григорий Птичкин и Алексей Гвоздиков. Этих молодых людей могут привлечь к уголовной ответственности. Но они заявляют, что не могли сделать этого, так как в момент совершения преступления были с вами на улице Ветрилова», — изложил полицейский.

— Говорят, были у вас в гостях», — добавил Никанор Наомович.

Обдумав сказанное, Миша не на шутку разозлился. «В гостях?! — негодуя, повторил он про себя. — Да, со мной они были, да вот только не в гостях вовсе. В гости друзей приглашают, а эти самые настоящие враги. Вот ведь гады, сейчас как скажу, что не было их у меня и, считай, их пенсика спета. Раз — и всё!» И только он собирался заявить, что и знать-то не знает этих преступников, как вдруг резко переменялся в лице и спокойно сказал:

— Да. Они были со мной.

— Вы уверены? — строго спросил полицейский.

— Миша ты лучше сразу всё, как есть, говори. Они были с тобой? Это твой окончательный ответ?» — недоверчиво осведомился Никанор Наомович.

— Да, — уже более уверенно сказал Миша.

— Ну что ж, вы свободны, — сообщил несколько разочарованный блюститель закона.

Вечером, когда Мишка уже собирался ложиться спать, к нему в комнату вошёл дедушка.

— Миш, я тут нашёл страничку из книжки. Она, наверное, выпала, возьми, — сказал Олег Константинович, отдавая внуку потёртый жёлтый листик.

Миша посмотрел на него, улыбнулся как бы сам себе и осторожно вложил его в книгу.

— Что же так? Ты, наверное, не дочитал? Или же не хочешь узнать, как Остапий Скала победил себя и своих врагов? — удивился дедушка.

Немного подумав, Мишка ответил:

— Он не стал их убивать, потому что простил и тем самым победил себя. Прощение — это и есть великий подвиг.

— Хм-м. Верно. И как же ты это понял, не зная окончания истории? — спросил дедушка.

— Ты ведь сам говорил, что жизнь и книга — понятия неразделимые.

*Тохтарова Малика (7 класс),
р.п. Черлак Омской обл.*

Ночной разговор

Друзья мои! С высоких книжных полок
Приходите ко мне вы по ночам,
И разговор наш — краток или долог, —
Всегда бывает нужен мне и вам...

Всеволод Рождественский

Этой ночью я уснула быстро: устала от долгого «зависания» в социальных сетях. Сны были приятные. Мелькали лица друзей, весело смеялась старшая сестра, посылая мне привет из Казахстана, где-то мурлыкала кошка, наша общая любимица. И вдруг в этой череде образов произошел сбой. Откуда-то издалека до меня долетел скрипучий голос:

— Просыпайся! Хватит спать!

Я медленно открыла глаза, но ничего не увидела в темноте. Повернулась на другой бок и погрузилась в продолжение сна. Но странный голос не отпускал меня:

— Не узнаешь друзей, что ли?

Я действительно не могла узнать, кому принадлежит голос. Мне пришлось напрячь свою память. Прошло несколько минут. А, вспомнила!

Два года назад, в пятом классе, мы пришли из начальной школы к новым учителям. Было интересно осваиваться в предметных кабинетах. Обживая кабинет русского языка и литературы, мы увлеченно изучали содержимое книжных полок. Здесь было много совсем старых, списанных из библиотеки книг.

И вот у меня в руках оказалась небольшая, примерно в сто страниц, скромная книга. «А. С. Пушкин. «Дубровский», — прочитала я на обложке и обрадовалась: это же мой любимый поэт! Над фамилией автора — неяркая иллюстрация: мужчина и женщина беседуют под сенью могучего дерева.

Я вспомнила, как мне захотелось поскорее познакомиться с этими героями. Открыла титульный лист. Ого, как интересно! Книга вышла в Ташкенте в серии «Библиотечка узбекского школьника» в 1974 году, значит, книжка старше меня ровно на тридцать лет!

Чтение оказалось увлекательным. В некоторых словах было указано ударение, а после каждой главы шел словарь: многие слова пушкинского текста были переведены на узбекский язык. Я тогда подумала: хорошо бы узнать значение этих слов! «Клирос», «причет», «околоток»... Эти и другие слова были мне непонятны, но сноски внизу давали только их узбекский перевод.

Книга меня потрясла. Она поведала мне печальную историю жизни Дубровских, отца и сына. В шелесте страниц передо мной разворачивалась трагедия любви Владимира Дубровского и Маши Троекуровой. Я внимательно разглядывала в книге черно-белые иллюстрации, пытаюсь увидеть

в них дух пушкинского романа. Благородство и подлость, честность и ложь, искренность и фальшь, простота и гордыня вели в книге упорный поединок.

Концовка романа меня разочаровала. Почему Маша вышла замуж за князя? Как она будет жить без любви? А каково теперь Владимиру, который сначала потерял отца, а потом и любимую? Так хотелось, чтобы Пушкин придумал другой финал, в котором герои были бы счастливы! Я закрыла книгу с тяжелым чувством. Неужели жизнь преподносит людям так много испытаний и страданий?

А в шестом классе меня ждала новая встреча с пушкинскими героями. Мы изучали «Дубровского» по программе. Теперь, после обсуждения текста на уроке, я посмотрела на произведение другими глазами. Многие непонятные места прояснились. Вместе с одноклассниками я опять восхищалась смелостью Дефоржа, сочувствовала запертой в комнате Маше, переживала за раненого Владимира...

— Так-так! — недовольный голос прервал мои воспоминания. — Вижу, ты меня вспомнила?

— Конечно! — бодро ответила я старой знакомой. — Ведь ты одна из моих любимых книг!

— Неужели? — недоверчиво усмехнулась книга, шелестя пожелтевшими страницами. — А почему же ты не берешь меня в руки?

— Почему? Так я же тебя уже давно прочитала!

— А разве любимые книги не нужно перечитывать?

Я смутилась. Даже во сне почувствовала, как мои щеки покраснели.

— Честно говоря... Мне некогда... Так много уроков сейчас задают... — оправдывалась я. — Да и новые книжки хочется почитать...

— «Гарри Поттера», например? — съехидничала книга.

— А почему бы и нет? Мне этот герой тоже нравится, как и Дубровский.

— Также мне, нашла, кого сравнивать!

— Ладно, давай не будем ссориться! — миролюбиво предложила я.

Но книга не успокаивалась. Она продолжала выражать свое недовольство. Серdito хмурясь, ворчала:

— Горе-читатели вы! С книгой совсем не хотите дружить! Вам проще в интернете тексты читать! Смотри, какие мы одинокие! Нас ведь совсем забыли на полках! Пылимся тут, а что толку? Вот мне уже больше сорока лет, последние лет двадцать отдыхаю без дела. Ты думаешь, это легко — быть никому не нужными?

Я гладила книгу по обложке и старалась ее хоть как-то успокоить, но в душе понимала, что моя собеседница права. Мир стал другим. Книга в нем вытесняется интернетом. Компьютер, телевизор — вот главные друзья человека сегодня. Молодые читатели в основном предпочитают электронный формат. И я не исключение. Если мне что-то нужно прочесть, то ищу это в интернете через телефон или компьютер.

Да, но все-таки иногда следовало бы сходить в библиотеку. Вспомнить неповторимый запах новых книг — они так заманчиво пахнут свежей типографской краской! Бережно полистать истертые страницы старых книг и ощутить кончиками пальцев силу и тайну книжной информации, прикоснуться к тому, что читали твои предшественники. Взять домой понравившуюся книгу и с нетерпением прочитать ее от корки до корки, стараясь понять чувства и мысли автора. И этот диалог нужен и тебе, и самой книге. Ты станешь во сто крат мудрее, а книга почувствует свою значимость.

Обо всем этом я хотела рассказать своей старой любимице, но она вдруг пропала, исчезла, растворилась в лабиринте моих снов.

... Зазвенел будильник. Пора в школу! Мне вспомнился ночной разговор с книгой А. С. Пушкина. Или это было не во сне?

В кабинете литературы я отыскала на полке знакомую обложку. Вот ты где! И вдруг показалось, что книжка лукаво подмигнула мне...

Другой мир

Я на цыпочках подошла к кабинету. «Опоздала!». Приложив ухо к двери, услышала голос Ксюши, которая что-то рассказывала. Это был пересказ текста из повести Гоголя «Тарас Бульба», который я так усердно учила вчера вечером. Собравшись с духом, я постучалась и вошла в кабинет, прошмыгнула к своей парте. Попытавшись сосредоточиться на словах Ксюши, я поняла, что звучал вовсе не пересказ, а что-то совсем иное...

«Родители Риты жили небогато и часто пили. Однажды в их доме случился пожар, и мама с папой не смогли выбраться оттуда... Рита стала сиротой. Ее отправили жить в детский дом», — говорила Ксюша. Голос одноклассницы звучал, а передо мной возникали картины: вот дом, а вот сама Рита... У меня складывалось впечатление, что все это время я была не в кабинете литературы, а вместе с героиней, я словно проживала с ней ее непростую жизнь.

Я шла домой, стгорая от нетерпения. Придя домой, тут же нашла в интернете книгу «Три твоих имени» Дины Сабитовой. В этот же день я прочитала несколько глав, но пришлось прерваться: ждали занятия в художественной школе и домашние задания.

На следующий день в школе я только и думала о Рите. Что же с ней случится дальше? Когда я вышла из школы, почему-то пошла по прямой, мимо детского дома, который раньше по неведомой причине всегда обходила стороной. Не сказать, что я боялась детей оттуда. Хотя, наверное, так и было. Я поддалась стереотипу: все дети из детдома грубые, жестокие, невоспитанные...

В этот вечер я уже дочитала книгу «Три твоих имени». Никогда еще я так быстро не читала книги! И никогда еще книга не вызывала у меня столько эмоций! Я была так счастлива за Риту... Но я прекрасно понимала, что не всем

детям из детдома так везет. Ведь многие так и живут в детдоме до восемнадцати лет! Это же так грустно... Мне вдруг стало очень стыдно, как я могла плохо думать о детях, которых я даже не знала?! Ведь всем им так не повезло. И они ни в чем не виноваты.

Ночью я не спала, все время думала об этих бедных детях...

Утром, когда я спустилась к завтраку, мама, увидев мои заплаканные глаза, тут же спросила, что случилось. Я рассказала маме о книге, о детях и о детдоме. Было видно, что мама заинтересовалась этой книгой, она пообещала мне, что прочитает ее.

Возвращаясь после школы домой, я остановилась у детдома для того чтобы посмотреть на детей. На качелях качались маленькие девочки, а у ограды в песочнице возились мальчишки. Около самого детдома сидели две женщины, наверное, воспитательницы.

У меня потекли слезы по щекам. Я даже не знала почему. Просто внутри что-то будто бы щелкнуло — и потекли слезы. Я поспешила уйти, решив, что вернусь сюда завтра.

Так и случилось. Но только в этот раз двор детского дома оказался пуст. Я, конечно, расстроилась и уже собиралась уходить, как вдруг заметила ребенка, сидящего под деревом. Я подумала, что он плачет. Я не знала, что делать, но, осмелившись, сказала:

— Привет! Как тебя зовут?

Ребенок вздрогнул и обернулся. Это оказалась девочка лет шести. Вытерев слезы, она сказала:

— Меня зовут Аня.

— Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? — ободряюще спросила я.

Мы проболтали с ней, наверное, полчаса. Я узнала, что плакала Аня из-за того, что ее лучшую подружку Тоню забрали. Да, Тоню удочерили.

Я говорила Ане о том, что она обязательно найдет себе друзей и что все будет хорошо. Мне надо было уходить, но я

пообещала, что завтра в это же время я буду тут, и мы снова поговорим.

На следующий день Аня уже ждала меня у ограды.

— Привет! — весело воскликнула она.

Я тоже была очень рада ее видеть.

Прошел месяц... и почти каждый день я виделась с Аней. Она очень привязалась ко мне, а я к ней. Я считала ее своей младшей сестренкой и не могла представить, что я, возвращаясь домой из школы, обойду детский дом. Теперь я наоборот чуть ли не бежала к нему.

Однажды я подошла к детдому, а Ани еще не было.

— Ну, ничего, — подумала я, — наверное, она просто задерживается. Но минуты шли, а Аня все не появлялась. Я прождала сорок минут и, понутив голову, пошла домой. «Может, ее удочерили? А вдруг они куда-то уехали? Или она обиделась на меня?» — вопросы крутились у меня в голове.

Так продолжалось неделю. Я понимала, что просто так взять и войти в детдом я не могу, меня никто туда не пустит. Но вдруг меня озарила одна идея.

На следующий день в школе я подошла к нашей классной руководительнице и сказала: «Екатерина Александровна, у меня есть хорошая идея. Помните, мы пару месяцев назад показывали с классом представление «Двенадцать месяцев»? Давайте покажем его в нашем детском доме? Я думаю, что и ребята не будут против, и руководители детского дома тоже».

Екатерине Александровне эта идея понравилась, и на следующем классном часу она объявила это классу.

И вот спустя две недели мы уже идем в детский дом показывать наше представление. Я очень надеялась на то, что увижу там Аню. «Но если она там, то почему же со мной не общается?» — думала я.

Выступили мы хорошо, даже отлично. Все представление я искала глазами Аню в зале, но так и не нашла.

Ну вот и все. Все было зря. Я так и не узнала, где Аня. Потом, когда мы уже собирались, к нам подошла воспитательница, та самая, которую я видела у детского дома.

— Молодцы, ребята! Отличное представление! Спасибо вам большое, приходите к нам почаще! Всем ребятам очень понравилось ваше выступление.

— Спасибо,— хором ответили мы. И тут я поняла, что это мой шанс узнать, где же все-таки Аня. Я протиснулась сквозь толпу.

— Здравствуйте! Извините, можно задать вам один вопрос?» — смущенно сказала я.

Воспитательница кивнула.

— У вас жила девочка Аня. Я сегодня не заметила ее на концерте. С ней что-то случилось?

— Нет, ее удочерили где-то неделю назад. Я была так рада за нее... Но откуда вы знаете Аню? — воспитательница удивленно подняла брови.

Моей радости не было предела. Она не заболела, не обиделась, а ее удочерили! Удочерили! Это же так прекрасно, что у Ани появились родители!

— Просто... — я не знала, что ей ответить. И пришлось сказать правду.— Я как-то шла мимо вашего детского дома и увидела, что Аня плачет, познакомилась с ней,— я смущенно опустила глаза.

— А как тебя зовут? — спросила воспитательница.

— Лена, ответила я.

— Так это ты Лена? — воспитательница очень удивленно на меня смотрела.— Мне Анечка все уши прожужжала про свою новую подружку Лену. Я-то думала, что она себе придумала воображаемого друга, а это была ты!

После этого случая мы с классом стали приходиться в детдом показывать представления. Каждый раз, когда я была на сцене, я видела глаза этих детей. Они вроде бы смотрели с интересом, и даже улыбались и хлопали, но их глаза всегда были наполнены грустью. А иногда мы с девочками просто так ходили в детдом поговорить с ребятами. Галина Ивановна (так звали воспитательницу) всегда была рада нас видеть. Я стала общаться и с другими ребятами из детдома.

Только после всего этого я поняла, насколько раньше ошибалась. Таких девочек, как Аня, очень много, и не всем им так повезло, все они хотят иметь родителей. Так, приходя к ним, мы могли их развеселить, и они понимали, что кому-то нужны. Каждый раз, когда я выходила из детдома, у меня на душе была приятная грусть. Я была рада видеть счастливые лица детей, их улыбки... но в то же время мне было их жалко.

После всего я поняла, что существует другой мир, о котором большинство людей имеет смутное представление, этот мир очень нуждается в помощи.

А свою любимую книгу я все-таки нашла в бумажном варианте. И она стоит на заветной полке напротив кровати.

Фатихов Вадим (6 класс), Санкт-Петербург

Уроки мудрости старой книги

Жила-была книга, написал ее когда-то давно очень мудрый и добрый человек, пожелавший оставить в памяти людей свои знания. Это была книга о том, что добро всегда побеждает зло, о том, что ничего нет прекраснее родной земли, о мудрости и мужестве великих и смелых людей, о чудесах, сотворенных силой Любви.

Сначала книга попала в руки любителя чтения, который бережно перелистывал страницы, перечитывал понравившиеся места, нежно поглаживал пожелтевшие страницы, задумывался над мудростью сказанного, теребя кожаный корешок. Но случилась беда: разразилась война, любитель чтения пошел воевать за свою землю, помня о добрых наставлениях, которые подарила ему книга. Теперь он держал в руках оружие, и глаза его поблескивали воинственно и смело. Книга осталась грустно пылиться на полке среди других умных и добрых книг, потому что любитель чтения хранил в своей библиотеке только такие. Иногда книги тихонько переговаривались между собой, делились увлекательными историями, рассказывали о волшебных

приключениях, талантливых людях, загадочных местах на планете. Особенно внимательно и почтительно все слушали старую книгу, хотя говорила она редко, ибо Мудрость не бывает навязчива.

И вот однажды книга услышала страшный шум, вой, грохот... Полка, на которой она стояла, рухнула, вокруг наступил мрак. Книга чуть не задохнулась от пыли и гари, ее страницы растрепались и запылились, она увидела удаляющийся вражеский самолет, управляемый человеком, никогда не читавшим книг, поэтому не умевшим отличить Добро от Зла, не знавшим законов Любви. Странно, но книга пожалела этого человека, ей так захотелось рассказать жестокому пилоту, что главное в жизни — посадить росток Нежности и Сострадания, почувствовать радость от сотворенного Добра. Но пилот улетел, неся в груди ожесточенное сердце, не чувствующее ничего хорошего и светлого. Книга лежала на обломках здания, беспомощно распластав свои страницы, обугленные пожаром. Так прошло несколько дней, и потихоньку на улицы города снова стали выходить люди, боявшиеся вражеских самолетов, несущих смерть и разрушение, отнимавших близких, лишаящих крова над головой. Люди разбирали завалы, расчищали улицы, упрямо стараясь отстоять Жизнь.

Вдруг над книгой склонился мальчик, поднял ее и с интересом посмотрел на запылившиеся страницы со старинными иллюстрациями. Он принес книгу домой, стер пыль и погрузился в чтение. Мальчик читал медленно и вдумчиво, иногда произносил какие-то фразы вслух, он понимал, что книга очень мудра и может научить его только хорошему. Книга благодарно открывала свои страницы, щедро делилась своей добротой и мудростью, ей было приятно, что такой юный читатель уважительно и с интересом знакомится с ее уроками.

Мальчик прочитал книгу, поставил ее на полку и решил делать добрые дела, которым научила его книга. Он вырос умным и чутким человеком, помнящим, как страшна война,

как ужасны страдания человека, теряющего близких и родных людей, как дорога и хрупка Жизнь. Спустя годы мальчик стал великим писателем, который так же, как и Мудрец, проповедовал Добро, писал о великой силе Любви. Творения писателя стояли на полке рядом со старой потрепанной книгой, некогда подарившей мальчику истину, которой он следовал всю свою жизнь.

*Федирко Дмитрий (7 класс),
Гатчина Ленинградской обл.*

Дневниковые записи Петра Николаевича Иванова, участника международной космической экспедиции

01.12.2100. Еще вчера я был счастливейшим человеком, у которого много друзей, которому есть к чему стремиться, кого любить. Но теперь я отрезан от мира и, скорее всего, буду вынужден провести остаток своей жизни в полном одиночестве. Вот как это произошло.

В час ночи я был разбужен сильным толчком, потрясшим весь отсек, и страшным грохотом. Я выглянул в иллюминатор и вместо привычного металлического корпуса станции увидел облако пыли, которое быстро удалялось и вскоре совсем исчезло. Сначала я не понял, что произошло, но уже через несколько секунд страшная мысль поразила меня. Станция столкнулась с метеоритом, а мой отсек оторвало и теперь несет в неизвестном направлении.

Первые минуты я был настолько угнетен гибелью моих друзей, что даже не думал о себе, а потом вдруг осознал свое бедственное положение, тщетно пытался найти какую-нибудь надежду на спасение.

На Земле, конечно же, уже узнали о случившемся, но меня, скорее всего, считают погибшим, и никому и в голову не придет мысль организовать спасательную экспедицию. Если бы кто-то и догадался о том, что я жив, как найти крошечный обломок станции, несущийся быстрее света в межгалактическом пространстве.

Мне кажется, что я схожу с ума. Одиночество становится невыносимым. Я не знаю, что делать. Вчера целый день просидел, бесцельно глядя в иллюминатор. Если так будет продолжаться и дальше, то я просто умру. Надо найти себе какое-нибудь занятие.

Сегодня утром я вспомнил о книгах, которые хранятся в электронной библиотеке станции. Начал читать А. С. Пушкина, прочел хорошо знакомые мне стихотворения: «Зимнее утро», «Зимний вечер», «Анчар». Первые два стихотворения заставили меня вспомнить красоту родной природы и сильнее почувствовать свое одиночество. Прочитав третье, я задумался о человеческой жестокости. Потом начал читать другие стихи. Плавный ритм пушкинских строк успокаивает и радует душу. Стихотворение «Бесы» напомнило мне страшный метеоритный дождь, под который мы попали в созвездии Ориона. Я подумал, какие схожие чувства могут вызывать явления природы у людей, живущих в разное время. Это говорит о том, что человеческая душа не подвластна времени. Эпохи меняются, а люди остаются все те же.

Перешел на прозу. Меня захватили рассказы из цикла «Повести Белкина». Они заставили меня задуматься о вечных вопросах любви и ненависти, чести и справедливости.

15.12.2100. Прочитал поэму «Полтава». Невольно почувствовал обиду за главную героиню, безмерная любовь которой осталась безответной и невознагражденной. Подумал о проблеме личности и государства, восхитился славой родной страны, стойкостью и мужеством русского народа.

20.12.2100. Вспомнил о книге Д. Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Ее знаменитый герой оказался в положении, схожем с моим, и я решил поучиться у литературного «собрата по несчастью» умению выживать в сложных ситуациях. Эта книга научила меня философски взглянуть на мир, и я чуть-чуть успокоился, подумав о том, что я нахожусь не в самом худшем положении.

Мне надо постараться забыть о своем несчастье, так как сейчас я могу только ждать.

Моей утомленной голове надо погрузиться в мир фантастики и приключений, не требующий от меня напряженной работы мозга.

25.12.2100. Сегодня прочитал роман «Дочь Монтесумы», увлекся и окунулся в сюжет с головой, был поражен силой авторского воображения. Как может один человек придумать столько приключений! Читая роман, задумался о настоящей любви и человеческом коварстве. Мне стало жаль несчастных ацтеков, некогда великого народа, который был уничтожен испанскими конкистадорами.

28.12.2100. Сегодня я как будто побывал в Центральной Африке, совершая путешествие с профессором Фергюсоном и его спутниками, героями романа Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре». Подумал о настоящей дружбе и вечном стремлении человека к новым открытиям и знаниям. В своих книгах Жюль Верн хотел доказать, что человек может найти выход из любой, даже самой сложной ситуации. Это сейчас для меня очень важно, потому что я хочу верить в спасение.

10.01.2101. Я спасен! Значит, я верил и надеялся не зря. Сегодня я уверовал в собственные силы и в силы человека вообще. Меня подобрала военная космическая станция, и теперь я спешу не только в письме, но и на словах поблагодарить моих спасителей. Через два дня я буду на Земле.

Федоров Григорий (5 класс), Санкт-Петербург

Книга, изменившая мою жизнь

Книга! Величайшее творение человеческого гения! То, что может менять наши мысли! Она прекрасна!

Книга — одна из главных составляющих человеческой души, из нее человек черпает чувства и мысли. Культурный человек не может обойтись без книг. Одни люди, прочитав книгу, не расстаются с ней очень долго, перечитывают вновь

и вновь. Другие «поглощают» книгу за книгой, их умы требуют нового чтения.

Каждая прочитанная книга привносит что-то свое, учит, заставляет задуматься. Но есть книги, прочитав которые один раз, возвращаешься к ним постоянно, находишь в них каждый раз что-то новое, интересное, ранее не замеченное.

В чем же прелесть чтения? Книга переносит человека в мир фантазии, где читатель как бы живет второй жизнью. Книга помогает читателю вновь и вновь переживать приключения любимых героев.

Как сказал Лев Николаевич Толстой: «Плохие книги не просто бесполезны, но и вредны». Но велика сила прекрасных книг. Одно из главных свойств книг состоит в том, что они могут направить человека, подбодрить или дать пример для подражания. Для меня такой книгой стала «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого.

В книге повествуется о том, как во время Великой Отечественной войны военный летчик Алексей Маресьев, выполняя боевое задание, был сбит на вражеской территории и получил ранение ног. Восемнадцать дней и ночей выбирался он из немецкого тыла, сорок километров продвигался по зимнему лесу без еды и огня, двигаясь на звуки орудий, полз к своим. Вдобавок к ранам он отморозил ноги. Партизаны спасли его и отправили в Москву в госпиталь, где ему ампутировали ноги. Жизнь потеряла для него смысл, он не мыслил себя без авиации. Но настоящий пилот — пилот в душе, Маресьев не сдавался, он поставил себе цель вернуться не просто в авиацию, но в строй летчиков-истребителей, что казалось абсолютной фантазией. И Маресьев стал тренироваться на протезах — бегал, прыгал, даже танцевал, преодолевая страшную боль. И, когда подошло время проходить комиссию, которая решала дальнейшую судьбу раненых, врачи даже не могли поверить, что у него нет ног. Много препятствий было на пути Маресьева обратно в истребительную авиацию, но герой книги преодолевает все преграды и вновь становится летчиком. Все его страда-

ния были вознаграждены — он вернулся в армию, он вновь в небе и добивается победы в воздушном бою.

Эта книга о подвиге, о силе духа и мужестве. Этот подвиг — не вымысел автора. Летчик Алексей Петрович Маресьев существовал на самом деле. В книге показывается упорство, несгибаемая сила воли и жажда жизни этого человека. Алексей Маресьев — настоящий победитель, Настоящий Человек. Для меня этот подвиг стал примером для подражания.

Итак, Книга — самое великое изобретение цивилизаций...

Федотова Людмила (10 класс), Санкт-Петербург

Книга в жизни моей семьи

Книги в моей семье всегда занимали важное место. Представить хоть один вечер в кругу родных без чтения вслух невозможно. Тихими вечерами, когда за круглым столом собирается вся семья, мы зачитываем любимые строки и делимся своими впечатлениями о новых открытиях. Так случилось и в этот вечер. Мы вели бурные споры о романе «Преступление и наказание», отрывки из которого я цитировала, когда в гости пришла моя подруга и, удивленная необычным времяпрепровождением, задалась вопросом:

— Что вы делаете? Это у вас такая традиция?

— Да, традиция,— ответила моя мама,— и сложилась она неслучайно, но это длинная история.

— А я не тороплюсь,— ответила Света.— Уж больно интересно узнать, что может заставить человека читать? Уж лучше фильм посмотреть.

— Тогда слушай. Ты можешь себе представить, что книга способна спасти жизнь человеку?

— Нет, конечно. Книга? Жизнь?

— Да. Именно книга,— мама достала старый том «Войны и мира», передала его в руки подруги и начала рассказ.— Именно эта книга — напоминание о прошлом и урок на

будущее. В далеком 1930 году моя прапрабабушка Фрося росла в советском Ленинграде, готовясь поступить в институт. Но планам не суждено было сбыться: 22 июня 1941 года в четыре часа утра началась Великая Отечественная война. Начались тяжелые дни.

Об учебе никто не вспоминал. Главное — выжить. Немцы продвигались вперед, казалось, никто не сможет их остановить. Фросе пришлось идти работать на завод ради дополнительного куска хлеба.

Когда началась блокада Ленинграда, Фрося потеряла отца. Сестра и мать погибали от голода и холода. Фрося начала забывать, что существует жизнь без войны. Холод, боль, голод, стук метронома, бомбежки — повседневность блокадного Ленинграда. Погибла от голода мать. Фросе удалось отправить маленькую сестру по «Дороге Жизни» подальше от блокады. Она осталась одна. Фрося таяла на глазах. Постепенно угасало ее стремление жить.

Проснувшись в одно зимнее утро, она почувствовала, что больше не хочет бороться. Фрося перестала выходить на улицу, даже двигалась лишь в самых необходимых случаях. В одиночестве она просиживала часы, готовясь встретить смерть. Когда стало совсем холодно, она стала сжигать все, что было вокруг: мебель, обои, книги. Сидя перед огнем, она перебирала оставшиеся книги. Что это? Лев Николаевич Толстой «Война и мир», первый том. В памяти тут же всплыли воспоминания. Последний подарок отца. Тонкие пальцы открыли издание. Девушка не заметила, как стала читать главу за главой. Время текло незаметно для нее. Даже чувство голода притупилось. Искренне сопереживая героям, Фрося прониклась сюжетом. Прочитав сцену Шенграбенского сражения, девушка ужаснулась своему бездействию. Она поняла, что думала только о себе: готовилась встретить смерть, забыв о сестре. Фрося будто проснулась после долгого сна. Она пообещала себе, что больше не опустит руки и будет делать все возможное, чтобы помочь своей стране, себе, сестре...

После этого случая девушка вернулась на завод и стала работать с большой отдачей, превозмогая все трудности. В свободные минуты Фрося читала полюбившуюся книгу. Несмотря на холод, она не допускала мысли, чтобы сжечь эту книгу. И не напрасно. Уже полюбившиеся героини вдохновляли ее, помогали выживать.

Война закончилась, а книгу Фрося сохранила как талисман, который помог выжить. Теперь этот томик хранится у нас и передается из поколения в поколение. Эта книга — история нашей семьи. И так получилось, что именно благодаря ей чтение для нас — не просто возможность получить новую информацию, это смысл нашей жизни.

Подруга еще долго молчала, пораженная маминым рассказом, а потом сказала:

— Я восхищаюсь вашей семьей. Это так хорошо, когда есть вещи, дающие силы жить!

— Да. Мы счастливые люди! — вступил в разговор папа. — Книга — это наша память... Книга — это оберег... Книга — это член нашей семьи, которая объединяет нас, помогает преодолевать трудности и делает нас более чуткими, отзывчивыми. Может, именно чтение делает человека настоящим?

И я с ним полностью согласна.

Хвостанцев Кирилл (8 класс), Асбест

Случайность

Был обычный солнечный день, который ничем не отличался от других. Я, слушая стук колес, ехал в поезде. Но тут поезд сбавил ход. Выглянув в окно, я понял, что мы остановились на станции, в каком-то городке, но мне надо было ехать до конечной. В поезд стали заходить другие пассажиры, среди которых я заметил одну девушку. Она была довольно-таки странно одета, очень бедно. Она помогала пожилым людям заносить вещи, но при этом была вся в слезах. Когда все разместились в поезде, в том числе и эта девушка, поезд тронулся.

Я очень долго думал о ней — почему же она плакала и при этом помогала пожилым? Никто не обращал на нее внимания, и это казалось мне странным, что люди были безразличны. Но я не остался в стороне. Подошел к этой девушке и сказал: «Привет. Меня зовут Кирилл. Могу ли я узнать твое имя?» Девушка сквозь слезы сказала: «Меня зовут Лиза». И тут же спросила: «Могу ли я вам чем-то помочь?» Меня очень удивило то, что она сказала. Но я спокойным голосом спросил ее: «Лиза, ты предлагаешь помощь другим, но при этом мне кажется, что тебе тоже нужна помощь, но ты ее не просишь. Скажи, почему?» На что Лиза ответила мне: «То, что меня беспокоит — это сугубо мое личное дело, а я предлагаю помощь тем, кто ее просит открыто».

Я, посмотрев на заплаканную Лизу, сказал: «Лиза, я не могу оставаться в стороне, когда вижу, что кому-то плохо, особенно девушке. Позволь узнать мне, что тебя тревожит?» Лиза, успокоившись, говорит, что ее предали. Я с большим удивлением спрашиваю у нее: «Кто мог предать настолько милую и красивую девушку?» На что она ответила очень вспльщиво: «Деньги!» Я сказал: «Деньги — это всего лишь бумажки, как они могли предать?!» На что Лиза ответила: «Деньги из хороших людей делают совершенно других, склоняя их в отрицательную сторону. Это произошло и с моим возлюбленным». Я спросил: «И как же зовут твоего возлюбленного?» И Лиза назвала мне имя моего знакомого — Эраст. Я был в ужасе от того, что рассказала мне Лиза про Эраста и его предательство, которое произошло после их теплых отношений. Когда после рассказа Лизы я пришел в себя, то спросил Лизу, что она будет делать дальше, и она сказала так: «Без Эраста на этом свете я не хочу жить!» Я понял, что Лиза не осознает, что делает, но ее можно понять, ведь ее сердце разбито. Я, посмотрев на снова заплакавшую Лизу и ее добрые глаза, сказал: «Лиза, наша жизнь очень коротка. А в жизни самое главное — это терпеть, так вот и ты потерпи, ведь всегда помимо черной полосы есть еще и белая. С твоею доброй душой и добрым

характером эта белая полоса наступит очень скоро. А с Эрастом я поговорю».

В этот же день, когда поезд приехал на конечную станцию, мы с Лизой распрощались, я проводил ее до дома и ушел к себе. Дома я без промедлений начал писать письмо Эрасту, в котором изложил все, что о нем думал, и прямо написал, что как мужчине ему необходимо извиниться перед Лизой. Уже утром я отправил письмо Эрасту, на которое уже через два дня пришел ответ. В этом письме было написано: «Дорогой мой друг. Я предал Лизу из-за собственной алчности и своего эгоизма, ведь мне надо было отдать все долги. Я согласен, что это было подло по отношению к ней. Думаю, что после такого поступка она меня вряд ли простит, но я все-таки попробую. Спасибо, Кирилл, что смог подсказать мне, как это сделать, и указал на все мои недостатки». Прочитав это письмо, я понял, что Эраст не хотел предавать Лизу.

Через неделю я случайно встретил Лизу, она благодарила меня, сказала, что простила Эраста.

Уже прошло пять лет.... И я получил приглашение на свадьбу Лизы и Эраста. Теперь у них все наладилось, они счастливы. Лиза живет, с радостью встречая каждый день, а ее добрые глаза излучают свет и тепло. Эраст понял свои пороки, и в душе у него спокойно. А я задумался о Случае, что спас жизнь хорошим людям. И мне тоже хорошо, что Лиза и Эраст вместе и счастливы!

Чайкин Илья (7 класс), Санкт-Петербург

Самая интересная книга

Я любил своих родителей. Родители любили меня, ласкали, баловали, но появилась у меня сестренка. И внимания мне стало меньше. Я ревновал родителей к сестре, обижался на них, было время, что я даже делал сестренке больно. Я ужасно завидовал ей. Ведь ее любят! А меня — нет! Это вскоре заметил отец, тогда он позвал меня (я уже

был большой, мне было восемь лет) и рассказал историю про двух братьев — Каина и Авеля. Мне, конечно, совсем не хотелось быть похожим на Каина, убившего своего брата. С тех пор мое отношение к сестре изменилось. Я понял, что родители любят нас обоих. Оказалось, что отец знает эту историю из Библии. Я поинтересовался, что еще написано в этой книге. Отец сказал, что это очень серьезная книга, но вполне понятная даже детям. И на следующий день принес «Библию для детей». Так я стал знакомиться с Ветхим и Новым заветом. «Библия для детей» была красочно иллюстрирована.

Вот Адам и Ева в раю. Как там все прекрасно: благоухают цветы, вкусные плоды на деревьях, мирно пасутся рядом тигр и антилопа. Все счастливы. А вот Всемирный потоп, Ноев ковчег носится по волнам безбрежного океана, в нем семья Ноя и каждой твари по паре. А все другие люди и животные погибли — какая трагическая участь!

А вот Моисей выводит свой народ из Египта, перед ним расступаются воды Красного моря, а потом снова смыкаются. Иисус Христос избавляет народ от голода несколькими рыбами, излечивает больных прикосновением руки. Невероятно! Чудеса! Я удивлялся. Я восхищался. Я сожалел. Я любил. Я даже плакал, когда читал о том, как Ирод приказал убивать младенцев.

Мне было так интересно читать, что я не хотел идти спать. Страшные картины казни Иисуса Христа меня иногда преследовали даже во снах. Какая это была сильная личность! Папа сказал мне, что такой личности в истории больше нет, не было и не будет.

Если бы все люди следовали заветам Иисуса Христа, то не было бы на свете войн, драк, убийств, грабежей. «Не убей», «не кради», «не предавай», «не лги», «возлюби Господа Бога и ближнего своего» и т.д. — разве не к этому мы должны стремиться?

Библию читать интересно и познавательно. А сколько эмоций вызывают у меня разные истории, разные притчи!

Вот Бог наказал за непослушание города Содом и Гоморру. И только одна семья Лота спаслась, убежав в горы, бросив все нажитое имущество. Не удержалась жена Лота, нарушила повеление Бога — не оглядываться — и была превращена в соляной столб.

Все очень похоже и на сказку, и на быль. Из Библии я узнал, как объясняются некоторые афоризмы. Например, «зарыть талант в землю». Это значит: не воспользоваться даром, которым наградил тебя Господь. А притча рассказывает нам о крестьянах, которым хозяин дал деньги, чтобы они ими разумно, с пользой распорядились. Двое крестьян употребили свои таланты в деле, а третий закопал талант в землю, не принеся пользы ни себе, ни хозяину.

Недавно мы с мамой были в музее А. А. Ахматовой. Там я увидел, что Библия тоже была настольной книгой поэтессы. Она не расставалась с ней никогда. Мне это было очень приятно.

Я не все понимаю в этой книге, но думаю, что всю свою оставшуюся жизнь я буду читать ее и находить в ней ответы на многие жизненные вопросы. Мы часто в семье обсуждаем некоторые строки из Библии, а особенно я люблю Евангелие, в котором описана жизнь Иисуса Христа.

Чудных Жасмин (8 класс), Подольск

Зоя — значит «жизнь»

А вы знаете, с чего начинается свой жизненный путь книга? С бессонных ночей талантливого автора, отдавшего все силы ее написанию. Я думаю, вы поняли, что вначале писатель создает душу для книги, ее внутренний мир, который вскоре кто-то для себя откроет. Далее ей создают тело — это страницы и обложка.

Писатель или его коллега стараются сделать внешний вид каждой книги наиболее интересной, необычной, чтобы ей было проще найти своего читателя.

Каждой книге необходим собственный хозяин, который оценит ее по достоинству, а она в свою очередь сможет принести какую-либо пользу. Об одной из таких книг и пойдет речь в моем рассказе.

В один книжный магазин привезли новую партию книг от разных производителей. Их было очень много, и все они новенькие, еще ни разу не видевшие полку да прилавков. Все они проделали долгий путь, чтобы иметь возможность продаваться в магазине. Как только посылку вскрыли, книги начали доставать и расставлять по полочкам. У каждой было свое собственное место. На одной из этих полочек расположилась маленькая книга по природоведению для младших классов. Остальные книги звали ее Зоя. К сожалению, люди не слышали их голоса и разговоры.

Одним весенним утром, до открытия магазина, Зоя и ее лучший друг Феликс — учебник математики — решили поболтать.

— Эх, когда же нас уже кто-нибудь купит? Ты бы хотел этого? — спросила Зоя.

— Я не хочу, мне и здесь хорошо. Сама посуди, кому я нужен. Мало кто занимается математикой просто так. Ну купят меня, поставят где-нибудь и забудут,— ответил ей Феликс.

— Не знаю как ты, а мне хочется найти читателя! Он будет каждый вечер приходить, открывать меня, читать,— сказала Зоя.

Вскоре в магазин зашла женщина лет тридцати. Она включила свет, сняла с себя ветровку и встала за прилавок. Два часа никто даже не заглядывал в книжный магазин, но потом люди стали приезжать. Кто-то действительно хотел купить книгу, а кто-то просто посмотреть и перелистать новую партию. За весь день никто почти не подходил к шкафу с учебниками, только изредка поглядывал на них, но вдруг прямо перед Зоей встала маленькая девочка. Она пристально смотрела на нее, а потом достала с полки и начала листать. Тем временем книга говорила:

— Кажется, она действительно хочет меня купить.

— Я в тебя верю! — прошептал Феликс.

Издали раздался женский голос:

— Даша! Ты где?

Девочка закрыла книгу, положила ее обратно и убежала.

Вечером, когда в магазине было уже совсем пусто, а продавщица не знала, чем себя занять, в дверь зашел мужчина. Он передал продавщице письмо, прочитав которое, она принесла пять коробок с книгами и еще одну пустую, после чего подошла к полке с учебниками и аккуратно стала складывать книжки одну за другой. Зоя была в их числе.

— Что происходит? — спрашивала она.

— Видимо, нас покупают, — спокойно промолвил Феликс.

— Я, конечно, не так это представляла, но это определенно лучше, чем пылиться всю жизнь на полке в книжном магазине! — сказала Зоя.

Когда они окончательно прибыли в пункт назначения, то не сразу поняли, где оказались. Место, похожее на склад. Книги пробыли в нем три месяца и уже смирились со своей участью провести остаток жизни в темной коробке, но вдруг почувствовали толчок. Что-то неуклюже двигало коробку. К счастью, ее поставили и начали вскрывать. В комнате было очень шумно, там было много детей. Все поочередно брали учебники. Вскоре книги поняли, что оказались в школе.

— Вот это да! Каждый год — новый хозяин. Как много знаний я могу подарить детям!

Все нашли свой дом. Феликс достался девочке по имени Карина. Она тут же достала красивую обложку розового цвета. И хотя Феликс сам был синенький, ему эта обложка пришлась по душе. Он познакомился и с другими учебниками Карины, смог найти с ними общий язык.

Зоя попала к маленькому мальчику по имени Костя. Он показался ей очень добрым, позитивным, общительным, но

в классе его почти невозможно было успокоить, он не мог усидеть на месте.

Дети где-то час сидели, познакомились с учительницей, обсуждали школьные предметы, а после собрали учебники и пошли по домам. С этого момента начался учебный год.

В школе природоведение было два раза в неделю, но для Кости и этого было много, так как он не любил учиться, часто забывал брать учебники в школу, будто ходил в нее не для учебы, а для посиделок с друзьями, беготни на перемене. Для кого как, а для Кости школа — это продолжение детского садика. Он почти никогда не выполнял домашних заданий, поэтому маме приходилось его заставлять.

К октябрю все учебники Кости износились, потому что он никогда не надевал на них обложки. Все уголки стерлись, страницы погнулись, но то, что произошло дальше, обидело Зою и буквально убило веру в добрых людей.

Однажды каким-то чудом Костя соизволил взять с собой в школу учебник по природоведению, но как только он зашел в класс, кто-то сказал:

— Сегодня будет проверочная работа по таблице умножения!

Костя испугался, ведь до этого момента никто не проверял результаты его учебы, количество знаний и прочее. Всего этого он удачно избегал, но на этот раз впервые узнал, что такое проверочная работа.

Костя быстро взял учебник по математике (Стива) и самую маленькую, незаметную книгу из всех (Зою). Он прихватил с собой розовый карандаш и побежал в туалет. Там Костя раскрыл Стива на странице с таблицей умножения и розовым карандашом переписал ее на обложку учебника по природоведению. Розовый карандаш было еле-еле видно, так как он сливался с обложкой.

Как и Стиву, Зое было стыдно участвовать в этом, а ведь если бы Костя хоть разок заглянул в них, прочитал таблицу умножения, ему не пришлось бы списывать.

— Зачем он это делает? Мы ничего ему не делали, и всегда готовы были помочь! — грустно промолвила Зоя.

— Обидно, что мы вдруг понадобились ему в такой нелепой ситуации! — сказал Стив.

Когда дети зашли в класс, Костя положил оба учебника на стол, но учительница попросила всех убрать учебники и тетради в портфель и оставить только пенал. Мальчик сложил все учебники так, чтобы Зоя была наверху. Началась работа, все дети думали, работали мозгами, пытались записать все до конца, а Костя просто списывал все с обложки книги. За эту работу он получил четверку, так как в некоторых случаях ошибался, но все равно был рад.

Довольный Константин пришел домой, где его встретили с распростертыми объятиями:

— Золото, а не ребенок!!! Весь в меня! — восклицала его мама.

В награду за первую оценку своего «одаренного ребенка» мать испекла ему яблочный пирог, который он съел без зазрения совести. К такой жизни он быстро привык. Никогда не делая домашнюю работу, не слушая учителя на уроке, он списывал, получая пятерки и четверки, но однажды его поймали с поличным и поставили двойку в журнал, а маме он сказал, что не знает, откуда у него эта оценка. Родители подумали, будто к их ребенку придирается учитель. После этого Костя работал осторожнее, за ним следили, но он придумывал все новые и новые ходы. Шпаргалки он писал везде: на одежде, скотче, ручках, на линейке, под стулом, на обложках тетрадей еле-еле заметно. Иногда это срабатывало, но иногда его снова ловили, и снова он врал родителям про свои оценки.

Весной, когда снег еще не успел полностью растаять, после школы Костя и его друзья, вместо того чтобы идти домой, решили прокатиться пару раз с ледяной горки. Надев на себя рюкзак, мальчик катался на животе, сидя на рюкзаке, лежа на рюкзаке, на коленках и так далее. Все дети веселились, играли, но Косте вскоре это наскучило, поэто-

му он решил сделать кувырок прямо с ледяной горки. И что вы думаете? Он разогнался, прыгнул и покатился кубарем по горке. В это время другие дети поочередно съезжали с горки прямо на него. Каким-то чудом Костя вырвался из этой толпы.

— Кость, у тебя портфель порвался! — воскликнул один мальчик.

Константин увидел свой рюкзак, весь помятый, разодранный, грязный. Внутри все учебники — изнуренные, страницы и корешок порваны, уголки загнуты в разные стороны.

Костя взялся за голову и сказал:

— Мама меня убьет, если узнает!

Он достал из верхнего кармана телефон и ключи, а сам рюкзак выбросил в мусорку.

Испорченные, измученные книги лежали и размышляли:

— Что же Костя скажет маме в свое оправдание? Что просто потерял портфель? Или что ограбили?

Так они пролежали два часа, пока один бездомный не поинтересовался, что же лежит в этом портфеле. Он увидел книги, пенал и решил взять их с собой. У бедняги не было дома, так что он жил на улице. На следующий день мужчина расположился в подземном переходе, где разложил учебники и начал рассматривать, он долго думал, что с ними делать. Сжигать жалко, отдать некуда. Вдруг к нему подошел прохожий по имени Антон и сказал:

— Что это у вас?

— Книги!

— А что с ними произошло?

— Не знаю, нашел возле школы. Кто-то рюкзак выбросил. Там пенал, тетради, дневник некоего Константина Дубцова и порванные учебники.

— А вам они нужны? — спросил Антон.

— Да нет, не нужны. Хотите — берите. А вам они зачем?

— Жалко просто! — сказал прохожий и взял книги.

Дома Антон начал реставрировать каждую из книг, к каждой относился бережно и аккуратно. Антон вдохнул в испорченные книги жизнь. Все шпательки с обложек и страниц он стер, а пятна на страницах закрасил. Корешок склеил, а оторванные страницы сшил.

— Вот и все! Как новенькие! — сказал он, протирая кулаками глаза.

— Интересно, куда их пристроить. Я взрослый человек, а учебники первого класса мне будут ни к чему, значит, надо отдать их тем, кто в них действительно нуждается. А может в школу отдать... — сказал Антон и услышал вдруг чьи-то крики:

— НЕЕЕЕТ!!! Не надо, умоляю.

— Кто здесь? Почему не надо? — спросил мужчина, оглядываясь по сторонам.

Он посмотрел на стол и понял, что это кричат учебники, но удивился даже не разговору книг, их нежеланию возвращаться в школу. Зоя рассказала ему всю свою историю, как ей и ее товарищам было плохо, о Косте и его «учебе». Антон взялся за голову и говорит:

— Так и быть, не поведу я вас в школу. А отдам в библиотеку, там вас будут брать всего на одну неделю. За вами будет следить библиотекарь.

Книги согласились попробовать, но при условии, что если им там будет плохо, то он заберет их обратно.

Все наладилось. Все учебники работали в детской областной библиотеке. Они привыкли и полюбили это место как собственный дом. Книги брали, только если действительно нуждались в них.

Шабунина Виктория (8 класс), Волжский

Урок от Кирилла Орловского (Из историй моей бабушки)

Выходя из школы, я точно решила: иду в библиотеку. У порога меня уже нетерпеливо ждала одноклассница Нин-

ка, укутанная поверх шубы цветастой шалью и явно чем-то обеспокоенная. Она переспросила меня про задание, и нами было принято решение сейчас же, сию минуту бежать за книгами на противоположный угол дороги к большому (по меркам третьеклассников 1963 года) новому зданию деревенской библиотеки. По дороге мы еще раз на всякий случай перелистали мой дневник и выучили заветное задание наизусть: «Прочесть любую художественную книгу в течение двух недель и подготовиться к беседе о ней».

Мы остановились у библиотечных дверей, чтобы привести в порядок свои мысли, измерив у деревянных ступенек крыльца все сугробы. Недалеко от сиреневых посадок мы провалились по колено и почувствовали, как снег предательски попал в валенки и пообещал растаять с первыми минутами тепла. Захлопывающаяся новой стальной пружиной дверь толкнула нас внутрь гардероба. Там оказалось очень спокойно: часы равномерно издавали свое «тик», а притаившееся в углу зеленое кресло мы сначала приняли за живое растение. Алюминиевые жетончики положили в кармашек школьного фартука и вошли в главный зал. Тут у нас глаза и разбежались, да мы бы и сами разбежались в разные стороны поиграть в прятки, — такой был простор. Книги аккуратными рядами были выставлены на полках и зазывали нас разноцветными корешками. Этажерки были собраны по возрасту, младшеклассникам рекомендовалось читать детские истории в младшем отделении, но был еще и старший блок. Мы, вытянув свои худые шейки, с уверенностью прошагали мимо сидящего библиотекаря в старший блок.

Как же сильно нас там все удивило! Книги стояли в разнотонных рубашечках, загляни в любую — а картинок нет. Бумага у некоторых так пожелтела, что напоминала древнеегипетский папирус из большой школьной энциклопедии в кабинете истории.

«Что брать будем?» — горячо зашептала мне в ухо Нинка. Я оглянулась по сторонам, а вереница разноцветных ко-

решков только путала меня. Выхваченные из множества названий слова никак не отзывались в нашей голове, казались иностранными. И вдруг мое внимание привлекли две книжки-близнеца. Во всяком случае, мне почудилось в их названии что-то знакомое и очень схожее: «Повесть о Кирилле Орловском» и «Повесть о Котовском».

«Может их?» — спросила я Нинку. Та недоверчиво сморщила свой и так короткий нос и засомневалась: «Большие какие-то. Скучные, наверно».

«Да какие же скучные? Были бы скучные, столько страниц про Орловского и Котовского не писали бы. Представляешь, что про нас скажет учитель, когда увидит их! А Катька Марьина, зубрилка эта. А там и завуч узнает, какие мы с тобой умные, и директор узнает, встретит наших родителей в сельпо и обязательно похвалит, а те нам конфет полкило, подушечек с начинкой».

Это были железобетонные доводы в пользу выбранных книг.

«Ну, если так, то давай, — согласилась Нинка, — да и названия какие — Ор-лов-ский — Ко-тов-ский...».

Библиотечка оказалась очень интеллигентной женщиной и не стала вдаваться в подробности нашего выбора. В мою карточку был вписан «Орловский», а в Нинкину — «Котовский». Хорошо, что мы первыми из класса прибежали в библиотеку, а остальные пусть детские сказочки читают, раз не торопятся. Дома я выгрузила книгу и положила ее на горнушку. Как лягу на теплую печку после всех дел, так и почитаю. Открыть книгу долго не удавалось, от усталости глаза слипались, жечь долго свет или керосинку не было заведено. Наступил выходной, и мне нестерпимо захотелось почитать про этого Кирилла Орловского. В нашей деревне так ни одного мужика не звали, не знаю, почему.

«По реке двигались обозы». Первое предложение как-то сразу сделало меня серьезной. Я прикрыла книгу и попыталась представить эти обозы. «Что там за окном? Надо бы Нинку увидеть», — решила я и громко захлопнула повесть.

Через несколько минут я была уже возле ее дома и стучала в замерзшее окошко. Снег падал хлопьями, хорошо лепился, поэтому вся пажинская ребятня кидалась снежками и катала снежную бабу. Под вечер мы с Нинкой еще успели связать обязательный для каждой из нас зубец пухового платка (весной приедет цыган на лошади и купит, деньги мать приберет в сундук, а к осени сошьют в ателье из веселого штапеля мне платье). Вечером я опять почувствовала на груди вес книги, и это еще раз утвердило меня в мысли о каком-то величии этого Орловского.

Внезапно школу закрыли. На карантин. Многие сидели по домам и занимались. Книга переехала на широкий подоконник, но я не продвинулась ни на строчку. Обозы,двигающиеся по реке, уносили мои мысли далеко. Я смотрела в двойную зимнюю раму, между летней и зимней рамами всегда лежала белоснежная вата и добавляла белизны в льющийся свет. Пришла Нинка.

— Понравилось? — спросила я.

— Не знаю, — мялась подружка, — я не прочла.

— Вот и я то же самое...

Две недели промчались быстро, и вот мы вновь в библиотеке. На этот раз вместо музейного спокойствия там царило движение. Бархатисто-зеленое кресло убрали, а на его место поставили большой деревянный стул от Кировдревкомбината (вся наша классная мебель носила их ярлычок). Библиотекарей теперь было двое, и они о чем-то говорили. Я назвала свою фамилию, рассчитывая на обычное вычеркивание книги из карточки. Но не тут-то было! Беловолосая библиотекарьша, которую в деревне все меж собой называли Белка, вдруг резко вытянулась во весь свой небольшой рост и нагнулась надо мной, как орлица. Руки мои повисли, и я услышала расстрельную фразу: «Перескажи содержание!»

Я стояла и слушала тишину и Нинкино нервное сопение. Казалось, спасения нет. И тут вдруг обозы! «По реке двигались обозы», — начала я. Пересказа после этих слов не

последовало, но этого хватило, чтобы гнев Белки упал на мою бедную голову.

— Что это за вступление?! — басом проговорила она. — Не прочитали? И не стыдно брать книги, чтобы они дома валялись? Ставьте повести на место, и пока не поумнеете, не берите их.

Сказать, что было стыдно, значит, ничего не сказать. Так могли ругать только последних двоечников. Я не могла об этом рассказать матери, которая только с трудом выводила буквы своего имени на документах или отцу, выпускнику церковноприходской школы, грамотному, по меркам того времени, бывшему красноармейцу, человеку с резким и бескомпромиссным характером. Свой позор я переживала молча.

Только в последний год обучения в школе я позволила себе взять в библиотеке «Повесть о Кирилле Орловском» Якова Цветова. Прочитала на одном дыхании. Кирилл оказался собирательный образ, в нем я увидела моего отца и многих знакомых мужиков, вернувшихся с войны восстанавливать родной колхоз имени Кирова.

Вот уже больше половины жизни прошло вдали от воронежского села. Теперь нет колхоза, здание старой библиотеки снесено, давно нет на свете моих учителей. Осталась память.

*Шадрин Лев (10 класс),
с.п. Визиндор Республики Коми*

Мудрая книга **Учебник для настоящих мужчин**

Часто, взяв в руки очередную книгу, мы не задумываемся, какую роль она сыграет в нашей жизни.

Я очень люблю романы американского писателя Джеймса Фенимора Купера. Атмосфера колониальной Америки, дух пионерства, индейские традиции и обычаи — все это можно найти в книгах известного романиста и сатирика.

Его приключенческий роман об индейцах «Зверобой», написанный увлекательно и интересно, стал первой книгой, которую я прочел на одном дыхании, и которая о многом заставила меня задуматься.

Главный герой романа — Натаниэль Бампо по прозвищу Зверобой — стал для меня примером для подражания. Он резко отличается от других персонажей. Зверобой подкупает читателей своей честностью, откровенностью и незаблещенностью принципов, понятиями о чести и совести. Натаниэль говорил, что «совесть — моя царица, и я никогда не спорю против ее повелений». Он научил меня ценить такие качества, как честь и достоинство. Сейчас я начинаю понимать, как важно для человека поступать по совести. Для этого нужно прислушиваться к внутреннему голосу и делать то, что велит тебе твое сердце. Но оно должно быть добрым и любящим, как у Натаниэля. Мне очень хочется стать обладателем именно такого сердца. Знаю, что над этим придется еще долго работать, но я уверен в том, что это то, что необходимо для настоящего мужчины. Честь и достоинство помогут мне выбрать правильное решение. Они не дадут совершить безнравственный поступок, укажут, как избежать вражды, мести и взаимных обид.

Индейцы дали Зверобою прозвище Правдивый Язык. Он не умеет лгать. И это еще одно достоинство моего любимого героя. Я решил для себя: буду искренним, ведь это одно из условий честности и правдивости. Проявления положительных эмоций и чувств по отношению к другому человеку нужны были во все времена. Они и в наши дни не утратили своей ценности.

Читая книгу, я понял, что поступаю как эгоист. Мне казалось, что все должны были плясать только вокруг меня: входить в мое положение, помогать мне. Сейчас я твердо уверен в том, что это неправильно. Надо жить так, чтобы не брать все, без остатка, а отдавать, делиться с другими всем, что у тебя есть, и отдавать, что в твоих силах!

Натаниэль — человек действия. Воспитанный среди индейцев делаваров, он понял, что они не такие, как их ри-

суют колонисты. Он презирает тот факт, что многие белые относятся к краснокожим с большим недоверием и презирают их как расу. Поэтому он осуждает своего товарища за то, что он относится к индейцам как к низшим существам. Зверобой перенял их идеалы, но при этом сохранил индивидуальность.

Это очень многогранная личность, презирающая жестокость и всякое проявление лжи. «Люди отличаются друг от друга цветом кожи, у них разные нравы и обычаи, но природа у всех одинакова — говорит Зверобой. — У каждого человека есть душа». Я, как мой герой, стараюсь не судить о людях по их внешнему виду. Несмотря на разный цвет кожи, религию и обычаи все мы люди. Главным для меня стало не мыслить стереотипно и судить о людях не поверхностно, а по их поступкам и человеческим качествам.

Как и все индейцы, мой кумир внешне невозмутим. Это качество, которое воспитывается временем, упорством и огромным трудолюбием. Зверобой полностью контролирует то, что он ощущает, но при этом он невероятно добр к миру и к людям, которые его окружают. Он готов помогать своим друзьям, даже расстаться с собственной жизнью во имя спасения близких. Я обещаю, что постараюсь приложить все усилия, чтобы не разочаровать его и близких, которые верят в меня. Быть добрым, дружелюбным! Это станет девизом моей жизни!

Дух настоящей мужской дружбы пронизывает всю книгу. Зверобой говорит о Чингачгукке: «Все, что касается моего друга, касается и меня». Это слова, в которых заложен принцип дружбы. Ради товарища Натаниэль отправляется в свое путешествие к Хрустальному Зеркалу. Там он впервые встает на «тропу войны» и ему приходится совершить свое первое убийство. При этом он не испытывает никаких терзаний совести, поскольку понимает: если бы не взялся за свой карабин, то сам бы погиб от руки индейца. Умиравший гурон называет Натаниэля Соколиный Глаз. Это прозвище впоследствии закрепится за ним. Натаниэль выполня-

ет последнюю просьбу своего врага. Этот поступок сильно поднял Зверобоя в моих глазах. Он показал мне, что такое дружба и научил дорожить ею. У своего героя я научился ужать соперника, видеть в нем, прежде всего, человека.

Глубоко в душу запали слова Зверобоя о том, что в поселках все враждуют друг с другом, а в лесах царит согласие. Живые описания девственной природы Америки с ее бесконечными лесами и реками действительно завораживают. Грех жить в гневе друг с другом рядом с такой красотой.

Великая страна Америка! Сильные духом, бесстрашные люди рождаются здесь! Вдвойне приятно от того, что они не разучились видеть и ценить прекрасное в природе, жить в гармонии с ней. Мой край тоже богат бескрайними лесами. Я стараюсь в любое время года не упускать возможности совершать походы в лес и наслаждаться его красотой. Он придает силы, вдохновляет и успокаивает. Я полностью согласен с Натаниэлем, что только для людей со здравым умом «земля — это храм».

Америка — родина не только героев, но и еще сильных, волевых женщин, готовых к любым трудностям. В то же время, это красивые и нежные создания. Джудит и Хетти — сестры, но настолько разные, что первую индейцы прозвали за красоту и своеобразный нрав Дикой Розой, а вторую окрестили Дикой Лилией. Конечно, Хетти Хаттер уступает по красоте Джудит, но это не мешает мне восхищаться обеими. Жизнь вдали от цивилизации не избаловала их, в отличие от городских дам. И этим они меня подкупили. Джудит и Хетти Хаттер стали для меня эталоном женщины. В книге написано, что Джудит «не задела сердца» героя, но, читая книгу, до последнего надеешься, что Джудит и Зверобой останутся вместе. Однако найденная лента Джудит, «реявшая среди балок», заставила сердце Зверобоя биться сильнее. Откуда такое искреннее участие в судьбе Джудит? Почему он привязал ее ленту к прикладу «оленебоя», который она ему подарила? Видимо, на эти вопросы я еще не готов найти ответы.

Зверобой потерял Джудит навсегда, они уже не встретятся. Я предполагаю, что Натаниэль, принимая решение, прежде всего думал не о себе, а о Джудит. Ему не хотелось, чтобы она осталась одна, если с ним что-то случится. И его можно понять, ведь он был рожден для войны, для охоты, а для этого необходимо быть свободным человеком. Такова судьба и решение борца за равноправие всех рас, с которым я полностью согласен. Натаниэль — истинный патриот, и он должен уметь жертвовать многим.

В романе нашлось место доблести и чести, дружбе и любви, поиску смысла жизни и религии. Не каждая книга несет в себе столько мудрости. Я смело могу назвать роман «Зверобой» учебником для настоящих мужчин. Он учит нас основным ценностям жизни. Каждую фразу этого учебника можно разбить на цитаты: они о вечных идеалах, о непреходящих ценностях и о том, что делает каждого из нас человеком.

Шатровский Константин (6 класс), Северодвинск

Книга о Настоящем Человеке

Вовремя прочитанная книга — огромная удача. Она способна изменить жизнь, как не изменит ее лучший друг и наставник.

А. Павленко

За свою жизнь я много прочитал книг, но «Повесть о настоящем человеке» осталась в моей памяти. Она рассказывает о стойкости и мужестве русского солдата, мужчины, Человека с большой буквы. Борис Полевой описал невыдуманную историю, которая произошла во время Великой Отечественной войны с военным летчиком Алексеем Маресьевым.

Герой был сбит на вражеской территории, но выжил. Алексей с поврежденными ногами полз восемнадцать дней и ночей, без пищи, зимой, полз на звуки орудий, полз к сво-

им... и дополз. Партизаны спасли его и отправили в госпиталь. Когда он понял, что ноги придется ампутировать, он плакал в подушку навзрыд... Разные мысли приходили в голову летчику, даже о самоубийстве: ему казалось, что летчик-инвалид — это несовместимое с жизнью явление. Но мало того, что остался жив, он снова стал летать, и никто из комиссии, оформлявшей допуск к полетам, даже не догадался, что перед ними летчик без обеих ног.

Некоторые страницы этой повести я читал, чувствуя комок в горле. А после прочтения долго размышлял: вот, например, у меня есть руки, ноги, голова, и я вполне здоров. Но почему у меня нет такой силы воли, как у Маресьева? А я смогу совершить подвиг?

У меня есть мечта — стать врачом-хирургом или стоматологом. Я знаю, что для этого надо долго учиться, практиковаться, а потом постоянно повышать свою квалификацию. Чтобы достичь своей цели, я решил каждый день готовиться к этому.

Во-первых, врач должен быть в хорошей физической форме, поэтому я занимаюсь спортом, посещаю футбольную секцию три раза в неделю, хожу в бассейн, каждый день делаю утреннюю зарядку.

Во-вторых, для будущей профессии я тренирую свои пальцы игрой на гитаре: еще А. Герцен считал, что «самыми лучшими инструментами являются пальцы хирурга». А учеба в музыкальной школе помогает моему эстетическому развитию, что важно для любого человека.

В-третьих, я успешно учусь в самой лучшей школе нашего города — в «Лицее № 17». В десятом классе я обязательно выберу медико-биологический профиль.

Мои «подвиги» не идут ни в какое сравнение с подвигом Маресьева, но каждую «пятерку», каждый гол я воспринимаю как маленькую победу...

Идя к своей цели, я очень часто вспоминаю Алексея Маресьева, Настоящего Человека, книга о котором повлияла на мою жизнь.

Книга, пробудившая желание жить

Человеческая жизнь невероятно коротка, и каждый из нас стремится к тому, чтобы прожить это время не зря, добиться своих целей и осуществить давние мечты, стать кем-то большим для нынешнего и будущего поколений. Стать кем-то значимым, а не остаться в истории как «кто-то, пустивший свои годы на ветер». Для этого — ради этого, несомненно, — человек принял одну-единственную существующую истину: духовного равновесия и покоя достичь без книг невозможно. Каждое прочитанное вами слово, каждая страница способна засесть в вашем разуме надолго, пробудив в вас «великое», заставить ваши руки дрожать от неизвестного предвкушения и странного, маниакального счастья, и это то, к чему и стремится человечество. К чему оно пытается стремиться. Одна книга может перевернуть вашу жизнь с ног на голову, в буквальном смысле изменить ваше отношение к миру и людям, к религии и политике, истории и легендам, а что самое важное — к самому себе, что и случилось со мной.

В тот пасмурный день на улице стояла холодная, ранняя осень. Листья, опавшие с деревьев, разноцветной палитрой укрывали рыхлый асфальт, ямы на котором были глубже, чем сама Марианская впадина, создавая ощущение некоего перьевого одеяла, а рядом стоящие дети с веселым, задорным смехом прыгали в большие кучи листьев, махая руками, несмотря на хмурое бурчание дворников, ведь они сгребали эти самые листья немало времени, с самого утра, стоит отметить. Дети не умеют ценить чужой труд, к великому сожалению. Они еще ничего не умеют ценить. Их развитие и сознание, их мысли не заходят дальше собственной зоны комфорта и веселья, про это тоже нельзя не упомянуть. Дети обожают активные игры, ведь им больше некуда девать собственную энергию, в то время как взрос-

лые приходят с работы на подогнувшихся ногах и без сил падают на потертый диван, и от веса тот угрожающе провисает еще больше. Дети не умеют ценить жизнь, широко улыбаясь и без опаски вставая на люк, смело выглядывая из окна многоэтажного здания по пояс, болтая ногами, или, что в разы страшнее,— ходят по тонкому льду, когда зима еще только-только стучится в окно, проводят по стеклу кончиками пальцев. Разве можно объяснить ребенку, что может пойти не так? В конце концов мама и папа всегда будут рядом и всегда защитят. Как наивно и глупо, но это свойственно многим из нас. Надежда на других. Я не была исключением, мне тоже нравилось принимать участие в таких «играх: прыгать босиком по заледеневшим лужам и потом лежать в кровати с температурой под сорок, принимать сладости от незнакомцев, не заботясь о собственной безопасности. Но больше этого я любила наблюдать за людьми, особенно в это время года, видеть светлые и радостные улыбки на их лицах, как горят их глаза, полные надежды в ожидании первого снега. Мне никогда не был по душе снег, говоря откровенно. На морозе кожа на моих губах трескалась, и стоило мне произнести хотя бы слово, как я чувствовала металлический привкус на самом кончике языка, чего я до жути боялась, в моей голове бегали мысли от «Я не хочу умирать!» до «А мама сильно будет ругаться?» На тот момент мне было всего-навсего десять лет, и я немного понимала и осознавала, кроме того, пожалуй, что уже три месяца как лежу в больнице, обмотанная бинтами, с дрожющими, худыми и непропорционально остальному телу длинными руками, слезами на опухших из-за интенсивного трения глазах, а на лице — пластыри, прикрывающие сгнившие участки кожи. Любой ребенок в моем возрасте плакал бы, поверьте. Эта естественная реакция организма на боль, даже если вам не хочется этого, вы почувствуете на щеках влажные дорожки до подбородка. И это нормально. Как бы мерзко и отвратительно не было, как бы сильно не болело и не ныло мое израненное тело, я знала, что не

одна, что на соседней койке, скрючившись пополам, тихо, практически беззвучно плачет моя мама, обнимая себя за костлявые плечи и всхлипывая в покрытую слоем пыли подушку, сотрясаясь от рыданий. Почему она плачет? Я сделала что-то не так? Я обидела ее? В моем искалеченном множестве болезненных процедур разуме вихрем проносились мысли, полностью заполняя собой неприятную пустоту после принятых лекарств. Она заметно похудела, стала бледной, с впалыми щеками и глубоко посаженными глазами, практически сероватым оттенком кожи. Она едва стояла на ногах от боли в спине, а когда ночью я во сне начинала сдирать с себя бинты и срывать следом куски свисающей плоти, она, продолжая всхлипывать, сползала со своей кровати на пол и на коленях, сдирая их в кровь, оставляя на паркете алые следы, подползала ко мне и крепко хватала за запястья, пока не проступали покрасневшие синяки, ровно до того момента, пока я не просыпалась, судорожно хватая ртом воздух. «Ей больно, ей больно» — твердил чужой голос где-то глубоко в моем подсознании, но я ничего не могла поделать с этим — не хотела, да, не хотела — пальцы ломило с такой силой, что мне хотелось вывернуть их до характерного хруста треснувшей кости, а мама, сжимая бледные губы до еще большего посинения, чтобы я не слышала ее плача, не переставала прижимать меня к кровати, бездумно шепча что-то, стоило мне открыть глаза и прийти в себя. Мне никогда не хотелось видеть ее лицо в такие моменты, а ей — мое. Мы чувствовали страдания друг друга даже без физического контакта, я ощущала, как ей хочется рухнуть на холодный, с отпечатками от чужих подошв и кое-где пеплом от сигарет, мраморный пол из-за съедающего изнутри чувства дикого отчаяния и ненависти к себе, к тому, насколько беззащитной она себя ощущала. Поэтому я, слабо улынувшись, клала свою теплую, подрагивающую ладонь на ее заплаканное лицо и заботливо стирала с покрасневших щек прозрачные капли слез, внимательно смотря ей в глаза, говоря этим жестом: «Все хорошо, мы

справимся, я обещаю тебе, я клянусь, мы сможем».

И она верила мне, верила и поддерживала, вставая на ноги и счастливо улыбаясь мне в ответ.

Тогда я не могла представить себе чего-то прекраснее, чего-то, что могло заставить меня отогнать ломоту в костях на второй план, забыть о ней и вспомнить, что я не одна, что у меня всегда будет поддержка.

Но не всегда будет Она.

Однажды, когда меня в очередной раз уводили на процедуры в соседний корпус по длинному, плохо освещенному коридору, я заметила девочку, невысокую, с забавными хвостами на самом затылке, что разговаривала с моей мамой, увлеченно размахивая руками и топя босыми ступнями по паркету, и только подняв взгляд чуть выше, я заметила, что она была куда старше меня, может, ей было больше пятнадцати, пусть внешне не каждый мог это заметить, но стоило ей замереть и посмотреть в мою сторону, как неизвестное мне ранее чувство полностью окатило меня с макушки и до кончиков пальцев на ногах, заставив крупно вздрогнуть и приоткрыть рот в немом удивлении. Никогда прежде, даже в глазах взрослых людей, которые нашли свое место в жизни, пережили множество бед и видели то, что не все смогли бы вынести, я не видела такой тоски, такого одиночества и отрешенности. Грудь стала нестерпимо ныть, легкие сжались, а сердце наоборот — билось настолько быстро, словно норовило вырваться из грудной клетки, сломать ее и окрасить пол в кроваво-алый цвет. Что произошло с ней? Как так вышло, что девочка, такая милая и очаровательная на первый взгляд, могла быть «мертвой» внутри? На все в этом мире есть причины, значит и на это тоже должна быть.

После уколов и смены повязок я сидела рядом с мамой в пустом кабинете, наблюдая за тем, как та, одетая в милые тапочки с заячьими ушками, ходит туда-сюда, меряя широкими шагами расстояние от одного окна до другого, а я, немного смутившись и прикусив зубами нижнюю

губу, решила задать вопрос, который все это время не давал мне покоя:

— Мама, а что это была за девочка, с которой ты разговаривала около столовой?

Она мгновенно замерла, удивленно и непонимающе хлопая густыми черными ресницами, — она их никогда не красила и не красит по сей день — а потом мягко и беззаботно улыбнулась, присаживаясь рядом со мной, положив мою голову на свои колени и начав поглаживать мои запутанные и лохматые волосы, касаясь кончиками пальцев заживших ран на моем лице, тихо проговаривая с тяжелым вздохом:

— Это Аня, солнышко. Она лежит в соседней палате, справа от нас. Ты не знала ее? Мне казалось, вы успели познакомиться за все это время, что мы провели в этом месте.

Я слегка приподняла заостренный подбородок, чтобы лучше видеть чужие карие глаза напротив, склонив голову набок и нахмутив брови.

— Аня? Я не видела ее. Что с ней? Почему ее не навещают? Или ее родные живут слишком далеко?

На какой-то момент мне показалось, что я услышала, как мама сглатывает застрявший комочек в горле, а потом она пожала плечами, облизывая пересохшие губы и потирая переносицу.

— К ней никто не приходит, милая, потому что у нее никого нет. Ты же понимаешь, что у некоторых детей нет даже дальних родственников, — Мама смотрит куда-то в сторону, видимо, пытаясь скрыть горечь во взгляде, произнося следующие слова. — У нее рак головного мозга, и, как говорят врачи, осталось ей не очень долго. Такое бывает, редко, но бывает, когда людям приходится уходить вне зависимости от их желания.

И второй раз за день возникает это ноющее чувство в груди, которое буквально разрывает меня на части, отчего я сжимаю пальцы на руках, впиваясь неостриженными ногтями в ткань бинтов на ладонях.

— Почему? Неужели ничего нельзя сделать? Операция? — с надеждой в голосе шепчу я, но мама только опускает голову в пол, а я замечаю, как дрожит ее нижняя губа. И вновь я довела ее до слез.

— Иногда, дорогая, времени приходит конец, и тогда каждому из нас придется уйти,— она смеется, но настолько фальшиво и не по-настоящему, что я морщусь и раздраженно дергаю головой, стряхивая ее руку со своей опухшей шеи.

— Даже тебе, мам? — мой голос становится тихим, сильным, пропитанным пугающим ожиданием будущего. Страха по отношению к нему, вернее. От осознания того, что моих родных рано или поздно не станет, что я буду днями и ночами сидеть на корточках около их заросших кустарниками могил и сглатывать непрошенные слезы. Или они будут сидеть рядом с моей, постукивая пальцами по могильной плите, запивая боль от утраты алкоголем из ближайшего киоска — не нам решать. Но я не хочу этого, как бы эгоистично это не было с моей стороны.

— Даже я, Лиза, даже я. Все мы в определенный срок покинем этот мир, и сделать с этим ничего нельзя. Это жизнь, и то, как она повернется, не всегда наш выбор,— мама аккуратно, будто опасаясь, что я могу разбиться, обнимает меня за плечи, усаживая прямо, и оставляет легкий поцелуй на кончике моего носа, прижимаясь своим лбом к моему.— Мне нужно пойти в магазин ненадолго, ты справишься без меня, хорошо? Я обещаю, что вернусь, без еды не оставлю. Не есть же нам здешние отходы, прости господи.

В ответ я только хмуро киваю головой, а когда ее силуэт скрывается за ближайшим поворотом, сильно надавливаю указательными пальцами на виски и проглатываю мучительный стон, сжимаясь, будто ожидая удара со стороны. Мне не хотелось принимать истину, не хотелось осознавать то, что в определенный период времени я потеряю всех. Абсолютно всех. И, возможно, себя в том числе.

Поднявшись со стула и поправив потрепанный и рванный халат, я нетвердым шагом направилась в палату к той

самой девочке. Может, уже и поздно, но мне хочется, чтобы и она чувствовала поддержку и опору. Хотя бы сейчас.

Постучавшись в дверь и получив в ответ тихое «Войдите!», я облегченно выдыхаю и, войдя внутрь комнаты и поморщившись от скрипа петель, неловко улыбаюсь, оглядывая палату. Помещение было светлым, просторным, яркие солнечные лучи падали на холодные бетонные стены, краска с которых осыпалась на пол, а воздухе витал запах медикаментов и спирта, он был буквально пропитан им, от чего в носу неприятно защипало, словно передо мной рассыпали молотый перец. Напротив приоткрытого окна находилась небольшая тумба, сделанная из темного дерева, и визуально она выделялась, так как другие предметы интерьера сливались с окрашенными в белый цвет стенами. Неподалеку стояла шаткая кровать, ножки ее опасно раскачивались из стороны в сторону от любого резкого движения девочки. Колкое, тонкое шерстяное покрывало свисало с самого края постели, практически полностью оказавшись на грязном, пыльном полу. Значит, мы не единственные, у кого в палате нормы санитарии ниже плинтуса. Мой взгляд невольно наткнулся на миниатюрную игрушку, небрежно лежащую на подоконнике. Обычная самодельная кукла из оторванных кусков белой и синей ткани, а «позвоночником» ее была ложка. В таком возрасте играть в игрушки? Но, думаю, для нее это простительно. Для любого в ее ситуации такое было бы простительно. Тряхнув головой, словно приводя мысли в порядок, я тихо кашлянула в кулак, привлекая к себе внимание. Девочка-девушка, но для меня разница в возрасте не значила ровно ничего, крупно вздрогнула и замерла на месте, превращаясь в «каменную статую», только прижав колени к собственной груди, смотря на меня угрюмо, с подозрением и легкой боязнью, тонкими, «паучьими» пальцами вцепившись в одеяло, сжимая его в кулаках, так и не двигаясь, хотя, кажется, я заметила, как дрогнула ее нижняя губа, точь-в-точь как у моей мамы тогда, во время нашего разговора. Но потом Аня, поерзав на

кровати, похлопала по краю постели. Только в тот момент я заметила, что на голове ее не было волос вовсе, а на тумбе лежал парик, прикрытый несколькими слоями одежды.

— Ты же Лиза, да? — глухим шепотом сказала она, в контраст с этим шумно сглатывая. — Я говорила с твоей матерью сегодня, она многое мне рассказала. Она у тебя хорошая.

Из меня вырвался тихий смешок, несколько нервный и истеричный, после чего я, потоптавшись на месте, все-таки присела на кровать Ани, изучающе оглядывая ее, запоминая, желая отпечатать силуэт девочки на сетчатке глаз: бледная, сквозь белую кожу, как через увеличительное стекло, видны проступающие ребра и выделяющиеся ключицы, а шея, будто паутиной, укутана синими венами, по которым неторопливо циркулирует темно-бурая кровь. Грудь поднимается и опускается в такт ее спокойному, но сбитому дыханию, и, несмотря на длинную рубашку, я отчетливо могла увидеть глубокие царапины на ее бедрах. Лицо у нее аккуратное, женственное, небольшой нос, широкий лоб, красивые и тонкие брови темного цвета, потрескавшиеся губы — вероятно, от ветра — и те самые глаза, что отливали лазурным оттенком, а вокруг зрачков находилась светло-каряя кромка, как из самого настоящего золота. Красивая, невероятно красивая девушка, а ее улыбка была настолько светлой, что подушечки пальцев холодели, а ноги начинали подкашиваться. Улыбка моей мамы могла сделать точно так же с любым, кто увидел бы ее.

— Да, Лиза. Из соседней палаты, — я киваю, вспомнив, что мне задали вопрос. — А ты Аня, это я знаю. Мама тоже рассказала мне многое о тебе. Я подумала, что мне стоит... — но девочка только покачала головой и начала тереть свои воспаленные запястья, устремив взгляд в потолок, а потом заговорила, вынудив меня оборвать предложение.

— Хочешь составить мне компанию до того, как я умру, да? Медсестры предлагали мне посидеть со мной до тех пор, пока этот чертов прибор с размеренного стаккато не перейдет на мерзкий писк.

Мне не свойственно врать, поэтому я повторно мотнула головой, на что Аня заливисто рассмеялась, вытерев выступившие в уголках глаз слезы тыльной стороной ладони, но думаю, это был первый признак подступающей истерики.

— Вот как, это хорошо. Мне и правда одиноко, а ты, возможно, сможешь выслушать меня, не пытаясь засунуть мне в рот таблетки, пока я говорю,— она кладет мне голову на плечо, когда я сползаю немного вниз, так, чтобы мои ноги уже свисали с края кровати.— У меня не было семьи. Нет, генетически она есть у каждого, но в плане воспитания я была полностью и целиком предоставлена себе. Я плохо помню мать, она умерла в мой пятый день рождения, а отец после ее смерти сдал меня в детский дом в какой-то глуши, представляешь? Все оставили меня, все. Хотя о чем я, у меня и не было никого. Я осталась одна, сломленная изнутри и снаружи, а после оказалось, что мне осталось жить не больше месяца,— она шмыгнула носом, а я коснулась ее шеи, успокаивающе глядя покрасневшую кожу. Вся одежда мала ей и, кажется, воротник рубашки больно натирает чувствительные участки тела.— Друзья, которые были у меня еще в раннем детстве, мгновенно исчезли, испарились. Будто их и не было вовсе. У тебя есть друзья? — неожиданно спросила девочка, а в ответ получила мое согласное «Угу».— Это хорошо, близкие и родные души нужны, иначе ты сгниешь в мире суровой реальности, подставишь незащищенную спину чужим людям. В таких случаях я завидую кошкам. Девять жизней, кто не мечтал о таком даре? Но, знаешь, я не хотела бы быть бессмертной. Я не настолько глупа.

Я удивленно приподняла бровь, а Аня, не сказав ни слова, молча наклонилась, слепо шаря рукой под кроватью, и, победно и торжествуя усмехнувшись, достала потрепанную и порванную в нескольких местах книгу с темно-синей обложкой и передала ее мне. Я прочитала на обложке слово «Будущее», выведенное красивым каллиграфическим почерком. Поразительно, какие только шрифты только не бывают в нашем веке развитых технологий!

— Написал Дмитрий Глуховский. Не думаю, что ты слышала о нем, но талант у него есть, не сомневайся, — пояснила мне Аня, любовно смотря на предмет в моих руках. — Книга, которая полностью изменила меня, заставила взять себя в руки и продолжать идти навстречу неизведанному. К смерти. Прочти ее, и ты поймешь, почему я не хочу вечной жизни. Я просто-напросто не хочу наблюдать за тем, как люди звереют и убивают друг друга год за годом, впиваются клыками в сонную артерию, оставляя истекать своих товарищей в луже крови, и так на протяжении сотен лет. Продолжалось, продолжается и будет продолжаться. Кому нужна такая жизнь, Лиза? — она печально приподняла уголки губ в улыбке, кладя руки на свои острые колени. — Я лучше умру, чем буду смотреть на современное общество и то, каким оно может стать в скором времени, а получив бессмертие, поверь мне, люди окончательно потеряют контроль над звериной сущностью, которую они пытаются спрятать в себе. Все станет только хуже. Но такого не произойдет, верно? — девочка смотрит на меня, и теперь в этом взгляде я могу прочесть самую настоящую радость, ту детскую невинность и светлую надежду, которую не заметила при первой встрече с ней. Она ведь просто ребенок, почему она должна умереть? Почему не один из тех, кто насильствовал и убивал? Почему тех государство кормит за счет наших налогов, а больные дети вынуждены питаться тем, что останется?

Вдруг я понимаю, что по обложке книги «барабанят» мои слезы, оставляя на ней влажные следы, а Аня мягко прижимает меня к себе и, хмыкнув, произносит, цокнув языком:

— Жизни не могут научить другие люди, и не все книги способны на это. Жизни можешь научиться только ты сама, Лиза, и стоит это куда дороже, чем бессмертие и любая другая роскошь, — ее губы постепенно приняли розоватый оттенок, ресницы слабо задрожали, а глаза закрылись. Я подумала, что она заснула. Я хотела так думать, но в глубине души четко знала — это раз и навсегда.

На следующий день мне сообщили о смерти Ани, и, пожалуй, я совру, если скажу, что не плакала всю ночь, увидев, как ее уже бездыханное тело несут на носилках, в это время устроившись на полу около ее бывшей палаты, раскачиваясь и больно ударяясь затылком об стену, не в состоянии перетерпеть то, как внутри живота что-то сжимает внутренности, будто пытаюсь раздавить меня. Именно тогда я начала ценить жизнь, а еще больше — книги, ведь если они могут пробудить в умирающем человеке любовь и понимание, сострадание и доброту, то не значит ли это, что любое прочитанное нами произведение оставляет неизгладимый отпечаток на нашей душе?

Эта книга, «Будущее», стоит у меня на книжной полке, причем единственная, которой я уделила целый отдельный отсек в шкафу. Когда мне становится больно, когда я теряю веру в себя, я беру ее в руки и вспоминаю слова той девочки, и теперь, спустя годы, я могу сказать точно — эта книга изменила мою жизнь и меня саму.

*Яковлева Вера (5 класс),
д. Пашозеро Ленинградской обл.*

Лучшая помощница

Жил-был на свете мальчик по имени Вова. Был он жуткий неряха. Все книжки и тетрадки от него убежали, осталась одна только книга с рассказами. Однажды и она решила уйти, чтобы лечиться: такая она была грязная и потрепанная. Пошла она в страну «Книжное царство». Идет книжка куда глаза глядят. Встречается ей на пути мальчик, он плачет. А книжка его спрашивает:

— Мальчик, ты почему плачешь?

— Меня все дразнят, — отвечает мальчик.

— Не переживай, а возьми меня и прочитай рассказ Артюховой «Саша-дразнилка».

Прочитал мальчик рассказ, поблагодарил книжку. А она спрашивает:

— Мальчик, а ты не знаешь, какой дорогой идти в Книжное царство?

— Знаю,— отвечает мальчик,— иди прямо через темный лес, пока не дойдешь до озера.

— Спасибо,— сказала книга и отправилась дальше.

Добралась книга до озера, а там девочка на берегу сидит и грустит.

— Ты почему такая грустная? — спрашивает книга.

А та ей отвечает:

— Мне брат не дает в приставку поиграть, а мама не разрешает есть печенье.

— Ты не грусти, а прочитай рассказ «Волшебное слово» Осеевой, вот он у меня на десятой странице.

Прочитала девочка рассказ, обрадовалась и домой скорее собралась, а книжка у нее спрашивает:

— Ты не знаешь, куда идти, чтобы попасть в Книжное царство?

— Конечно, знаю. Иди вдоль озера на север до моста, а потом по нему перейди.

— Спасибо,— сказала книга и пошла дальше. Вот и мост. Перешла книжка озеро, а там мальчик грязный-грязный сидит. Книжка у него спрашивает:

— Ты почему такой грязный? У озера сидишь, помылся бы.

— Я мыла боюсь,— отвечает он.

— А ты прочитай сказку К. Чуковского «Мойдодыр»,— и открыла ему свои страницы. Прочитал мальчик сказку и бежать собрался, а книжка ему говорит:

— Скажи, пожалуйста, где находится Книжное царство?

Махнул мальчик рукой в сторону и побежал. Наконец пришла книга в Книжное царство и сразу в больницу. Там ее вылечили: почистили, подклеили и даже обложку обновили. Потом на ковер-самолет посадили и домой отправили.

Прилетела она домой, а Вова гостей принимает: тех детей, которым книжка помогла. Увидели они книжку и все

к ней бросились, а Вова насмотреться на нее не может, так он скучал, когда один остался. Рассказали ребята Вове о том, как книжка их спасла, и он исправился.

Якубовски Ксения (7 класс), Воронеж

Таинственная комната

— Я повидала много людей на своем веку,— начала свой рассказ старая книга в красной обложке, лежавшая на пыльной книжной полке. Книги, располагавшиеся на полке напротив, приготовились внимательно ее слушать. Ведь каждый раз она рассказывала увлекательную историю из своей жизни. Эти полки находились в самом дальнем углу огромной библиотеки, они были старыми, пыльными и никому не интересными... И каждый день после закрытия библиотеки каждая из них рассказывала свою историю.

— Меня напечатали более пятидесяти лет назад, но я помню, как меня достали из коробки и положили на полку с «новинками». Эта полка находилась у самого входа в библиотеку, тем самым мое место было видно отовсюду. Это сделано для того, чтобы люди всегда были в курсе самых новых и интересных книг.

— Как сейчас помню, стояла я между бессмертной классикой Пушкина и легендарным королем детективов Конан Доилем. Люди, проходя мимо, ахали, останавливались, долго разглядывали и обязательно брали кого-нибудь из нас..., — она мечтательно вздохнула и замолчала.

— Не надо нам тут вздыхать! И без того тошно! — раздраженно воскликнула зеленая книжка, лежавшая полкой ниже.

— Успокойтесь, сударыня. Не стоит так переживать,— спокойным монотонным голосом обратилась к ней книга в синей обложке.— Во-первых, перебивать нехорошо, а во-вторых, мы и так неплохо живем. Скажите спасибо, что иногда люди еще заглядывают в этот уголок. Вы, разве не помните, что случилось с книгой «Алые паруса»?

— У нее порвалась обложка, и ее отнесли в «Таинственную комнату», — шепотом подсказала ей Красная.

— Вот-вот, а оттуда, как вы знаете, не возвращаются! — закончила Синяя, и наступило тяжелое молчание.

Нарастающую тишину прервал траурный тон Красной.

— Ну, ладно. До утра... — протянула она, не желая продолжать разговор, поудобнее устроилась на полке и затихла. Зеленая книга пробурчала что-то неразборчивое и отвернулась к стене. И только книга в синей обложке громко пожелала всем спокойной ночи и замолчала. После этого в старой библиотеке воцарилась безмолвие. Книги стали просто книгами, от прежней беседы не осталось и следа. Можно было подумать, что все это придумало чье-то больное воображение.

Утром книги проснулись от жуткого топота и грохота.

— Сегодня вторник. Снова привезли новые книги, — заворчала Зеленая. Но на этот раз ее никто не остановил. На самом деле все книги очень не любили вторники и пятницы, ведь именно в эти дни в библиотеку прибывали «новенькие», с яркими и блестящими обложками, похожими на подарочные упаковки. Они так и светились в руках у людей. И конечно же на их фоне эти старые, потрепанные книги казались очень тусклыми, серыми и неинтересными... Даже Синяя, самая радостная и никогда не унывающая книга, в эти дни грустила и совсем не разговаривала.

— Люди стали нас забывать. Зачем им мы, когда есть эти яркие, новые и красивые. Они по размеру меньше нас и без труда помещаются в дамскую сумочку или карман... Мы больше никому не нужны..., — снова заныла Красная.

Книга в зеленой обложке вновь что-то буркнула и отвернулась. Синяя только тихонько всхлипывала в самом уголке полки. Остальные книги старались молчать, чтобы совсем ее не расстраивать. Именно так проходили все вторники и пятницы в этой библиотеке. А вот остальные дни недели ничем особенным не отличались, они длились в ни-

чем не примечательных разговорах старых книг, наполняя жизнь библиотеки воспоминаниями былой славы и почета этих печатных старушек... Такова была судьба книг, живших на самых последних, не достойных внимания людей полках...

Наступило утро следующего дня. Тусклые лучики солнца пробивались сквозь маленькие окошки библиотеки. Они падали на зеркально-чистый пол и ловко скользили по полкам и блестящим обложкам книг. Синяя, проснувшись, улыбнулась новому дню, и, окинув взглядом всю библиотеку, мягко произнесла:

— Какое прекрасное утро!

— Да уж, лучше не бывает! — все тем же пессимистичным тоном проскрипела Зеленая.

— Опять вы навеваете тоску, сударыня. Вам снова напомнить про «Таинственную комнату» и ее пленников? — спросила Синяя.

— Может лучше не надо?! — дрожащим и еще немного сонным голосом прошептала Красная.

— Если вам не составит труда, то расскажите мне про нее. Я совсем не помню этой истории про «Алые паруса»... — заинтересованно протянула Зеленая, даже не обратив внимания на Красную.

Красная взвизгнула от страха и вплотную прижалась к стене. А Синяя, выдержав небольшую паузу, начала свой рассказ, предварительно задав вопрос:

— Напомни-ка мне, голубушка, сколько вы тут уже с нами разделяете эти пыльные полки?

— Уже почти год, — недолго подумав, ответила собеседница.

— Конечно же, она не помнит этой истории, ее ведь еще здесь не было!

— Как она может помнить то, чего не видела?! — возмущенно воскликнула Синяя и бросила вопросительный взгляд на Красную.

Красная еще больше прижалась к стене, продолжая дрожать. Она виновато посмотрела на Синюю и отвернулась, чуть не плача. Синяя книга, не обращая внимания на всхлипывания соседки, продолжала рассказ:

— Дело было два года назад. Мальчик принес в библиотеку книгу с порванной обложкой и положил на полку, находящуюся над нами. Эту книгу звали необычно — «Алые паруса». Зеленая медленно подняла глаза на ту самую полку, но, не найдя ничего примечательного, вновь перевела взгляд на Синюю. — Мы с ней хорошо подружились и уже привыкли друг к другу. Но через несколько дней наш библиотекарь, Тамара Ивановна, проходила мимо полок в конце рабочего дня и заметила «Алые Паруса». Она взяла ее худыми морщинистыми руками, осмотрела со всех сторон, грустно вздохнула и отнесла в «Таинственную комнату», несмотря на все мольбы старой книги. Больше мы ее не видели...

Немного помолчав, рассказчица добавила:

— Никто еще не видел, чтобы из нее кого-нибудь выносили. Оттуда не возвращаются..., — совсем понизила свой голос Синяя и затихла.

Вдруг послышались приближающиеся шаги. Зеленая книга насторожилась:

— Что это за звук?

— Это Тамара Ивановна. Наверное, несет новую книгу, — предположила Синяя.

— Или идет забирать нас! — истерично выкрикнула Красная и закрыла глаза от страха.

К этому времени между двумя полками показалась Тамара Ивановна. Зеленая книга отметила, что в руках у нее не было ничего, и слегка задрожала. Красная громко стучала зубами. И только Синяя книга сохраняла спокойствие. Тамара Ивановна шла, напевая себе что-то под нос, и остановилась как раз возле них. Она окинула взглядом полки и с интересом потянулась к Зеленой. Осмотрев ее, она покачала головой и вздохнула. Зеленая, лежа у нее в руках,

совсем замерла, и казалось, даже не дышала. Затем библиотекарь взглянула на Красную, полистала страницы, снова вздохнула и положила сверху на Зеленую.

— Все что ни делается, все к лучшему, — отчаянно произнесла Синяя книга, когда костлявая рука Тамары Ивановны потянулась к ней.

Таким образом, все три книги оказались в одной общей стопке в руках у Тамары Ивановны. И, придерживая книги сверху и снизу, она направилась к старой деревянной двери, которая давно уже распевала заунывные песни своим несмазанным голосом. Красная книга по-прежнему клала зубы, Зеленая лежала еле дыша, а Синяя повторяла себе под нос: «Все будет хорошо! Все будет хорошо! Все будет хорошо!». Они не слышали ничего. В ушах стоял дикий гул. Этот гул прервала все та же песня несмазанной двери и хруст старых досок под ногами Тамары Ивановны. Она бережно положила книги на стол, не менее пыльный, чем их полка, вышла из комнаты, шаркая ногами, и захлопнула дверь. Послышались удаляющиеся шаги, вскоре совсем растворившиеся в библиотечной тишине.

В комнате было сыро, темно и холодно. Где-то в дальнем углу что-то тикало. Синяя, немного оправившись от потрясения, заговорила первая:

— Ну вот, теперь и мы сможем узнать, что это за комната и что в ней происходит...

Ей никто не ответил. В комнате было удивительно тихо. Зеленая по-прежнему молчала, бесшумно дыша. Красная уже не стучала зубами, а слегка сопела. «Опять спит!» — подумала про себя Синяя книга, взглянув в сторону источника звука. Она очень долго разделяла с ней одну полку, чтобы не знать, что Красная всегда спит, когда ей страшно. Зеленая тоже уже храпела, и Синя даже подумала, что эта способность присуща всем книгам. «Ну, вот и все!.. Пришло и мое время», — подумала она. Синя вдруг осознала, что ни о чем не жалеет. Как много было счастливых моментов! Она вспомнила, как ее любили дети, как они смеялись, пе-

речитывая ее раз за разом, как брали ее в путешествия, как обращались к ней в поисках ответов на важные жизненные вопросы. Она помнила все и была очень рада, что помогла стольким людям встать на верный путь к своему счастью. Слезы наворачивались на глаза, но это были слезы радости. Она видела столько изумленных и восторженных глаз, готовых сопереживать и прожить с книжными героями все моменты!.. Воспоминания нахлынули на нее, и в конце концов она погрузилась в сон.

Наступило утро, и лучики солнца начали медленно заполнять светом всю библиотеку, пробуждая ото сна ее обитателей. Синяя уже проснулась, и, не открывая глаз, улыбнулась. Она думала о вчерашнем дне и... Вдруг она вспомнила, как засыпала в сырой и темной комнате, как сильно боялась за себя и за своих друзей, как уснула в слезах, не надеясь вновь проснуться. Она резко раскрыла глаза и вновь закрыла их от яркого света. Она вновь попыталась открыть глаза, на этот раз медленно, чтобы глаза успели привыкнуть к солнцу. Щурясь, она осмотрелась вокруг и остолбенела. Она вновь стояла на полке, а вокруг нее были ее старые друзья — Красная и Зеленая. Они тоже проснулись и пытались понять, что происходит. Она посмотрела на них, и ее глаза распахнулись так широко, что чуть не выкатились из орбит. Они были по-прежнему красного и зеленого цвета, но при этом блестели и переливались в лучах утреннего солнца. Затем она взглянула на себя, и каково было ее удивление... Она тоже блестела и переливалась всеми цветами радуги... И тут Синяя поняла, что с ними случилось. На самом деле «Таинственная комната» не уничтожала книги, а дарила им вторую жизнь! А книги оттуда выносили ночью, когда все спали, поэтому никто ничего и не видел! Она взглянула на своих уже новых и красивых подруг и широко улыбнулась. Они ответили ей тем же. В это время библиотека открылась, и люди стали толпиться между полками. И только тогда книги осознали, что находятся на полке для «новинок». Они улыбнулись еще шире под восторженные взгляды.

сы посетителей. Теперь их снова любили и читали. И книги поняли, что их ждет еще долгая и не менее счастливая жизнь, чем была раньше. «Таинственная комната» открыла для них дверь к читательским сердцам, позволила еще раз стать человеческими спутниками и вместе двигаться по жизненной орбите.

Ячнева Виталина (6 класс), Ноябрьск

Открываю себя!

Вечер. Никого нет дома. Я люблю, когда остаюсь дома одна, но не сегодня. Подумав немного, по привычке включила компьютер и пошла за чаем. Но... не везет так не везет. Интернета не было.

«Что же делать, — подумала я, — чем же занять себя?» Взяла телефон, набрала номер Дашки. Прождав гудков шесть, поняла, что и здесь мне не повезло. Одним словом — не мой день! Побродив по квартире в размышлениях, чем же себя несчастную и никому не нужную занять, взглядом наткнулась на книгу Сомана Чайнани «Школа Добра и Зла». Небрежно взяв ее в руки, подумала: «Какое детское название! Каждый человек знает, что такое зло и добро, зачем об этом писать, тем более так много?» Книга была не маленького размера... Тяжело вздохнула, подумала, чем лучше заняться: чтением или уборкой. Выбрала книгу. Усевшись удобно в свое любимое кресло, открыла книгу и прочитала:

«Две башни, две сестры, что связаны навечно...

Одна приют для тех, кто чист душой,

Для черных сердцем место во второй...»

«Да, и правда, как в жизни. Есть хорошие добряки и отвратительные злоюки. Или как ад и рай», — подумала я и продолжила читать дальше.

Прошел час, затем другой, а я все читала и читала. Еще через полчаса зазвонил телефон. Я взяла трубку и услышала голос Дашки:

— Чего звонила?

— Кто звонил? Я звонила? — «Я об этом даже забыла», — пронеслось у меня в голове.

— Что делаешь? — спросила подружка. По голосу было слышно, что ей тоже нечем заняться, как и мне пару часов назад.

— Читаю.

— Читаешь? Ты что, Вита, пойдем лучше погуляем.

— Не хочу, — мне уже не хотелось разговаривать, а хотелось узнать, что же будет дальше.

— А... Понятно... — протянула Даша. — О чем читаешь-то?

И тут меня прорвало. Я воодушевленно начала рассказывать, что существует легенда о том, как в маленьком городке каждые четыре года появлялся таинственный похититель, который выбирал двух подростков и переносил их в школу добра и зла, где они должны были пройти обучение. А потом пропавшие дети обнаруживались... на страницах сказок.

Даша перебила меня словами: «Все ясно. Ты потеряна для общества!» — и бросила трубку. А я продолжила с упованием читать. Не знаю, сколько еще прошло времени, но я услышала звонок. Приложила к уху телефон, трубка загадочно молчала. И тут до меня дошло — звонили в дверь. Пришли родители.

— Как дела? Что нового? Чем занимаешься? — задала мама свои три коронных вопроса.

— Нормально. Ничего. Читаю, — так же кратко ответила я.

— Читаешь? Про что?

— Сейчас дочитаю главу и расскажу, — пробубнила я, все глубже погружаясь в книгу.

Но мое «сейчас» растянулось до того момента, пока мама не вытянула меня из этой увлекательной истории, потому что было слишком поздно.

Наступил поздний вечер, и меня отправили спать. А ведь мне оставалось дочитать самую малость, страниц

пятнадцать. Я долго не могла заснуть, ворочаясь в постели, раздумывая, чем же закончится история. Незаметно для себя я все же уснула, и мне приснился удивительный сон. Мне снились две девочки. Обе были похожи на меня как две капли воды, и в то же время разные, как две стороны медали. Одна моя сторона олицетворяла все мои хорошие качества, а другая — все плохие. Я смотрела, как будто в зеркало, и не узнавала себя. Эти две девочки отправились в путешествие, наполненное коварством, интригами и испытаниями, которые нужно было преодолеть. Одним из препятствий было испытание сказкой. Нужно было прожить один день в сказочном лесу, где на каждом шагу подстерегали опасности... Но две стороны меня помогали друг другу преодолевать все трудные испытания. И тогда, именно во сне, меня осенило, что в каждом человеке есть две грани. И никто не может быть только хорошим или только плохим.

Утром меня разбудил будильник. Умывшись и почистив зубы за рекордное время, я снова уселась читать. Но читала уже не быстро, а размеренно. Иногда перечитывая одни и те же фразы по несколько раз, как бы ища скрытый смысл в каждом слове. Так мне не хотелось прощаться с миром, который подарила мне эта книга.

В тот день я опоздала в школу, но открыла для себя таинственный, увлекательный, удивительный и познавательный мир книг — а он помог мне открыть себя!

**Петербургский
читательский форум:
КНИГА И ЖИЗНЬ**

ISBN 978-5-4386-1345-9

«Свое издательство»
199053 Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
(812) 900-21-45
editor@isvov.e.ru
<http://isvov.e.ru>
Заказ № 1906
Тираж 100 экз.